

История
Общество
Политика
2018
№2(6)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 2(6)
2018

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2018. №2 (6)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 15.07.2018

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антиухов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор и почетный доктор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2018

© Коллектив авторов, 2018

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 2 (6)
2018

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2018. №2 (6)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 15.07.2018

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - Doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2018

© Authors, 2018

Содержание

Культурная история

- Соловьев Ю.П.* Персидское посольство 1740–1742 гг. к Русскому Двору: парадоксы межкультурного взаимодействия 7
- Шафенкова Ю.В.* «Евангелисты-фурри»: средневековые зоантропоморфы на узких перекрестках мироздания 35

Политическая история

- Новикова А.В.* Деятельность мировых посредников в Орловской губернии 43
- Деменкова А.Д.* Императрица Цыси и её роль в политической истории Китая в последней трети XIX в. – начале XX в. 54

Военная история

- Ермолов И.Г.* Роль уголовников в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. 54
- Мисник М.Ю.* Гражданская война в Сирии и курдская проблема 62
- Федченко О.Д.* Поле Куликово: найти место битвы 66

История повседневности

- Смагина Д.Ф.* Скрыть нежелательных: Викторианские приюты для душевнобольных 81
- Сильванович В.К., Голованова В.И.* Две Родины Людвиг Пшибло 89

Историография, источниковедение

- Кунаев А.Г.* Современные стандарты и тенденции оцифровки письменных источников 99
- Чубур А.А., Гурьянов В.Н.* Посвятивший жизнь камню... Памяти археолога Бориса Вячеславовича Грудинкина (15.10.1955-19.04.2018) 104

Рецензии

- Артамошин С.В.* Рец. на кн. Рец. на кн.: Баринов И.И. Альфред Розенберг. Жизнь как миф. – М., 2017. – 376 с., илл. 123

Чубур А.А. Рец. на кн.: Курочкин, Сергей Алексеевич. Русское слово: Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Сватъславла, внука Ольгова : исследования / Ч.1. – Клинцы: Клиновская гор. тип. - 2015. – 319 с.; ISBN 978-5-88898-531-1 : 128

О сетевом издании «История. Общество. Политика» 136

Культурная история

УДК 94(47).063-065

Ю.П.Соловьев

ПЕРСИДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1740 – 1742 ГГ. К РУССКОМУ ДВОРУ: ПАРАДОКСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: Статья посвящена пребыванию в 1740 – 1742 гг. в России посольства персидского (иранского) шаха Надира (1688 - 1747). Путешествие посольства проходило на сложном политическом фоне: взаимоотношения Персии и России из-за воинственного и вспыльчивого характера Надир-шаха постоянно балансировали от дружбы к войне, к тому же в России за два года трижды сменилось правительство. Кроме того, посол и его окружение конфликтовали с местным населением. В статье освещены: особенности дипломатических отношений между Россией и Персией (Ираном) в 1-й половине XVIII века; деятельность сопровождавшего персидское посольство генерал-майора Степана Федоровича Апраксина (1702 – 1758), будущего генерал-фельдмаршала; а также судьба иранского посла Мухаммеда Хуссейн-хана.

Ключевые слова: Российская Империя. Персия (Иран). Дипломатические отношения. Императрица Анна Иоанновна. Император Иоанн Антонович. Императрица Елисавета Петровна. Надир-шах. Степан Федорович Апраксин. Мухаммед Хуссейн-хан.

Solovev Yu.P. Persian Embassy 1740 – 1742. to the Russian court: paradoxes of intercultural communication

Abstract: Article is devoted to stay in 1740 – 1742 in Russia of Embassy of Persian (Iranian) Shah Nadir (1688 - 1747). The Embassy's journey took place against a complex political background: relations between Persia and Russia due to the belligerent and violent nature of Nadir Shah were constantly balancing from friendship to war, besides, in Russia for two years, the government was replaced three times. In addition, the Ambassador and his entourage were in conflict with the local population. The article covers: the peculiarities of diplomatic relations between Russia and Persia (Iran) in the 1st half of the XVIII century; the activity accompanied a Persian Embassy major-General Stepan Fedorovich Apraksin (1702 – 1758), the future field Marshal; as well as the fate of the Iranian Ambassador Muhammad Hussain Khan.

Keywords: Russian empire. Persia (Iran). Diplomatic relations. Empress Anna Ioannovna. Emperor Ioann Antonovich. Empress Elisavetha Petrovna. Nadir Shah. Stepan Fedorovich Apraksin. Mohammed Hussain Khan.

К началу 1740 г. в Петербурге, где клонилось к закату царствование Императрицы Анны Иоанновны, стало известно, что «отправлено ко двору Ее Императорского Величества от Шаха Персидского чрезвычайное посольство во многолюдной свите, которое в российские границы к Кизляру вскоре прибыть имеют, при том же посольстве шлются 14 слонов...» [11, с.32] 3 июня 1740 г. Кабинет министров при Высочайшем дворе в лице вице-канцлера действительного тайного советника графа Андрея Ивановича Остермана и действительного тайного советника князя Алексея Михайловича Черкасского направил в Штатс-контору указ следующего содержания: «Понеже генерал-майор и л.-гв. Семеновского полка майор Апраксин отправлен отсюда, для принятия на границах и препровождения сюда, посылаемого ко двору Ее Императорского Величества от Шаха Персидского нового посла, а для такого отправления определено ему выдать на проезд 1000 руб., того ради оные деньги ему немедленно из штатс-конторы выдать надлежит» [11, с.14]. Степан Федорович Апраксин (1702 – 1758), будущий 18-й русский генерал-фельдмаршал и победитель пруссаков при Гросс-Егерсдорфе, покинул столицу 7 июня и направился в Астраханскую губернию, граница которой была одновременно в то время и границей России с Персией. Апраксину «о той порученной ему комиссии дана из Кабинета инструкция ж обстоятельная; а деньги на то посольство велено употреблять из обретающихся в Астрахани наличных» [11,

с.327] . Действительно, дважды, как минимум, (3 и 9 июня) Кабинет министров предписывал астраханскому губернатору генерал-кригс-комиссару князю Михаилу Михайловичу Голицыну-младшему «генералу-майору Апраксину, для употребления при врученной ему комиссии в препровождении оногo посольства, выдать 20 000 руб.» из имевшихся в распоряжении астраханских губернских властей наличных денег [11, с.32] . В дождливый четверг 19 июня Степан Федорович прибыл в Москву, где уже знали, что Апраксин «в Астрахань послан по указу». Дождь не прекратился и на следующий день, когда Степана Федоровича навестил находившийся тогда в Москве сослуживец по Семеновскому полку, 44-летний гвардии поручик Александр Алексеевич Благово [39, с.445].¹

Можно предположить, что ответственная командировка уберегла Степана Федоровича Апраксина от участия в очередном «Генеральном собрании», приговорившем 23 июня 1740 г. к смертной казни кабинет-министра Артемия Петровича Волынского, гоф-бау-интенданта Петра Михайловича Еропкина и советника Адмиралтейской конторы Андрея Федоровича Хрущова. Однако же слухи все равно связали командировку С.Ф.Апраксина с делом Волынского. Например, французский посол при Русском Дворе маркиз Иоахим-Жак Тротти де ла Шетарди (1705 – 1758), известный своими интригами, за которые его и выслали из России в 1744 г., писал в Париж из Петербурга 28 июня 1740 г.: «Распространился смутный слух о каком-то восстании в Астрахани и Казани. Полагают, что для укрощения и утишения виновников его, послали генерал-майора Апраксина под предлогом... встречи новых персидских посланников. Может быть, что тут есть правда, и что Волынский, бывши губернатором в названных губерниях, хотя и сделался там ненавистным своим казнокрадством, однако имел и приверженцев, и что волнение есть следствие его дела» [44, с.100] .

Между тем, миссия Степану Федоровичу Апраксину и в самом деле предстояла весьма нешуточная. Чтобы понять это, следует обратиться к происходившим тогда в Персии (современном Иране) событиям. Персидский Надир-шах, отправивший посольство к Императрице Анне Иоанновне, был своеобразным иранским аналогом нашего Стеньки Разина – с той лишь разницей, что иранский Разин победил и утвердился на престоле своей страны. Житель провинции Хорасан, турк из племени афшаров, Надир (родился в 1688 г.) смолоду шил бараньи кожухи. Когда же в этом увлекательном занятии наступали перерывы, Надир дважды возглавлял разбойничьи шайки. В те годы в Персии пресеклась правящая династия, новый шах Тахмасп II был слаб, страну оккупировали афганцы. В 1726 г. Надир во главе трехтысячной банды явился к шаху и предложил свои услуги в деле освобождения страны от иноземных захватчиков. Шах Тахмасп принял уголовника на службу, а тот в знак верности даже сменил имя – и стал называться «Тахмасп-кули-хан», то есть «князь-слуга Тахмаспа». Чтобы увеличить свое войско, свежеиспеченный Тахмасп-кули-хан убил своего дядю, начальника крепости Келат, и присоединил к своей банде дядину «группировку». За два года Тахмасп-кули-хан действительно выгнал афганцев из Персии. Но когда шах Тахмасп приказал ему прекратить войну и распустить войско, разбойник окружил своими людьми шахскую резиденцию и вынудил Тахмаспа передать ему под управление провинции Хорасан, Мазендеран, Сеистан и Керман, где вскоре начал даже чеканить свою монету. Потом Тахмасп-кули-хан развязал войну против турок, у которых отвоевал Азербайджан, часть Ирака – и начал занимать Армению. Но тут в дело вмешался шах Тахмасп, перехватил командование и за корот-

¹ **Благово Александр Алексеевич** (21 ноября 1695 – после 1751) зачислен Лейб-гвардии в Семеновский полк в 1715 рядовым; 13 мая 1722 подпрапорщик, с 29 ноября 1722 каптенармус, с 11 февраля 1724 сержант 2-й роты, с 10 августа 1730 прапорщик, с 27 февраля 1736 подпоручик, с 4 февраля 1739 поручик, с 1742 капитан-поручик, с 1747 капитан, в 1751 уволен в отставку в чине армейского полковника [22, с.42; 39, с.420-421].

кое время не только потерял все завоевания своего воинственного «слуги», но и уступил туркам часть коренной Персии. За это Тахмасп-кули-хан в 1732 г. сверг шаха, имя которого ранее принял, посадил на престол малолетнего сына Тахмаспа Аббаса, при котором сделался регентом и возобновил войну с турками. К 1735 г. Тахмасп-кули-хан завоевал Армению и Грузию. В том же году русские войска передали персам занятые еще в 1722 г. Петром Великим Баку и Дербент. Дело в том, что Россия готовилась тогда к войне с Турцией и рассчитывала в этом конфликте на поддержку Персии. После всех этих территориальных приобретений «неожиданно» умер малолетний шах Аббас и на персидский престол взошел Тахмасп-кули-хан, снова поменявший имя и превратившийся в Надир-шаха [33]. Надо сказать, что в позднейшее время в России Надир-шаха не признавали законным правителем и называли прежним именем «Тахмасп-кули-хан», что отражено в литературе. Например, Императрица Екатерина Великая в своих записках называет его «узурпатором Персии и ее тираном» [26, с.343].

Надо сказать, что Надир-шах так и не собрался помочь России в турецкой войне. Он сменил государственную религию Персии: вместо ислама шиитского толка ввел суннитский ислам. Потом Надир включил в свое войско родственных курдам «храбрых кочевых разбойников-бахтияров» и в 1737 г. вторгся в Афганистан. Здесь Надир-шах захватил Кандагар и Кабул, поставил под свои знамена афганцев – и 27 декабря (нового стиля) 1738 г. пересек индийскую границу. Пестрое войско Надир-шаха успешно покоряло государство Великих Моголов. 24 февраля 1739 г. Надир разгромил войско могольского императора Мухаммед-шаха в сражении у Карпала и 20 марта вошел в Дели. Через три дня дельицы восстали и перебили до 900 воинов Надира. В ответ персидский Стенька Разин устроил в Дели резню, продолжавшуюся сутки. Тогда погибли около 30 тысяч дельицев и только мольбы плененного Надиром Мухаммед-шаха помогли остановить избиение. Однако грабеж Дели продолжался 58 дней, после чего Надир-шах с войском отправился восвояси. Общую сумму награбленного Надиром в Дели англичане в конце XIX века оценивали в 32 миллиона фунтов стерлингов: «Наряду с огромным количеством мелких драгоценностей Надир-шах забрал павлиний трон, который позже был разобран на части. <...> Добыча, полученная Надиром-шахом..., оказалась достаточной для того, чтобы он послал из Дели на родину указ об отмене всех налогов в Персии на три года. Он также взял с собой тысячу слонов, сотню каменщиков и три сотни плотников» [18, 33, 28]. Вот как писал 5 октября 1739 г. о результатах этой кампании русскому резиденту в Персии Ивану Калушкину министр Надир-шаха Мегли-хан: «Изъявляю искреннюю мою готовность лично видеть Вас и уведомляю, что помощью прехвального Бога и по молитвам людей, преданных пользам государства, столица Шах-Джиган-Абад и все провинции Индостана покорены; казнохранилища, кладовые и сокровищницы государей тимуридских, почти с двумя тысячами слонов, достались в наши руки. Все крепости и области, лежащие по ту сторону реки Атока и моря Синдского, как-то: Пишевар, Кабул, Газнеин, Бемгешь, область Синдская и гористые места, обитаемые 900 000 семейств Авганских от границ Тибета и Кашемира до мест, где означенная река Аток впадает в море, с областями Тетегскими, крепостями и гаванями Деюльскими и другими, по особо заключенному трактату присоединены к Иранскому государству. Но его величество, которому жертва—дух мой, по уважению родового происхождения Мухаммед-шаха из рода туркоманов, по Гурганской линии, благоволил возратить ему корону индийского государства, которую и возложил на главу его августейшею своею рукою» [38, с.474].

В 1740 г. Надир-шах вторгся в Туркестан. Правитель Бухары уступил ему земли до Аму-Дарьи, множество бухарцев завербовалось в войска Надир-шаха. Хивинский хан Ильберз попытался оказать сопротивление Надиру, был разбит, низложен и заменен родственником сговорчивого бухарца [33]. Во время этого похода в руки Надир-шаха попали 107 рус-

ских пленников, некоторые из которых пребывали в рабстве у хивинцев еще с 1717 года. И здесь Надир вспомнил о союзнических отношениях, направил этих людей к русскому консулу в город Решт для дальнейшего следования на родину. Каждому освобожденному пленнику персидский владыка пожаловал по пять рублей, по два кафтана, по две пары сапог, по две рубахи, по две шапки, а также снабдил провиантом на дорогу [34, с.174].

Тем не менее, от такого соседа и даже союзника России было больше беспокойства, чем пользы. Здесь следует пояснить, как были оформлены дипломатические отношения между Россией и Персией в те годы. Это важно сделать еще и потому, что в литературе довольно часто можно встретить ошибочное утверждение, что будто бы Степан Федорович Апраксин в 1742 г. оказался русским посланником в Персии [14, с.14; 8, с.275; 22, с.9; 19; 2; 3]. На самом деле постоянных русских послов в Персии, равно как и постоянных персидских послов в России, не было. Посланники с двух сторон назначались чрезвычайные и временные. Так, с 1734 по 1737 год интересы Русского Престола в Персии представлял чрезвычайный посланник тайный советник князь Сергей Дмитриевич Голицын (1696 – 1738). Следующим посланником на период с 1745 по 1748 год стал родственник предыдущего, действительный тайный советник, адмирал, сенатор, кавалер орденов св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского, в 1740 – 1744 гг. астраханский губернатор, князь Михаил Михайлович Голицын-младший (1685 – 1764) [20, с.135, 127-128]. Как видим, ни чином, ни знатностью Степан Федорович Апраксин для такого поста не годился. На постоянной же основе интересы Петербургского Двора при Персидском Дворе представляли резиденты: до 1742 г. Иван Калужкин, а в 1742 – 1747 гг. Василий Федорович Братищев. Кроме того, в персидском городе Реште находился русский консул. В интересующее нас время эту должность занимали поручик Семен Арапов, а вслед за ним – Василий Михайлович Бакунин [58, с.511, 483; 10]. Эти чиновники, в свою очередь, стояли на карьерной ступени гораздо ниже С.Ф.Апраксина. Стоит ли пояснять, что уровень представительства, особенно в восточных странах, всегда был вещью крайне тонкой и далекой от кадровых случайностей...

Первый, направленный Надир-шахом в Россию посол, Хулефа, оставил о себе в литературе скандальную славу. Хулефа добрался до Петербурга к 13 марта 1737 г. и представил русскому правительству «целый ряд жалоб на притеснения, чинимые в Астрахани персидским купцам: за паспорта прежде платилось 15 коп., потом 1 р. 50 к., а теперь — от 5 до 6 руб., с их товаров взималась двойная пошлина...» [58, с.507] Потом Хулефа стал настойчиво требовать присылки ко двору Надир-шаха из России музыкантов и танцовщиков итальянской труппы, блиставшей при Дворе Императрицы Анны Иоанновны. В ответ на многократные требования персидской стороны великий канцлер князь Алексей Михайлович Черкасский отвечал: «Для засвидетельствования согласия и взаимной дружбы, имеет быть отсюда отправлено к шаху Персидскому торжественное посольство, при котором и требуемые музыканты, сколько их яко иностранных склонить можно, пошлются» [4, с.197-198]. Вообще, складывается впечатление, что посольство Хулефы занималось в России какой-то охотой на людей. П.Г. Бутков (1775 – 1857) в своих «Материалах для новой истории Кавказа» рассказывает: «Посол Надыр-Шаха, возвращаясь из России в Персию, люди его свиты увозили мужчин и женщин. Князь Голицын, губернатор Астрахани, 1740 года получил повеление, чтобы в проезд персиян чрез Астрахань обобрать у них всех увезенных ими; но персияне многих мальчиков и девочек попрятали в сундуки и таким образом перевозили за границу» [12, с.210]. Уже в 1742 г. Коллегия иностранных дел переслала в Астраханскую губернскую канцелярию указ о дозволении свойственнику «бывшего здесь персидского посла Хулефы» «Асседула Беку купить в Астрахани для свойственника его Хулефы двух калмычат, и о беспрепятственном пропуске их в Персию с тем Асседула-Беком при обратном его отсюда отправ-

лении» [4, с.198] . К тому же Хулефа всячески поносил Россию в своих посланиях ко двору Надир-шаха, о чем в марте 1740 г. сообщала Коллегия иностранных дел русскому резиденту в Персии Ивану Калушкину: «Прежний персидский посол Хулефа, отпущенный из Петербурга, жил долго в Москве, а теперь в Тамбове ждет Усеин-хана и посылает к шаху лживые донесения, поносительные для нашей империи известия» [56, с.84] .

Да и насчет настроений самого Надир-шаха русский резидент сообщал новости самые неутешительные: «Прежде хотя с трудом, однако можно было еще говорить о делах, а теперь так неслыханно возгордились как шах, так и все его министры, что и подступиться нельзя; шах только и говорит, что нет в свете государя, которого бы можно было с ним сравнить, на какое государство оборотит свою саблю, то сейчас же покоряется, причем ругает скверными словами то Великого Могола, то султана турецкого, не обходя их жен и детей, причем не говорит, а кричит во все горло. Подражая государю, министры и придворные, набранные вновь из последней подлости, ни с кем говорить не хотят. На твердость шахову к русской стороне вовсе положиться не смею; враждебные замыслы у него на нас уже были и теперь тайно продолжают; недавно приезжали к нему в лагерь депутаты: трое киргизов и четверо тухменцев, русские подданные, кочующие вместе с калмыками между Астраханью и Кизляром; именем всех аулов они объявили, что желают быть в службе шаха, не требуя от него ни оружия, ни лошадей, а только жалованья; обещали притом, что уговорят к тому же и калмыков. Надир принял их ласково, велел дать каждому по 200 рублей и отпустил с тем, чтоб они слово свое твердо держали и были готовы, когда дело до них дойдет» [56, с.84] .

Так или иначе, но уже 5 октября 1739 г. министр Надир-шаха Мегли-хан сообщил русскому резиденту в Персии И.Калушкину: «Надир-шах, в беседе с восемью доверенными близкими к нему особами, говорил между прочим о намерении его отправить на сих днях кого-либо из знаменитых вельмож, служащих при дворе его величества, ко двору Ее Величества Государыни Императрицы Российской с дарами и частью для Ее августейшей сестры и племянницы.— Реестр даров я имел случай видеть у хранителей государственных сокровищ и почел нелишним сообщить его вам; подарки эти оцениваются в 6 или 7 тысяч томанов. Кроме того высокочастливый Шах-заде (сын шаха) наместник и правитель государства намерен послать главному русскому министру и обер-камергеру по одному слону, что почитается в Индии самым значительным подарком» [38, с.474] . И действительно, в 1739 г. в Россию в качестве посланника был направлен «близкий родственник и обер-шталмейстер шаха» сердар Мухаммед Хуссейн-хан в сопровождении посольского товарища Етимат-хана и многочисленной свиты. Посол в самом деле вел и вез собой частицу делийских трофеев Надир-шаха [27, с.211] .

Полагаем нелишним привести здесь составленный Мегли-ханом реестр направленных в Петербург подарков Надир-шаха. Непосредственно Русской Императрице Анне Иоанновне предназначались: 10 перстней, украшенных алмазами и другими драгоценными камнями (в том числе хранящееся теперь в Эрмитаже – инвентарный номер V3-703 – золотое кольцо с большим алмазом, рубинами, изумрудами, при помощи которого могольский император Шах-Джахан (1627—1658) натягивал тетиву своего лука); перо — с одной стороны алмазное, а с другой финифтяное, с изумрудною подвеской (В Государственном Эрмитаже – инвентарные номера V3-443 и V3-444 – до сих пор хранятся две «джики»-эгрета из золота и нефрита с драгоценными камнями, те самые «перья», украшавшие головные уборы Великих Моголов. Популярнейший русский журнал «Нива» писал в 1874 г. по поводу этого подарка: «Из множества... даров должно считать главнейшею и первейшею, по значению своему, драгоценностью— алмазное перо. Подобными перьями украшают себя на востоке царственные особы. Они носят его, вместо короны на голове, с правой стороны» [38, с.474] .); маленький 4-х-

угольный стул, украшенный алмазами, яхонтами, изумрудами и жемчугом (золотой столик, украшенный 280 жемчужинами и 2783 драгоценными камнями – алмазами, рубинами, изумрудами, хранится в Эрмитаже, инвентарный номер V3-728); пояс алмазный, унизанный по краям жемчугом; цветок из рыбьей чешуи, украшенный алмазами; графин, украшенный алмазами, изумрудами и яхонтами и для него восьмиугольный из белой финифти поднос с ножками, украшенный яхонтами; сосуд для розовой воды, украшенный алмазами, яхонтами и изумрудами и под него золотой поднос, украшенный алмазами, яхонтами и изумрудами (поднос, хранящийся в Эрмитаже под инвентарным номером V3-725 украшают 914 рубинов, 112 изумрудов и 136 алмазов. Парный подносу сосуд-ароматник в эрмитажном собрании отсутствует); золотой с разноцветной финифтью сосуд с ножками и к нему 8-ми-местный поднос; чарка с маленькою крышкою из зеленой финифти, украшенная алмазами; 27 штук золотой и бумажной индийской парчи; 27 штук другого сорта золотой индийской парчи. Августейшей сестре Императрицы, то есть Цесаревне Елисавете Петровне, предназначались: пять перстней, украшенных алмазами и другими драгоценными камнями; графин, весь украшенный изумрудами и яхонтами (ныне в Эрмитаже, инвентарный номер V3-701) – и «поддонок» для него из зеленой и других цветов финифти; сосуд для розовой воды весь украшенный изумрудами (в Эрмитаже, инвентарный номер V3-702), три куса золотой парчи и столько же – парчи хлопчатобумажной. Так же Елисавете Петровне предназначались «чарка с крышкою из красной финифти», «и та и другая осыпаны алмазами» (в Эрмитаже, инвентарный номер V3-726) – предмет, проживший в России определенную историю... Наконец, августейшей племяннице Государыни Великой Княгине Анне Леопольдовне Надир-шах послал пять перстней, украшенных драгоценными камнями; графин, убранный яхонтами и изумрудами, имеющий сверху большую жемчужину; «поддонок» из золота с финифтью; убранный яхонтами и изумрудами граненый сосуд, грани которого сделаны были из жемчуга, а также в комплекте с этим сосудом «поддонок» из золота и финифти; «чарку с крышкою», изготовленные из золота и финифти и убранные алмазами, а также три куса золотой и бумажной парчи. Также в качестве подарков отправлялись в Россию 30 верблюдов [35, с.198] и, как уже говорилось, 14 слонов, 9 из которых предназначались непосредственно Императрице Анне Иоанновне [38, с.474]*.¹

Впрочем, персидский посол Хуссейн-хан помимо подарков вез также список вполне конкретных претензий к русскому правительству: «1) Шах желал с Россией свойство учинить, токмо в том ему отказано (т.е. в руке Цесаревны Елизаветы Петровны); 2) по просьбе шаховой персидских пленных и также грузинцев и армян не возвратили; 3) ногайцы в Персидскую сторону не уступлены; 4) корабельные мастера для делания в Персии судов не даны; 5) капельмейстеры для обучения музыке не присланы, 6) мастера, которые стенные шерстяные обои ткнут, не даны, и 7) персидским купцам беспошлинно торговать не велят» [23, с.60] .

До недавно (в 1735 г.) восстановленной на русско-персидской границе крепости Кизляр посольство Хуссейн-хан добралось 9 декабря 1739 г. О численности посольства служивший тогда в России при фельдмаршале Минихе прусский подполковник Христофор Герман фон Манштейн (1711—1757) в своих записках рассказывал: «Гамас-Кули-хан (Манштейн не признает Надир-шаха законным правителем и называет его прежним именем. – Ю.С.) после победы над великим Моголом отправил, в начале 1740 года, посла с этим известием к русской императрице во главе свиты, состоявшей из шестнадцати тысяч человек и 20 пушек. Двор

¹ Награбленные Надир-шахом драгоценности производят не меньшее, чем в XVIII веке, впечатление и на наших современников. Недаром снятый телекомпанией «Останкино» в 1992 г. документальный сериал, посвященный Эрмитажу, открывался фильмом «Дар Надира».

был извещен об этом вовремя, и выслал войска по направлению к Астрахани, чтобы расположиться лагерем на персидской границе. Когда посол подходил к реке Кизляру, генерал-майор Апраксин (здесь явная ошибка – С.Ф.Апраксин, как мы знаем, отправился в Кизляр только в июне 1740 г. К тому же недавно произведенному в чин генерал-майору вряд ли доверили бы столь серьезные воинские силы, о которых говорит мемуарист ниже. Скорее всего, под именем Апраксина Манштейн упомянул астраханского губернатора князя Михаила Михайловича Голицына-младшего. – Ю.С.), командовавший пятью пехотными и шестью драгунскими полками, послал сказать ему, что так как по пути из Астрахани к Москве приходилось пройти большую пустыню, то не будет возможности доставить ему фураж и съестные припасы для такого количества людей, что поэтому его просят оставить остальных, взяв с собою не более 2000 человек. Это представление остановило посла; он отправил курьера к своему повелителю, который приказал ему условиться с русскими уполномоченными насчет числа людей, которые должны были сопровождать его ко двору» [27, с.211].

Путь персидского посольства от Кизляра до Петербурга подробно изучил по документам Московского главного архива министерства иностранных дел тамбовский краевед Иван Иванович Дубасов (1843-1913) на том основании, что посольство это много времени провело как раз в Тамбове [23, с.59-69]. Исследованием И.И.Дубасова мы здесь, в основном, и воспользуемся, дополняя его по возможности из других источников. Итак, посольство Хуссейнхана простояло под Кизляром до августа 1740 г.: «В ожидании дальнейшего путешествия персияне требовали себе и слонам корму и конвой в 3000 человек для береженья от горских народов. Вследствие этого в персидский лагерь выслан был конвойный отряд в 1000 человек под начальством полковника [Якова Лукича] Фролова-Багреева (позже генерал-поручик и генерал-аншеф, в 1759 г. временно командовал, после С.Ф.Апраксина и В.В. Фермора, Русской Армией в войне против Пруссии – Ю.С.) и транспорт съестных припасов и водок во многом числе» [23, с.60]. О том, что участники персидского посольства, немало потребляли горячительных напитков, хотя и были мусульманами, часто сообщают русские наблюдатели.

Какое-то движение у Кизляра началось лишь тогда, когда во главе посольских приставов прибыл сюда генерал-майор Степан Федорович Апраксин, который привез, надо полагать, разрешение персам двигаться к Петербургу. Что касается команды русских приставов, то в нее, помимо главного пристава С.Ф.Апраксина, входил еще один офицер Лейб-гвардии Семеновского полка – подпоручик Петр Васильевич Чаадаев, дед известного русского мыслителя Петра Яковлевича Чаадаева. Чаадаев-дед, вероятно, перед отправкой к посольству, был пожалован в Манежную контору прокурором с полковничьим рангом [29, с.44-45; 22, с.177; 47]. Далее, при посольстве оставался уже знакомый нам полковник Яков Лукич Фролов-Багреев. Немного позже в число приставов вошли подполковники Алексей Иванович Тевкелев (позже генерал-майор) и Эгбрехт [23, с.60-61]. Также в команду С.Ф.Апраксина входили капитан Толстой и капитан же Архангелогородского драгунского полка князь Сергей Федорович Волконский (1715-1784), позже генерал-майор, женатый на Марии Дмитриевне Чаадаевой – вероятно, родственнице помянутого ранее офицера-семеновца [53, с.553-554; 15, с.410].

Всем этим людям и подчиненным им нижним чинам предстояла сложнейшая логистическая, как теперь говорят, операция по переправке своим ходом через огромные пространства с самым разнообразным климатом группы из двух тысяч не самых спокойных иностранцев, большинство из которых были хорошо вооруженными и опытными воинами, их лошадей, слонов, иного скота, по снабжению всей этой массы продовольствием и ночлегом. Кроме того, русским офицерам – и прежде всего С.Ф.Апраксину – следовало, по возможности, выведать планы воинственного персидского владыки, равно как и тайные намерения по-

сла. Да и друг друга не мешало бы опасаться, поскольку несколько приставов имели право прямого сношения с кабинет-министрами, а кое-кто из приставов, даже и не имея такого права, оказался склонен к доносительству... Плюс ко всему, движение посольства следовало регулировать в соответствии с распоряжениями петербургского правительства, имевшего свои виды о времени представления гостей в столице, а также и с желаниями посла.

Что же касается этого последнего, то он принял русских приставов «с крайней надменностью и через переводчика приказал им как можно тщательнее заботиться о почтовых лошадях и съестных припасах» [23, с.61]. Генерал-майору С.Ф.Апраксину Хуссейн-хан постоянно старался продемонстрировать, что он ему не ровня: «Нередко Хуссейн-хан обижался даже на то, что генерал Апраксин слишком близко подсаживался к нему. Поэтому он взял свои меры предосторожности для ограждения посольской чести. В его палатке для него устроен был высокий рундук (видимо, постамент, по образцу тех, на которых восседали Великие Моголы. – Ю.С.), куда Апраксин конечно уже не решался лазить...» [23, с.65] В какой-то момент сам Степан Федорович докладывал в столицу: «По обыкновенной своей гордости персидский посол поступает со мной и со всеми с немалой спесью» [23, с.63].

11 сентября 1740 г. посольство Хуссейн-хана торжественно вступило в Астрахань, встреченное «губернатором и войсками с надлежащею церемонию, отданием чести и пушечною пальбою» [23, с.60-61]. Относительно численности сопровождавших Мухаммеда Хуссейн-хана лиц сведения существуют довольно противоречивые. С.М.Соловьев сообщает, что «посол Магомет Усеин-хан прибыл в Астрахань с 126 человеками свиты и столькими же лошадьми» [56, с.84]. И.И.Дубасов говорит: «Посла окружала нарядно одетая свита из 128 человек» [23, с.60]. Х.Г. фон Маштейн насчитал во въезжавшем при нем в Петербург персидском посольстве 2000 человек [27, с.211], а П.Г.Бутков лаконично заявляет: «1740 г. чрезвычайный персидский посол Сердар-Хан, имея при себе 1972 чел. военных, следовал с ними в Петербург. Принята военная осторожность для охранения русских от обид» [12, с.210]. Современный же отечественный историк И.В. Курукин говорит, что «Мухаммед Хусейн-хан возглавлял огромный дипломатический караван из 2128 человек» [34, с.176]. Скорее всего, посольство было разбито, как это видно из позднейшей документации, на несколько групп от одной до пяти сотен человек, которые двигались друг за другом с определенными интервалами. И головная группа, вошедшая в Астрахань 11 сентября 1740 г., действительно могла состоять из 126-128 человек.

Один из русских приставов, подполковник А.И.Тевкелев, уже из Астрахани поделился с вице-канцлером графом А.И.Остерманом впечатлением от персидского посла: «Из себя Хуссейн-хан прост и рассуждения не дальнего, токмо весьма величава себя имеет и людей своих в страхе содержит и одному человеку за продерзость его ухо отрезал и всех безщадно бьет» [23, с.61]. Доставалось от Хуссейн-хана и русским приставам. Однажды персидский посол вызвал к себе подполковника Эгбрехта и «учал кричать на него: для чего де почтовые лошади были у тебя слабы и худы». Эгбрехт молчал. Тогда Хуссейн-хан приказал своим слугам: «Пук палочья подать сюда». Палки принесли и всерьез собирались отделать ими русского штаб-офицера. Но Эгбрехт приготовился к отпору, прислонился спиной к стене и через переводчика объяснил послу, «что в России офицеров не бьют и что, во всяком случае, он будет защищаться и потом жаловаться». Тут Хуссейн-хан драть подполковника раздумал и отослал слуг с палками вон. Однако же в иное время, как пишет И.И.Дубасов, «разным казацким сотникам и старшинам, конвойным капралам и солдатам, и всякому встречному люду постоянно доставалось: их “немилостиво и часто били топорными обухами и палками”. Между прочим “смертельно” биты были персиянами казацкие полковники Серебряков и Наследушев». В

какой-то момент из Петербурга пришел даже С.Ф.Апраксину приказ «пристойным образом унимать посла» [23, с.63-64] ...

То, что 14 слонов, следовавших с персидским посольством, также немало доставляли хлопот, можно понять из позднейших сообщений газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1741. №80). 16 октября 1741 г., когда живой персидский подарок был уже водворен на петербургском «слоновьем дворе», утром три слона начали буйствовать, «осердясь между собою о самках», сорвались с цепи и ушли гулять в город. Двоих слонов вскоре поймали, а третий «пошел через сад, изломал деревянную изгородь, прошел на Васильевский остров и там изломал Сенат и Чухонскую деревню», но был в итоге пойман. А на следующее утро уже четыре слона сорвались с привязи, сломали ворота и «много беды наделали в городе» [46, с.66; 35, с.199] ... Если слоны так себя вели в столичном городе, где их многое могло пугать и заставляло робеть, то «на воле», по дороге к столице, среди степей, полей и лесов они точно буянили куда больше. Вообще же, древнему карфагенскому полководцу Ганнибалу до сих пор ставится в заслугу умение переправить боевых слонов из Северной Африки в Европу, а также переходы со слонами через Альпы, через реки и прочие преграды... Следовательно, генерал-майор С.Ф.Апраксин, обеспечивая поход слонов через всю Россию в Петербург, выполнял полководческую задачу. И при этом, в отличие от Ганнибала, не потерял ни одного слона.

Неделю простоя в Астрахани, первая партия персидского посольства 18 сентября на 170 подводках тронулась к Царицыну. Путь каравана лежал через голую степь, в которой «нигде жилья не имелось». Вскоре к головной партии присоединились еще 120 персов, которых «главный пристав генерал-майор С.Ф. Апраксин приказал рассадить... и разложить персидский багаж на 800 подводках» [23, с.61] . При этом лошадей добывали за тридевять земель – ведь вблизи, как уже говорилось, не было ничего. Вот так, ни шатко, ни валко, посольство двигалось пять месяцев, пока первая партия во главе с посольским товарищем Етимат-ханом и десятью слонами не достигла 13 января 1741 г. города Тамбова [23, с.62] . А в России, да и в судьбе главного пристава посольства генерал-майора Степана Федоровича Апраксина, за эти месяцы произошли коренные перемены.

17 октября 1740 г. скончалась Русская Императрица Анна Иоанновна. Ей наследовал внучатый племянник, трехмесячный Император Иоанн Антонович. Регентом при Императоре-младенце стал фаворит покойной Императрицы герцог курляндский и семигальский Эрнст Иоганн Бирон. Однако уже 8 ноября прежний начальник и покровитель С.Ф. Апраксина фельдмаршал граф Б.Х.Миних совершил дворцовый переворот: Бирон был арестован и сослан в Сибирь. Правительницей государства при малолетнем Императоре стала мать Иоанна Антоновича и племянница покойной Императрицы Великая Княгиня Анна Леопольдовна. 10 ноября 1740 г. в Петербурге, при Дворе «было восприятие Всероссийского правительства любезнейшей Его Императорского Величества матери, Ее Императорского высочества, Благоверных Государыни, Великия Княгини Анны Правительницы всея России» [16, с.260] . В тот день состоялся парад всех, находившихся в столице, гвардейских и армейских воинских частей.

Вскоре начались обычные для перемены правления награждения. 12 ноября каждому унтер-офицеру и солдату расквартированных в Петербурге частей царским указом были пожалованы «вина простого по две чарки». Лицам же значительным и пожалования были куда существеннее, о чем тогда же сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости» (1740. №92. С.732). На другой день «после принесенной всеми чинами Империи присяги», супруг Правительницы, принц брауншвейг-беверн-люнебургский Антон-Ульрих, стал генералиссимусом всей Российской Империи, а также подполковником Лейб-гвардии Семеновского и Конного полков. Генерал-фельдмаршалу графу Бурхарду Христофору Миниху тогда же был

пожалован чин первого министра «в Его Императорского Величества консилиях», а также «объявлено ему впредь по генералиссимусе первым быть в Империи, а супруге его пред всеми знатнейшими дамами также и супругами тех принцев, ”которые невладеющие в Российской службе обретаются”, иметь первенство» [16, с.261] . Не были обойдены милостями и ключевые фигуры прежнего царствования: кабинет-министры вице-канцлер граф Андрей Иванович Остерман стал генерал-адмиралом, а действительный тайный советник князь Алексей Михайлович Черкасский – великим канцлером. Отчим С.Ф.Апраксина, генерал-аншеф Андрей Иванович Ушаков получил орден св. Андрея Первозванного. Наконец, гофмаршалу Шепелеву и генерал-майору Апраксину (именно в таком порядке) были пожалованы «знатные маетности», то есть имения [16, с.261] .

Историк П.П.Пекарский (1828-1872), работавший в 1850-х годах в семейном архиве Апраксиных и знакомый с их семейными преданиями, рассказывал: «По смерти Императрицы Анны и уже после арестования Минихом Бирона, Апраксин, 14 ноября 1740 г., получил от правительницы Анны Леопольдовны “знатные маетности”, именно в Севском уезде (Орлов[ской] губ[ернии]) село Брасово (ныне Брянской области РФ. – Ю.С.) с принадлежащими к нему селами и деревнями, в которых тогда числилось более 7 т[ысяч] душ; количество земли не было притом означено, а сказано глухо: “что по справке в Брасовском стану пашни явится, то недвижимое отказать... г.Апраксину”. Это значительное имение и до сих пор в роде потомка фельдмаршала. Сохранилось семейное предание, что эта награда получена Апраксиным по особенной рекомендации о нем Миниха, и что ему предлагалось от правительницы на выбор: или графский титул, или поместья. Миних посоветовал своему небогатому подчиненному принять последние» [42, с.169] .

Странно, однако, как вообще мог произойти такой разговор – ведь С.Ф.Апраксин в это время медленно продвигался с персидским посольством от Царицына к Тамбову. Кроме того, процитированное П.П.Пекарским семейное предание очень напоминает известный анекдот о графе Федоре Васильевиче Ростопчине (1763 – 1826). Однажды в ответ на вопрос Императора Павла Петровича, почему Ростопчины, будучи выходцами из Золотой Орды, не имеют княжеского титула, Ростопчин ответил: «Когда татарский вельможа... в первый раз являлся ко Двору (русскому. – Ю.С.), ему предлагали на выбор или шубу, или княжеское достоинство. Предок мой приехал в жестокую зиму и отдал предпочтение шубе» [48, с.89] .

Между тем, пожалование требовало законодательного закрепления. Не тотчас, а уже 21 февраля 1741 г. был издан именной указ «О пожаловании генерал-майору и гвардии майору Степану Апраксину, из дворцовых, Севского уезда, Камарицких волостей, села Брасова с деревнями, в вечное и потомственное владение» [9, с.34]¹ . А через два дня, в понедельник 23 февраля, на заседании Правительствующего Сената первым вопросом обсуждалось жало-

¹ Указанная дата известна краеведческой литературе: А.М.Дубровский и А.А.Иванин в своей книге «Севский уезд во второй половине XVIII века: поселения, землевладения, крестьяне и землевладельцы» [24, с.18] сообщают, что Брасово С.Ф.Апраксину «было пожаловано “за оказанные службы” 21 февраля 1741 г. и ссылаются при этом на архивное дело: Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф.325. Оп.1. Д.763. Л.2. Названный фонд (по современной шифровке – ГАБО. ОДФ. Ф.325) объединяет дела Севского уездного суда с 1771 по 1868 г. Указанное А.М.Дубровским и А.А.Иваниным дело 1784 г. объемом всего в 4 листа озаглавлено так: «Дело по челобитью провинциального секретаря Никиты Викулина с предоставлением к допросу беглого своего крепостного Григория Москвина» [21]. Несложно догадаться, полагаем, что на 2-м листе этого дела ровным счетом ничего не говорится о пожаловании Брасова С.Ф.Апраксину. Кроме того, В.В.Крашенинников в 1 томе своего обширного труда «История Севска и окрестных мест» [31, с.290] говорит о пожаловании Брасова Апраксину в 1741 г., а во 2 томе [32, с.395] относит то же пожалование к 1740 г., называя при этом упорно Степана Федоровича Апраксина «Семёном Фёдоровичем». Что побудило историка так менять дату пожалования непонятно, т.к. В.В.Крашенинников в своей книге ссылок не делает.

вание по именному Его Императорского Величества указу, «за подписанием, именем Его Императорского Величества, Ее Императорским Высочеством Государыни Правительницы Великой Княгини Анны всея России собственныя руки: ...генерал-майору и гвардии майору Степану Апраксину Севского уезда из дворцовых Камарицких волостей в Брасовском стане села Брасова, с принадлежащими к нему в том стане селами и деревнями, в вечное и потомственное владение». Сенат, «слушав», приказал: «По тому указу учинить исполнение» [50, с.586-587] .

Пожалование «знатных маестностей» было Степану Федоровичу Апраксину на тот момент куда как кстати: служака-гвардеец и боевой генерал заразился, по всей видимости, от своих персидских подопечных вирусом роскоши. Можно предположить, что персы, разграбившие накануне баснословные сокровища Великих Моголов, своим богатством потрясли русских приставов, привыкших за время Петра Великого и его преемников к достаточно сдержанной бытовой культуре. И дело даже не в поразительных подарках русским монархам, которые вез шахский посол и о которых говорилось выше. Можно просто взглянуть на изысканное индийское и персидское оружие в собрании Эрмитажа и сравнить это оружие с европейским и русским, чтобы понять различие. Надо полагать, русские военные, в том числе и С.Ф.Апраксин, именно на это обратили внимание в первую очередь, поскольку персонал шахского посольства состоял также из воинов. Кроме того, посол Хуссейн-хан пользовался серебряной посудой, что поражало русских. И даже оставшись в России как частное лицо (о чем впереди), Хуссейн-хан не изменил этой своей привычке [6, с.175-176] . Степан Федорович Апраксин, как только позволили средства, первым из русских также завел у себя серебряную посуду. У современников это вызвало, как теперь говорят, «культурный шок», нашедший отражение в знаменитом сочинении «О повреждении нравов в России» известного историка и политического деятеля князя Михаила Михайловича Щербатова (1733-1790): «Степан Федорович Апраксин, человек пышной и роскошной, помнится мне, до конца жизни своей на фаянсе едал, довол[ь]ствуясь иметь чаши серебряные, и я слышал от Ивана Лукьяновича Талызина, что он первый из собственных своих денег сделал себе сервиз серебряной» [57, с.73]. И уже в 1748 г. прусский посланник при Русском Дворе Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн отмечал, что С.Ф.Апраксин – человек, «влюбленный в роскошь» [36, с.319] .

К слову, и в Европе понятие роскоши тоже имело персидский, что ли, оттенок. Когда в 1740 г. маркиз Иоахим-Жак Тротти де ла Шетарди уезжал в Россию в качестве французского посла, одна из парижских дам, госпожа де Мальи, «просила приобрести для нее мех и два куса персидской материи, предупреждая, чтобы первый и вторые не превышали стоимостью 300 ливров каждые, так как не желает слишком хороших, потому что недовольно для того богата; деньги же отдаст тотчас по получении письма о том» [44, с.142] ...

Конечно, тяга к роскоши была не единственным результатом общения С.Ф.Апраксина с персидскими придворными. О том, что Степан Федорович при этом сравнительно легко отдался, показывает случай его напарника по «персидской» экспедиции, также офицера Лейб-гвардии Семеновского полка Петра Васильевича Чаадаева. В 1743 г., уже будучи гвардейским майором, Чаадаев сошел с ума. Зная его Императрица Екатерина II вспоминала о характере чаадаевского безумия: «Сумасшествие Чаадаева заключалось в том, что он считал Господом Богом шаха Надира, иначе Тахмаса-Кулы-хана, узурпатора Персии и ее тирана. Когда врачи не смогли излечить его от его мании, его поручили попам; эти последние убедили Императрицу (Елисавету Петровну. – Ю.С.), чтобы она велела изгнать из него беса. Она сама присутствовала при этом обряде; но Чаадаев остался таким же безумным, каким, казалось, он был; однако были люди, которые сомневались в его сумасшествии, потому что он здраво судил обо всем прочем, кроме шаха Надира; его прежние друзья приходили даже с

ним советоваться о своих делах и он давал им очень здравые советы...» [26, с.343] Остаток своих дней П.В. Чаадаев провел при Дворе Императрицы Елисаветы Петровны, где со временем под наблюдением лейб-медика Бургава «образовалась маленькая больница для умалишенных», и скончался в 1755 г. [47]

Очередная партия персидского посольства, с которой путешествовал и сам Мухаммед Хуссейн-хан, 7 марта 1741 г. появилась близ Тамбова, в местности, называемой Кузьмина Гать [23, с.61]. В этот день в Петербурге по причине разногласий с мужем Правительницы, Принцем и генералиссимусом Антоном-Ульрихом, вышел в отставку 57-летний генерал-фельдмаршал граф Бурхард Христофор Миних [44, с.211]. Для генерал-майора С.Ф. Апраксина это означало потерю единственной опоры в служебной деятельности. Отныне волей-неволей Степан Федорович был вынужден действовать по принципу «каждый сам за себя» и одиноко выживать в серьезных политических непогодах.

В Кузьминой Гати Хуссейн-хана приветствовал и поздравил от имени тамбовских властей с приездом состоявший при С.Ф. Апраксине 23-летний студент Иностранной коллегии Петр Матвеевич Чекалевский (Чиколевский), имевший, по мнению начальства, «в персидском языке искусство» [23, с.61-62]¹. При этом точно не известно, встречался ли по дороге или в Тамбове Хуссейн-хан со своим предшественником на посольском посту, Хулефой.

Торжественный въезд Хуссейн-хана в Тамбов состоялся 8 марта: «Около села Бокина выстроился Сибирский драгунский полк с оркестром музыки и штандартами. Тут же были и все местные власти. В 4 часа пополудни Хуссейн-хан, до того времени отдыхавший в одной бокинской избе, прикрепил к шапке шахово перо (символ власти, драгоценную джику-эгрет, наподобие тех двух, что вез в подарок Русским Монархам. – Ю.С.), сел на коня и начал церемониальное шествие до самого Тамбова по так называемой большой Астраханской дороге. Проезжая мимо Сибирского полка, Хуссейн остановился против него на несколько минут, но не приветствовал солдат, опасаясь унизить свое посольское величие. В 3-х верстах от Тамбова посол встречен был своим товарищем Етиматом, прибывшим в Тамбов еще 13 января. За посольским товарищем в одну линию поставлены были слоны, числом 10. В момент вступления посольства в городскую крепость произведен был ему салют из 25 пушек. У квартиры Хуссейн-хана на улице стоял почетный караул из 500 человек Ростовского пехотного полка. Во дворе же стояла того же полка рота со знаменем и музыкою. Ни на кого не глядя и не слушая музыки, Хуссейн быстро вошел в свои комнаты и немедленно занялся обедом» [23, с.62]. Скандальный характер Хуссейн-хана был слишком хорошо известен сопровождающим посла лицам. Поэтому посольская свита и пристав подполковник А.И. Тефкелев более часа неподвижно и молча взирали на Хуссейнов обед. Когда же приветствовать посла прибыл тамбовский воевода Золотилов, Хуссейн-хан его не принял.

В это время напряженность в отношениях между Русским и Персидским Дворами росла. Надо полагать, женское правление Императрицы Анны Иоанновны уже было в глазах Надир-шаха чем-то противоестественным и недостойным уважения, а попросту «слабой позицией». Пришедший же на смену этой Императрице Император-младенец Иоанн Антонович при Правительнице-женщине выглядел еще менее убедительным. Русский резидент при Персидском Дворе Иван Калужкин в мае 1741 г. доносил в Петербург, что когда вручал На-

¹ Петр Матвеевич Чекалевский был примечательной личностью. На следующий год он сам отправится в Персию в качестве переводчика при русском консуле. В конце 1740-х П.М. Чекалевский был уже секретарем Коллегии иностранных дел. В 1755 г. его произвели в чин коллежского асессора и направили на 5 лет консулом снова в Персию. В 1760 г. П.М. Чекалевский был произведен в надворные советники и переведен в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Общение с персами и для этого человека не прошло бесследно – в 1781 г. он постригся в монахи [60].

дир-шаху верительные грамоты от нового русского правительства, то шах взял в руки лишь грамоту, написанную от имени Императора Иоанна Антоновича. Грамоту же от Правительницы Анны Леопольдовны велел принять своему министру Мехтихану. Калушкин нервничал: «Прежде хотя с трудом, однако можно было еще говорить о делах, а теперь так неслышанно возгордились как шах, так и все его министры, что и подступиться нельзя...» [56, с.84] Мы видим, что подобную манеру поведения избрал и находившийся в России Хуссейн-хан, наверняка связывавшийся со своим Двором и получавший на сей счет инструкции.

Опасений русским государственным людям прибавляли слухи о том, что Надир-шах, пользуясь придворной нестабильностью в России, строит планы нападения. Следует сказать, что именно внутренняя смута в Индии стала причиной нападения Надира на государство Великих Моголов. Французский посол в Петербурге маркиз Шетарди 21 марта 1741 г. сообщал в Париж, называя Надир-шаха прежним именем «Тохмас Кули-хан»: «Тохмас Кули-хан возбуждает затруднения. Уверяют, что этот завоеватель просил дозволить пройти отряду его войск чрез царства Казанское и Астраханское, не представляя в тому никаких уважительных причин... <...> Тохмас Кули-хана... здесь боятся больше всего на свете, также как и последствий, могущих произойти притом для провинций соседственных с Персией» [44, с.230] . А вскоре в Петербурге стало известно и о «художествах», которые творил Надиров посол Хуссейн-хан по дороге к Тамбову. Маркиз Шетарди писал об этом 24 марта: «...Новый посланник Тохмаса Кули-Хана дурно обходится с приставленными к нему офицерами и солдатами и каждый день высказывает притязания, возбуждающие затруднения и влекущие отказы...» [44, с.231]

Персы расселились не только по всему Тамбову, но получили квартиры также в пригородной деревне Борщовке. В месяц на плов персияне (их было, напомним, около двух тысяч) изводили по 1260 пудов рису и по 1113 баранов. Сахару в месяц съедали по 66 пудов. Прочая провизия расходовалась в таких же масштабах. Кроме того, в Астрахань и Москву постоянно посылали гонцов, чтобы закупать для посольства тот же рис («сарацинское пшено»), шафран, сахар и вина. При этом персы постоянно жаловались, что им «корму мало», а также просили денег в русской наличной монете [23, с.64] . Как писал в конце XIX века тамбовский краевед И.И.Дубасов: «Послы прожили в Тамбове до первых чисел июня и все это время по своей надменности и жадности были истинным бременем для местного народонаселения. <...> Вообще, персияне жили в Тамбове очень беспокойно. Они ссорились и дрались с жителями ежедневно. Их за это брали под караул и отсылали к послу, а посол их не наказывал. Близ главной посольской квартиры часто играла персидская музыка. Персияне чуть не еженедельно праздновали победы своего шаха... Несмотря на известные предписания Корана, персияне вели у нас слишком невоздержную жизнь и первые чины их посольства напивались допьяна чуть не ежедневно, истребляя гданской водки в один присест по 1 ½ штофа на человека. Самого Хуссейн-хана, случалось, относили в опочивальню на руках» [23, с.63-64] .

Понятно, что в такой напряженной обстановке, которая могла принести России кровавое столкновение с воинственным и непредсказуемым Надир-шахом, от главного пристава при персидском посольстве, Степана Федоровича Апраксина, требовались распорядительность, такт, а где надо – и твердость, умение слушать, войти в контакт с надменными иностранцами и разведать их планы. Как пишет современный историк И.В.Курукин: «Степан Апраксин... в заботах о провианте и квартирах для своих подопечных выбивался из сил, но свое дело знал. Он завязал неформальные отношения с ”доброжелательными” лицами из свиты посла, информировавшими пристава о полученных из Исфахана грамотах, о действиях шахских войск в Дагестане и о настроениях самого Мухаммед Хусейн-хана» . Надо полагать, что «неформальные отношения» с сильно пьющими персами заставляли Степана Федорови-

ча, который по природе своей влечения к горячительным напиткам не испытывал, распивать с нужными собеседниками «гданскую водку». Позже это умение поможет Апраксину наладить связи уже при Русском Дворе.

И еще одно качество, которое позже вызвало критику со стороны Императрицы Екатерины Великой, продемонстрировал в «персидской» командировке генерал-майор С.Ф. Апраксин: снисходительное отношение к подчиненным. Напомним, путь персидского посольства от Кизляра до Тамбова занял без малого полгода. И в Тамбове пришлось простоять четыре месяца. Некоторые офицеры из команды С.Ф.Апраксина просились домой, навестить близких и привести в порядок хозяйство. Степан Федорович шел своим офицерам навстречу, причем позже сам и страдал от доносов некоторых таких «отпускников». Например, уже весной 1743 г. бывший подчиненный Степана Федоровича, капитан Архангелогородского драгунского полка князь Сергей Волконский, обойденный очередным званием, донес оберкригскомиссару Василию Смирнову, что он, Волконский, будучи под началом генерал-майора С.Ф.Апраксина «при посольской персидской свите, милостию его счисляясь при той свите, целый год жил в деревнях своих, також и другие при той свите счисляющиеся равным образом в домах жили, а некоторые из бывших при той свите довольно и набогатились, а ранги и чрезвычайные, по представлению его (Апраксина – Ю.С.)... получили, как Толстой из капитанов чрез год в полковники, да и многие де в день высокой Ее Императорского Величества (Императрицы Елисаветы Петровны. – Ю.С.) коронации, по представлениям его ж (Апраксина. – Ю.С.)... рангами произведены, якобы за труды в бытность при той свите, а оные де при той свите и не были, а с чего в представлениях к повышению (якобы они при той свите были) написаны, неизвестно, а г[осподин] де Фролов-Багреев, будучи при той же свите, не мало обогатился, ибо на содержание той свиты припасами прием был пудами, а раздавано всячески, а и за покупные де припасы заплата писана чуть ли не двойною ценою, и хотя де о тех Фролова-Багреева не порядках некоторые офицеры (Апраксину – Ю.С.)... и доносили, но ничто предупело, но оный же де Фролов-Багреев напоследок, по представлению его ж (Апраксина. – Ю.С.)... пожалован в бригадиры...» [53, с.553-554]. В 1743 г. с этим доносом разбирался Сенат и, учитывая то, что служебная карьера и героев доноса, и самого доносчика шла после этого вполне благополучно, можно предположить, что князь Волконский либо преувеличил, либо со зла оговорил начальство, либо правительство сочло перечисленные случаи не особенно важными... Показательно, впрочем, что обвинить С.Ф.Апраксина в казнокрадстве князю С.Волконскому на ум не пришло. То есть Степан Федорович по этой части не давал повода даже для фантазирования.

И это тем более важно, потому что как раз весной 1741 г. С.Ф.Апраксину была поручена серьезная денежная операция. В те времена Россия еще не добывала на своей территории драгоценные металлы в промышленных масштабах. Русские серебряные монеты перечеканивались из иностранных. При этом государственное хозяйство, в том числе и содержание дипломатических представительств, требовало больших расходов. Проблема добычи наличности десятилетиями стояла перед русскими властями. Для этой цели, например, правительство с 1701 г. регулярно скупало по стране старую монету и вообще лом драгоценных металлов [41, с.214-216]. В таком положении Кабинет министров узнаёт, что сопровождаемое генерал-майором С.Ф.Апраксиным персидское посольство предполагает продать в России до 40 тысяч серебряных персидских же монет по цене 50 копеек (полтина) за штуку. Надо сказать, что персидские монеты были тяжеловеснее российских, и покупка их по предлагаемой цене принесла бы русским прибыль. В то же время предлагаемые к продаже монеты были двух сортов: «Ежели б все те монеты первого сорта были, то б прибыли у 40 тысяч пришло 970 рублей с небольшим, а другого сорта – только 400 рублей» [17, с.95]. В то же время на

финансировании русского дипломатического представительства в Персии петербургское правительство на той же разнице курсов ежегодно теряло от 27 до 29 рублей 25 копеек с каждой сотни рублей. Вот почему 12 апреля 1741 г. Кабинет министров издал указ: «Вышеозначенные персидские монеты, все 40 тысяч, которые ныне в Тамбове при персидском посольстве, отправленному отсюда туда генералу-майору и Лейб-гвардии Семеновского полка майору Апраксину купить, каждую штуку, ежели меньше невозможно, по полтине, и послать в Астрахань к губернатору для содержания их тамо ради перевода в Персию к резиденту Калужкину и к консулу Арапову по указам из Коллегии иностранных дел. А на заплату за помянутые персидские монеты, за 40 тысяч штук, 20 тысяч рублей серебряною монетою, для перевода в Тамбов, надлежит отпустить в Москве из Монетной конторы в контору Коллегии иностранных дел, на счет той коллегии чрезвычайных расходов, без продолжения, дабы инако персияне вышеозначенных монет кому меж тем не продали» [17, с.95]. Можно предположить, что Степан Федорович Апраксин четко исполнил предписанное и не допустил злоупотреблений и воровства, поскольку никакими скандалами и жалобами эта денежная операция не сопровождалась. Если бы что-то подобное произошло, то русские представители в Персии Иван Калужкин и Семен Арапов, люди резкие и откровенные, молчать бы не стали, равно как и тогдашний астраханский губернатор князь Михаил Михайлович Голицын. К слову, описанная операция по добыче у персов наличности была не единичной. Подобная, и даже гораздо больших масштабов закупка в Иране и Астрахани персидских золота и серебра состоялась, скажем, в марте 1744 г. [54, с.27-30]

Следовало тем временем готовиться к продолжению путешествия персидского посольства в Петербург. 24 марта 1741 г. Кабинет Его Императорского Величества распорядился, чтобы Сенат разослал «в Москву и в другие города, которые от Тамбова по пути до Москвы и до С.-Петербурга» указы «о собирании и приготовлении для персидского посольства ямских и уездных подвод по сообщениям генерал-майора Апраксина, и ежели оный посол склонится ехать водою, о строении, по предложению его ж, ген.-майора Апраксина, в Нижнем Новгороде судов, и о приуготовлении по всему пути в городах, по объявлениям его ж, ген.-майора, провианта и фуража, и о принятии оногo посла в Москве против турецкого, следующего сюда посла, и о сделании и приготовлении здесь для слонов удобных амбаров или хранин, и об отправлении из Сената с указами нарочного для осмотра от Тамбова до Москвы, до Новгорода и до С.-Петербурга мостов, и о починке плохих...» [51, с.159] Что касается упомянутого здесь турецкого посольства, то оно создавало и для русского правительства, и для С.Ф.Апраксина очередную проблему: персы находились с туркам в состоянии войны, которую вели крайне жестоко. И надо было постараться, чтобы вооруженные посланцы этих держав не пересеклись на русской земле. Перспективы же следования персидского посольства водным путем, как это сделало посольство турецкое, Сенат обсуждал также 13 и 15 апреля [51, с.210, 508].

Сам Степан Федорович Апраксин в Тамбове не сидел безвыездно и весной 1741 г. побывал в Петербурге. Назад он выехал около 9 апреля, когда Штатс-контора отрапортовала Кабинету Его Императорского Величества «о выдаче отправленному из С.-Петербурга в Тамбов, ради препровождения оттуда прибывшего вновь из Персии посла Мухамед-Усейн-хана со всею свитою в С.-Петербург, генерал-майору и Лейб-гвардии Семеновского полка майору Апраксину, для такого его отправления, 1000 рублей...» [51, с.193]

По приезде в Тамбов Степана Федоровича ожидало несколько неприятных новостей. Во-первых, Мухаммед Хуссейн-хан «допился», что называется, «гданской водки» – и 31 марта серьезно заболел. Врача ни в Тамбове, ни в ближайших к нему местностях для такого случая не нашлось, и за ним послали в Москву. Дожидаясь квалифицированной медицинской

помощи, Хуссейн-хан пользовал себя каким-то «алмазным и яхонтовым порошком». Когда же посол выздоровел, то стал, как пишет И.И.Дубасов, «еще капризнее и постоянно придирался к тамбовским властям и к приставам и грозил им арестом: “Вот я пришло по вас,— говорил он,— 5 человек и велю притащить к себе за ноги и что у вас есть снять”» [23, с.64-65]. Персов было много, да при оружии, так что осуществить угрозы своего начальника они вполне могли бы. Во-вторых, Хуссейн-хан наотрез отказался ехать в Петербург водным путем [34, с.176], что, как несложно понять по всему, сказанному выше, невероятно усложняло задачу русских приставов и властей тех мест, через которые пролегал путь посольства.

Действительно, уже 4 июня в Сенате обсуждали, что «по доношениям Новгородской губернской канцелярии о собрании под персидского посла со свитою уездных подвод, за отягощением Новгородского уезда, с других той же губернии провинций...» [54, с.22]. Сенат дальнейшие действия новгородским губернским властям приказал согласовывать с «обретающимся» при персидском после генерал-майором и Лейб-гвардии Семеновского полка майором С.Ф.Апраксиным. Тогда же Сенат еще раз попытался облегчить правительству и Апраксину задачу по доставке персов в столицу и предписывал Степану Федоровичу: «Ежели посол персидский от Нижнего Новгорода на судах не поедет, чтоб он (Апраксин. – Ю.С.) старался его склонять к езде от Твери до С.-Петербурга водою, и буде посол на сие склонится, то ему, ген.-майору, писать от себя прямо в Тверь о приуготовлении там для персидского посла потребных судов...» [54, с.23]. Но, как мы уже знаем, планы водного путешествия персиян потерпели крах.

10 мая персияне, в преддверии долгого путешествия, оставили Тамбов и расположились в обширном лагере к западу от города: «В поле от нечего делать забавлялись они русскими и персидскими военными экзерцициями и по-прежнему сильно пили и чванились» [23, с.65]. Наконец, 2 июня посольство на 700 подводах тронулось в путь. По ходу следования персы останавливались в Лысых горах, а потом в Козлове (современный Мичуринск), где Хуссейн-хана встретили караул от Рязанского драгунского полка и артиллерийский салют [23, с.65]. В Москву персидское посольство вступило 2 июля [52, с.578-579].

В тот день у московского Данилова монастыря разыгралось действо, напомнившее, по всей видимости, С.Ф.Апраксину триумфальное вступление гвардии в Петербург 23 января 1740 г. по окончании Русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг. У монастыря для встречи персидского посольства собрались войска, канцелярские служители, верховые представители московского купечества и многолюдный «хор трубачей». Шествие посольства по московским улицам открывала русская гренадерская команда, за которой следовали верхом московские купцы, потом шли приказные служители, ехали парадные кареты, проскакала под началом уже знакомого нам поручика А.А.Благово посаженная на коней рота Лейб-гвардии Семеновского полка [40, с.61] (полк до 1768 г. имел в Москве собственную слободу и команду), за которой двигалась «конюшня генерала Апраксина», потом слоны, потом – персидские посольские музыканты, посольская конюшня, посольские приставы во главе со Степаном Федоровичем Апраксиным, далее ехал «действительный статский советник князь Голицын, состоявший при после», за князем двигался и сам Хуссейн-хан. За послом знаменосец с ассистентами нес персидское знамя. Замыкал шествие персидский военный отряд. «Всех персиян вступало в Москву 2128 человек», – пишет И.И.Дубасов [23, с.65-66]. По ходу следования посольской процессии, вдоль московских улиц были выстроены войска местного гарнизона. Когда посольство двигалось по Полянке и поравнялось с храмом св. Григория Неокесарийского, раздался орудийный салют. Через Москву-реку персы переправились по только что выстроенному для такого случая мосту.

Персиянам отвели квартиры в самом центре древней русской столицы: на Тверской, Дмитровке, Петровке и примыкающих к ним улицах [34, с.176] . Едва Хуссейн-хан водворился на отведенной ему квартире, как с визитом к нему явился московский главнокомандующий генерал-аншеф Михаил Яковлевич Волков, принятый надменным дипломатом как равный. Вскоре последовал к главнокомандующему ответный визит посла: «Главный разговор у всех этих сановников шел про еду: рис, баранов, шафран, кардамон, сахар, масло, говядину и кофе. Хуссейн-хан уговаривал московских сановников, чтобы они питали его со свитой побольше и получше и чтобы приготовили ему петербургскую квартиру поближе ко двору и министрам» [23, с.66] .

Хуссейн-хан, как пишет И.И.Дубасов, был доволен московским гостеприимством и даже направил в связи с этим особе послание Надир-шаху [23, с.66] . Однако Степан Федорович Апраксин 3 июля докладывал в Петербург: «Персидское посольство в Москву вступило 2 числа сего же июля и оный посол в Москве продолжаться весьма не желает, а желает следовать к Высочайшему Его Императорского Величества Двору без продолжения, и требует, чтоб по тракту такое учреждение станций было, дабы он мог от Москвы до Петербурга не более идти, как месяц...» [52, с.578-579] Чего бы не желал Хуссейн-хан, но ему пришлось прожить в Москве еще почти полтора месяца. Дело в том, что из Петербурга пришла команда задержать персов, насколько возможно. В столицу прибывало огромное турецкое посольство, представлявшее, как уже говорилось, враждебную Персии державу. Здесь могло дойти дело до вооруженного столкновения. Также одновременный прием двух огромных посольств привел бы правительство к значительным расходам. И квартир двум посольствам сразу в Петербурге, скорее всего, не нашлось бы [34, с.176] .

Тем временем из Петербурга в московском направлении выехали 4 июля три гвардейских офицера: подпоручик Лейб-гвардии Семеновского полка Федор Иванович Апраксин, поручик Лейб-гвардии Преображенского полка Михаил Обрютин и поручик Лейб-гвардии Конного полка Магнус Христофорович фон Лилиенфельд. Первый офицер отправлялся в Новгородскую губернию, второй – в Тверскую провинцию. В задачу Апраксина и Обрютина входила закупка по оптимальным ценам и доставка в определенные пункты-станции провианта и фуража для персидского посольства. Чтобы выполнить это поручение, гвардии поручик Обрютин должен был сначала прибыть в Москву, где генерал-майор Степан Федорович Апраксин вручил ему расчеты на предмет того, «когда персидский посол из Москвы к С.-Петербургу поедет и в которых местах по пути стоять имеет, и по чему оному в каждая сутки и на сколько на котором стану дней баранов, також овса и сена и других припасов потребно...» [52, с.131] Гвардии поручик фон Лилиенфельд должен был осмотреть все дворцы и мосты по дороге от Петербурга до Москвы: «И где что обветшало и плохо, то к немедленному онаго исправлению обретающихся по той дороге управителей, в чьем ведомстве такая худоба явится, принудить, дабы оное все со всякою исправностию и твердостию в крайней скорости починено было, чтоб в препровождения посла со свитою, и слонов и лошадей, нигде никакого препятствия и недовольства не воспоследовало...» [52, с.131-132]

Кроме того, в Петербурге еще не было закончено строительство «амбаров или храмин для слонов, которые при... персидском посольстве ведутся». Правительствующий Сенат 14 июля потребовал быстрее стройку закончить, сославшись на доношение генерал-майора С.Ф.Апраксина о том, «что оное посольство в С.-Петербург прибыть может в... августе м[еся]це нынешняго 1741 г.» [52, с.175] ... Слоновый двор располагался в Петербурге примерно там, где сейчас находится Михайловский замок. К приезду персидского посольства «на слоновом дворе построили три высоких, светлых амбара, с топками наружу, так как... “слоны противного воздуха терпеть не могут”. Особая теплая хранина приготовлена была

для слона и слонихи, “обыкших в одном месте быть”. На постройку двух только амбаров затрачено было 3000 рублей» [35, с.198]. Кроме того, между Слоновым двором и речкой Фонтанкой обустроили для выгула слонов специальную площадь. Для того чтобы слонам было удобно купаться в Фонтанке, на берегу этой реки обустроили крытый досками спуск. Уже 25 августа выяснили, что петербургский Аничков мост слонов может не выдержать, так как пребывает «в немалой ветхости». В результате кроме Аничкова пришлось укрепить и вымостить заново еще шесть мостов [46, с.65].

Не обошлось и без злоупотреблений со стороны местных чиновников, призванных обеспечивать движение персидского посольства к Петербургу. Так, Новгородской губернской канцелярии земский писарь Семен Гостев, «будучи от той губ[ернской] канцелярии в Новгородском уезде, для высылки под персидское посольство уездных подвод, явился во взятках с подводчиков, о чем, де, по приказу обретающегося тогда при том посольстве ген[ерал]-майора и кав[алера] Апраксина, подводчики и спрашиваны, но подлинного исследования, за ежедневными с посольством маршами, не учинено...» Чтобы затянуть дело, Гостев объявил за собой «Его Императорского Величества слово и дело», был доставлен в петербургскую Тайную канцелярию, где «объявлял, якобы о битии и о мучении, бывшим при выше означенном посольстве офицером крестьянина и о прочем...» [53, с.174-175] Разбирательство с Гостевым действительно затянулось до середины ноября, после чего перенесено было в Новгород.

Хотя выезд персидского посольства из Москвы к Новгороду был назначен на 5 августа, состоялся он только через восемь дней, 13 августа [52, с.244; 23, с.67]. Москвичи провожали персиян не менее торжественно, чем встречали. Во всяком случае, восточных гостей вновь эскортировала посаженная на коней рота Семеновского полка во главе с поручиком А.А.Благово [40, с.61].

Посол Мухаммед Хуссейн-хан со свитой вел себя по пути в Петербург так же буйно, как прежде: «Доходило до того, что на станциях персияне портили картины и били стекла, разламывали печи, двери снимали с петель и пороги рубили...» [23, с.67] Возможно, эти буйства, а возможно и «слово и дело», объявленные новгородским земским писарем Семеном Гостевым, стали причиной отзыва генерал-майора Степана Федоровича Апраксина в Петербург. 2 сентября именной указ об отзыве читался в Сенате. Место Апраксина при персиянах занял граф Александр Романович Брюс [52, с.344-345].

29 сентября персидское посольство торжественно въезжало в Петербург. Открывала процессию русская Конная гвардия, за которой шествовали парами 14 слонов. Далее шел персидский оркестр, за которым ехала посольская карета. Потом следовали императорской конюшни заводские лошади с унтер-шталмейстером и берейторами, генералы, штаб и обер-офицеры, князя Долгорукий и Шаховской. Лишь за всем этим многолюдством ехали в карете цугом граф Салтыков и посол Мухаммед Хуссейн-хан, которых сопровождали конюхи, лакеи, гайдуки и скороходы. Замыкало процессию персидское знамя [23, с.67]. При этом персам пришлось оставить 250 человек и 720 лошадей в Торжке [34, с.177]. Хотя генерал-майор С.Ф.Апраксин не упоминается в отчете об этом шествии, по крайней мере, с 30 сентября он вновь исполнял обязанности главного пристава при персидском после Мухаммеде Хуссейн-хане и неустанно хлопотал о снабжении персиян провиантом и фуражом [52, с.467]. Членов персидского посольства разместили в Петербурге с большим почетом: персиян заселили в пустовавшие тогда дома статского советника барона Исая Петровича Шафирова, действительного тайного советника графа Александра Гавриловича Головкина, сибирского губернатора генерала Ивана Афанасьевича Шипова, в здание канцелярии Святейшего Правительствующего Синода и еще в несколько домов «на Санкт-Петербурхском острове» [34, с.177].

Прием Правительницей Великой Княгиней Анной Леопольдовной персидского посла Мухаммеда Хуссейн-хана и в буквальном смысле «раздача слонов» состоялись 2 октября. Правительница стояла под балдахином. Хуссейн-хан, вступая в аудиенц-залу, сделал перед тронем три поклона, вручил по установленному правилу шахскую грамоту, сопроводив это действие пышной речью. Потом посол принялся одаривать русских официальных лиц: девять слонов были преподнесены малолетнему Императору Иоанну Антоновичу, покрытая серебряной парчой слониха досталась Правительнице, а ее супругу, принцу Антону-Ульриху, был подарен слон. Еще одна слониха стала подарком Цесаревне Елисавете Петровне... Судьба трех слонов остается загадкой. Кроме того, «Анне Леопольдовне, Иоанну Антоновичу и другим членам Царской Фамилии представлены были куски богатейшей парчи, бриллиантовые пояса, золотые с бриллиантами кубки, богатый столик, 3 пера для украшения шапок и шляп, перстни, ящики...» [34, с.177; 23, с.67-68]. На следующий день французский посол в Петербурге маркиз де ла Шетарди написал в Париж, что при Русском Дворе «заметно сильное желание выказать персиянам некоторое превосходство над турками» [44, с.340].

Казалось бы, все прошло гладко: 6 октября 11 подаренных персиянами слонов были взяты на довольствие ведомством Императорской охоты [53, с.10]. 9 октября дареные слоны были размещены во вновь построенных амбарах петербургского Слонового двора, в тот же день, а также 13 октября Хусейн-хан докладывал у вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана о походе Надир-шаха в Индию и вел беседы о русско-персидских отношениях [46, с.65; 34, с.178]. Однако начинались события, которые принесли Степану Федоровичу Апраксину значительные хлопоты и беспокойства, но в итоге привели его на вершины власти. 15 октября французский, прусский и австрийский послы докладывали из Петербурга своим дворам: «Принцесса Елизавета, справедливо обиженная тем, что персидский посланник не был у ней для вручения своих подарков, которые он прислал ей, также как и принцу брауншвейгскому, не хотела ни видеть, ни принять того, на кого было это возложено». Успокаивать разгневанную Цесаревну были посланы сын отставленного фельдмаршала обергофмейстер граф Иоганн Эрнест Миних и генерал-майор Степан Федорович Апраксин. Елисавета Петровна отвечала посланцам весьма жестко: «Я вам это прощаю..., так как вы только исполняете то, что вам приказано; но скажите Остерману, который один устроил дело столь неприличным образом, если он забыл, что мой отец и мать вывели его из учителя, каким он был, то я сумею заставить его вспомнить, что я дочь Петра I и что он обязан уважать меня» [44, с.364]. В словах этих была, как вскоре выяснится, не пустая угроза.

Но пока, к 23 октября 1741 г., генерал-майор и гвардии майор С.Ф.Апраксин вновь отвечает за персидское посольство. Сенат поручает ему перевести часть посольских людей и лошадей из Петербурга в Торжок – либо иное «место, которое бы было во всем изобильное» [53, с.85]. Через несколько дней, 29 октября, Степану Федоровичу вновь, как несколько месяцев назад, отпускается значительная (15 тысяч рублей) сумма российских денег для обмена их на персидскую монету [53, с.112]. 4, 11 и 13 ноября Сенат разбирает донесения генерал-майора С.Ф.Апраксина об организации постоя и пропитания персидского посольства [53, с.134-135, 157, 176].

Прошло две недели, и свершилось событие, определившее в полной мере судьбу, карьеру и репутацию Степана Федоровича Апраксина. 25 ноября 1741 г. в результате дворцового переворота воцарилась в России Императрица Елисавета Петровна. Генерал-майор С.Ф. Апраксин с первого дня нового царствования оказался активно вовлечен в круговорот перемен. Уже 26 ноября Степана Федоровича с секретарем Михайлой Петровым посылают допрашивать ключевых персон прошедшего царствования – вице-канцлера и генерал-адмирал-лейтенанта графа Андрея Ивановича Остермана и вице-канцлера внутренних дел графа Ми-

хаила Гавриловича Головкина. Важнейшим вопросом была легитимность пришедшей к власти Государыни, отчего С.Ф.Апраксин должен был в первую очередь спросить названных государственных деятелей: «Сочиненный проект о наследстве принцессе Анне (Леопольдовне. – Ю.С.) где в письмах их находится и по близости сыскать можно? <...> ... и при том же еще приказано гр. Остермана спросить: где ныне духовная (завещание. – Ю.С.)... Имп[ератрицы] Екатерины [I] Алексеевны находится?» [53, с.316] Интересно, что посылал Апраксина на допрос сановников тайный советник граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693-1768), будущий канцлер, в «команде» которого Степан Федорович и сделает свою карьеру.

Вероятно, результаты апраксинского дознания удовлетворили новые власти – и вот 28 ноября 1741 г. в Правительствующем Сенате был оглашен «манифест о вступлении на престол Государыни Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ея Величества на императорскую корону» [53, с.314]. Тем временем генерал-майор С.Ф.Апраксин продолжал следственные действия. 29 ноября его послали с ревизией в Соляную контору, где Апраксин должен был « 1) наличные деньги, оставя из оных на расходы 1000 р., по ярлыкам осмотра, сочинить ведомость, прочия же деньги все запечатать и оную ведомость привезть с собою; 2) книги все расходныя и приходныя и всякие письменныя дела запечатать, а ради новаго прихода и расхода велеть сочинить особливо новыя книги, в которыя приход и расход вносить...» [53, с.317]. Очевидно, денежные операции, производившиеся Степаном Федоровичем с персидским посольством, закрепили за Апраксиным репутацию добросовестного и чистоплотного в подобных делах человека. По крайней мере, ему доверили взять на учет колоссальные средства Соляного двора: 468 279 рублей 84 копейки серебряной рублевой и медной монетой, да сверх того 1 442 с полтиной золотыми чужестранными червонцами. Апраксинская ревизия Соляного двора длилась с 29 ноября по 3 декабря, после чего генерал-майор С.Ф.Апраксин подал в Сенат соответствующий рапорт [53, с.306].

Ревизия в Соляной конторе совмещалась для Апраксина с делами куда менее приятными, которые, надо полагать, и начали портить в глазах служилого сообщества доселе, в общем-то, неплохую репутацию гвардейца. Дело в том, что 1 декабря по указу Ее Императорского Величества был «послан от собрания», то есть выбран из числа гвардейских офицеров, специально предназначенных для исполнения важных поручений, генерал-майор и лейб-гвардии майор господин Степан Федорович Апраксин вместе с обретающимся у дел в кабинете камериром Афанасием Пташковым для допроса бывшего обер-гофмейстера графа Иоганна Эрнеста Миниха, с которым недавно еще, 13-14 октября, Степан Федорович ездил успокаивать не получившую персидских подарков лично из рук Мухаммеда Хуссейн-хана Цесаревну еще Елисавету Петровну.¹

Также С.Ф.Апраксин должен был допросить и своего многолетнего покровителя, фельдмаршала графа Бурхарда Христофора Миниха на предмет подлежавших конфискации

¹ Теперь уже сама Елисавета Петровна распоряжалась дарами Надир-шаха. В первый день своего царствования она подарила привезенную персами индийскую золотую чашечку, напоминающую плод граната, изготовленную в технике выемчатой эмали, украшенную изумрудами и алмазами (Государственный Эрмитаж. Инвентарный №:V3-726 [http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/woa-search/?lng=ru#meta_woa_collection=Коллекция Галереи Драгоценностей](http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/woa-search/?lng=ru#meta_woa_collection=Коллекция+Галереи+Драгоценностей)) активной участнице дворцового переворота, принцессе Анастасии Ивановне Гессен-Гомбургской (1700-1755), дочери фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого. Справедливости ради надо сказать, что эта чашечка («чарка с крышкою из красной финифти») изначально, еще в октябре 1739 г., предназначалась именно Елисавете Петровне. После смерти принцессы Гессен-Гомбургской индийская чашечка украшала надгробный памятник принцессы в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры [49, с.229; 59].

перед отправкой Минихов в ссылку пожитков их и денег. С той же целью и тогда же Апраксин допрашивал еще двоих опальных: графа Остермана и барона Менгдена. А 4 декабря Степан Федорович вновь по указу Ее Императорского Величества был послан к генерал-майору Альбрехту «для отобрания от него, Албрехта, кавалерии ордена св. Александра» [53, с.304, 306]. 13 января 1742 г., в соответствии с установившейся еще при Императрице Анне Иоанновне практикой, генерал-майор Степан Апраксин был включен в реестр персонам, которым «повелено быть с Правительствующим Сенатом на суде по приложенным экстрактом графов: Остермана, Головкина, Миниха и прочих чинов...» [43, с.222-223]

Конечно, от внимания современников не ускользнуло то, что Апраксин приложил руку к изъятию имущества своего недавнего приятеля, младшего Миниха – и своего прежнего покровителя, фельдмаршала Миниха, а также участвовал в суде над последним. То, что Апраксин исполнял приказ Императрицы, никого не удерживало от кривотолков. Когда Степан Федорович умер, сам находясь под опалой, генерал-поручик Василий Александрович Нащокин (1707 – 1761), вряд ли близко знавший покойного, не преминул, тем не менее, так охарактеризовать Апраксина: «Он жил счастливо, умел находить друзей и великих людей для своего только благополучия, и скоро их дружбу оставлял, когда ему нет нужды; всему по его счастью служило его правило, а права он ни во что вменял; для славы производить своих искателей и обман ни во что вменял: его честолюбие всему у него правилом служило» [25, с.172-173]. При этом ни старший, ни младший Минихи, Апраксина пережившие, в своих записках ничем не упрекнули Степана Федоровича, понимая, очевидно, как никто, переменчивость служебной фортуны. Младший Миних в своих «Замечаниях на записки Манштейна» даже поставил, наряду со своим отцом и целым рядом других полководцев времен Императрицы Анны Иоанновны, С.Ф.Апраксина в число «людей необыкновенных и в войске и в службе гражданской», которые «являют и мужество и дарования отличные на ратном поле» и даже «вносят имя свое в храм бессмертия» [37, с.173] ...

А что же получил в результате дворцового переворота генерал-майор С.Ф.Апраксин? Поначалу, как будто, ничего. Более того, под угрозой оказался главный актив Степана Федоровича – Брасовская вотчина. Дело в том, что 31 декабря 1741 г. Императрица Елисавета Петровна издала именной указ, гласивший, что «в правление бывшего Герцога Курляндского и Принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской многие не по заслугам получили себе чины, деревни, дворы, казенные деньги, кавалерии, также многим же немалые пенсии и свыше рангов их жалованье определено». Указ предписывал: «А которым даны деревни, дворы или деньги, те от них возвратить, ... токмо из сего исключаются те, которые за Нашею рукою теми чинами написаны, или Нашим Всемиловнейшим сего Декабря 12 дня выданным и в народ опубликованным указом конфирмованы» [45, №8490, с.552, 553]. Степан Федорович Апраксин, получивший Брасово как раз от Принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской, в указе от 12 декабря конфирмован не был [45, №8480, с.544-546] ...

Тем не менее, Апраксин не унывал – и около 8 января 1742 г. подал на Высочайшее имя прошение «о пожаловании ему деревень из отписных в казну вотчин Платона Мусин-Пушкина и о выдаче ему грамоты на означенные деревни» [9, с.84]. Президент Коммерц-коллегии, сенатор граф Платон Иванович Мусин-Пушкин по делу А.П.Волынского был наказан 27 июня 1740 г. «урезанием языка» и ссылкой в Соловецкий монастырь. Значительная часть движимого и недвижимого имущества опального графа пошла с молотка. Даже после того, как в правление Принцессы Анны Леопольдовны графа П.И.Мусина-Пушкина приказано было вернуть из ссылки, а Императрица Елисавета Петровна полностью его реабилитировала в июле 1742 г., поступившие в казну имения Платона Ивановича разбирали уже сподвижники Елисаветы [34, с.176, 178] ... Что-то получил, в итоге, и Апраксин [34, с.238-239].

Между тем, Степан Федорович к 29 декабря 1741 г. был вновь прикомандирован к персидскому посольству, готовившемуся усиленно к путешествию в Москву, на коронацию Императрицы Елисаветы Петровны. 9 января 1742 г. генерал-майор С.Ф.Апраксин направил в Государственную коллегию иностранных дел два «доношения». В первом он отчитывался «о заготовлении для отправлявшегося из Санктпетербурга в Москву Персидского посла Мухамет-Хусейн-Хана подвод, провианта и фуража и о других по случаю сему распоряжениях». Во втором донесении Апраксин рассказывал о том, что смог убедить Хуссейн-хана отправлять персидское посольство в Москву сравнительно небольшими группами и спрашивал: «Для лучшей удобности и пресечения своевольств, не будет ли рассуждено и оставшую посольскую свиту отправить разными партиями—одну от другой не в дальном расстоянии» [4, с.108, 109] ? План перемещения персиян в Первопрестольную столицу был таков: первая партия посольских, состоявшая из 548 человек, 424 лошадей и 10 верблюдов под началом адъютанта Хуссейн-хана, Мухамет-Алибека, отправлялась в сопровождении подполковника Нижегородского драгунского полка Загряжского и под конвоем ста человек команды Рязанского драгунского полка, «поелику того полку люди, находясь от Царицына до Санктпетербурга в конвоевании сего посольства, привычны к их нравам и поведением». Еще одна партия персиян должна была выступить в Москву из Торжка под присмотром подполковника Олица. Для перемещения первой партии персиян генерал-майор С.Ф.Апраксин запрашивал 500 ямских подвод, а именно: 6 саней крытых кожею и 94 саней крытых циновками, да 400 простых обшивней. Прогоны занятым в предприятии ямщикам следовало оплатить заранее. Также следовало отправить в Москву для прокорма персиян большую партию риса: «По здешней дорговизне сарачинского пшена отослать в Москву заблаговременно, на довольствие сего посольства, хотя до трех тысяч пуд» [4, с.108-109, 113, 114, 118, 119] .

После решения целого ряда мелких дел [4, с.156, 172, 173, 175] , 6 февраля 1742 г. генерал-майору и Лейб-гвардии Семеновского полка майору Степану Федоровичу Апраксину был адресован именной указ, «коим повелено ему препроводить до Москвы Персидского посла и там быть при нем с данною из Коллегии Иностранных Дел инструкцией» [4, с.180] . Помянутая инструкция говорила «о поведении и поступках его генерала майора в следовании при Персидском после отсюда в Москву отправляющемся, и о казенных деньгах, для потребностей помянутого посольства ему порученных, при чем дана была ему генералу майору и особая секретная инструкция, каким образом ему поступать в случае, буде бы никакия его увещания и добрые способы не могли воздержать посольской свиты от чинимых в пути здешним людям наглостей» [4, с.198] .

«Наглости» Хуссейн-хан чинил и своим людям, отчего те в заметном количестве разбежались по России. Так, состоявший при персидском посольстве знакомый уже нам полковник Яков Лукич Фролов-Багреев рапортовал Апраксину, «якобы от адъютанта того посольства бежало два человека с покражею от него и от прочих той свиты чиновников множества серебра и платья; что первый из беглых снес с собою из собственных его пожитков на 535 р. 90 к., а другой частию из платья, а частию и вещами принадлежащими посольству, всего на 635 р. 90 коп., и что он полковник Багреев просит его генерал-майора о сыске тех бежавших персиян по приложенному описанию и признакам представить Коллегии Иностранных Дел» [4, с.194-195] . 9 февраля Апраксин представил в Коллегию иностранных дел поименный список бежавших персиян, сообщая при этом, что «посол чинит непрестанные о сыску их домогательства с предъявлением, что оными беглыми из дому его много было покрадено; что оные вещи еще не отысканы да и нет надежды их ему возвратить, почему он генерал Апраксин и представляет Коллегии, не соблаговолено ли будет приказать за покраденные у него вещи выдать ему из казны деньгами» [4, с.189, 186] . При этом на законных основаниях в Петер-

бурге оставались 18 человек слоновщиков-индийцев, «доколе здешние люди ходить за слонами привыкнут». 13 февраля Коллегия иностранных дел распорядилась выдать этим слоновщикам «за три месяца жалованья и поденной провизии, получаемых ими будучи в свите Персидского посла». Причем от себя генерал-майор Апраксин просил тем слоновщикам сверх положенного «выдать некоторое награждение» [4, с.186, 195].¹

Кроме того, Хуссейн-хан еще 8 февраля настоятельно высказал Апраксину пожелание передать новой Русской Императрице свою верительную грамоту в Петербурге, а не в Москве. Персиянину отказали [4, с.186]. Между тем, Императрица Елисавета Петровна 23 февраля покинула Петербург и 28 февраля торжественно въехала в Москву [13, с.26, 27]. Хуссейн-хан попытался еще раз договориться об аудиенции у Государыни 19 марта, когда «генерал-майор Апраксин на требование посла о скорейшем принятии от него Шаховой грамоты объявил именем министров, что Ея Императорское Величество по случаю имеющей вскоре быть коронации, по древнему обыкновению, изволит все то время проводить в посте и молитвах, почему и не могут быть при Дворе никакие торжества, и следовательно грамота шахова прежде коронации подана быть не может, и хотя посол с своей стороны делал на то сильные представления, однакож по многим со стороны пристава убеждениям наконец согласился и предался в том на волю и рассуждение министров» [4, с.293].

29 марта Апраксин обращался в Сенат с просьбой об увеличении численности конвойной команды при персидском посольстве. Просьба была переправлена в Государственную Военную коллегию, отвечавшую 31 марта: «Определено порученную реченному Апраксину команду для содержания потребных караулов при квартирах свиты Персидского посла, по неимению во излишестве войска, добавить 100 человеками солдат, а при том Правительствующему Сенату предложить, естьли и впредь надобность настоять будет в добавке, то не благоволено ли будет приказать довольствоваться в таком случае полицейскою командою» [3, с.328, 335]. О причинах, по которым русские медлили с аудиенцией для Хуссейн-хана, писал из Москвы к своему Двору французский посол в России маркиз де ла Шетарди уже 12 (23) апреля: «Я обязан вам сообщить, что полученное здесь известие о некоторых движениях шаха Надира по-видимому возбудило на столько беспокойства, чтобы обратить на это все внимание. Верно по крайней мере то, что сколько прежде торопились освободиться от бремени издержек, которые влечет за собою присутствие персидского посольства, столько теперь, под разными предлогами, замедляют его отъезд и отказывают на беспрестанно повторяющиеся домогательства его о прощальной аудиенции» [44, с.607].

Дело в том, что Россия ожидала от Надир-шаха удара по Турции. Но в это время лезгины, одно из племен Дагестана, признававшие над собой власть Надира, отправили делегацию к русскому военачальнику в Кизляр. Лезгины просили принять их под покровительство Русской Императрицы и обещали по первому ее требованию выставить под русские знамена 70 тысяч воинов. Надир решил наказать горцев, убивших, к тому же, в 1736 г. его брата. И как раз весной 1742 г. персидское войско выступило из Мешхеда на Дербент [30, с.214]. Ввиду назревавшей у наших границ большой и жестокой войны, Императрица Елисавета распоря-

¹ Когда в сентябре 1765 г. пала последняя слониха из числа приведенных с персидским посольством 1741 года животных, выяснилось, что на петербургском слоновом дворе «азиатской нации за выбылыми ныне находится четырнадцать человек с одним главным слоновщиком; но ежели они совсем лишатся получаемого ныне... жалованья, яко то из них некоторые по большей части люди престарелые, а иные по увечии от слонов болезненны, да еще и по бедности своей, не могут иметь никакого себе пропитания и толь паче ниже возвратиться в свое отечество за воспринятием ими здесь православной веры». В ноябре 1765 г. Императрица Екатерина II распорядилась: «Сим престарелым как денежное жалованье, так и хлебное, и дрова, и мундиры производить по смерти но прежним окладам сполна» [35, с.105-106].

дилась выдвинуть в зону напряженности усиленный корпус войск под начальством 71-летнего генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Тараканова [23, с.69]. 27 апреля, «по наступлении, по тамошнему климату, вешнего времени», генерал-лейтенант и кавалер А.И.Тараканов «с состоящими в Царицыне пехотными, яко то Навагинским и Куринским полками, ...выступил и при речке Мечетной лагерем стал...» [53, с.347]. Здесь к Тараканову присоединились казаки и драгуны.

А 28 апреля 1742 г. в Московском Кремле состоялось Священное Коронование Императрицы Елисаветы Петровны – «с пышностью, дотоле неизвестною в России». На коронационных торжествах отличился персидский посол Мухаммед Хуссейн-хан, обратившийся к Государыне с поздравительной речью [13, с.27, 28]. На одной из гравюр, иллюстрирующих коронационный сборник Елисаветы Петровны, художник запечатлел и членов персидского посольства на площади перед Успенским собором Кремля. Персиян на этой гравюре легко узнать по характерным головным уборам, увенчанным четырьмя острыми выступами, которые носили в Иране лишь при Надир-шахе [1, с.56]. Вскоре Хуссейн-хан удостоился и столь им чаемой аудиенции у Императрицы [13, с.31]. Правда, никаких существенных достижений у такого многотрудного посольства не было: «Заключенное с персидским посланником Хуссейн-ханом предварительное соглашение по вопросу торговому являлось в сущности лишь подтверждением того, что было постановлено во втором Рештском трактате в пользу нашего купечества...» [58, с.472].

Дела же Надир-шаха в Дагестане развивались совсем неблестяще: «Из Дербента Надир предпринял экспедицию во владения казикумухского хана, но в одной из трущоб Дагестана был застигнут горцами. Незнакомая местность и враждебное настроение населения поставили его в безвыходное положение. Лишившись обоза, войска начали терпеть нужду во всем и, наконец, дошли до того, что от голода стали пожирать друг друга. В этом несчастном походе Надир потерял 2/3 людей и почти всех лошадей; уцелевшая горсть солдат едва добралась обратно до Дербента» [30, с.215].

Персидское посольство вернулось домой в ноябре 1742 г. с дружественными грамотами Императрицы Елисаветы, с денежной премией в 29969 рублей, а также с подарками на сумму 44315 рублей, «в числе которых самое видное место занимали вина и водки» [23, с.68; 8, с.274-275]. Однако сам персидский посол Мухаммед Хуссейн-хан оставался в России еще 12 лет. Вероятно, до него дошли слухи об очередных репрессиях Надир-шаха против придворных. Во время похода против лезгин в Надир-шаха стреляли, он был ранен в руку. В покушении на свою жизнь шах обвинил собственного сына Риза-Кули-мирзу, которого, по возвращении из Дагестана приказал ослепить. Вскоре открылась невиновность несчастного принца: «Было назначено следствие. Оно обнаружило, что слухи о заговоре сына против отца были выдумкою придворной партии, находившей почему-то для себя невыгодным воцарение Риза-Кули после смерти Надира. 50 сановников, обвиненных в кознях и наветах против принца, были казнены» [30, с.214-215]. То ли опасаясь шахского гнева и жестокой расправы, то ли по какой-то иной причине, но Хуссейн-хан остался в России, в Астрахани, а кроме того выразил желание перейти в православную (греческую) веру.

9 декабря 1742 г. «по докладу об ушедшем от Персидскаго посольства в протекцию Ея Императорскаго Величества известном Хусейн-хане, Ея Императорское Величество указать соизволила на исправление содержания его со свитою выдать ему ныне 1000 р., а кормовых денег по 3 р. в день» [5, с.209]. В Астрахань Императрица Елисавета Петровна писала, «чтоб сверх того онаго Хусейн-хана в нуждах его, дабы он доволен быть мог, не оставить; также со временем его взять в Москву» [5, с.210]. После этого о Хуссейн-хане на два года как будто забыли, а 3 апреля 1744 г. Императрице Елисавете Петровне Коллегия иностранных дел док-

ладывала, что «Хуссейн хан... в городе Петровску секретно содержится, и на корм ему со свитой по 3 р. на день дается, что он в содержании своем на тамошнее место, за недостатком к пропитанию и в прочих потребных вещах жалуется и о прибавке на содержание его денег просит, а при том и Ея Императорскому Величеству поклон свой отдать желает, и для того о приезде сюда (в Петербург. – Ю.С.) позволения требует» [6, с.68]. Дипломаты советовали Императрице перевести Хуссейн-хана «для лучшего житья» в Вологду и прибавить ему рубль к дневному содержанию. Однако Государыня проявила интерес к персиянину и выделила 500 рублей на то, чтобы Хуссейн-хана секретно доставили к ней в Москву.

26 июля 1744 г. бывший персидский посол прибыл в Первопрестольную. В полдень 27 июля Императрица Елисавета Петровна встретила Хуссейн-хана в доме государственного вице-канцлера. Персиянин попросил поселить его со свитой в 15-20 верстах от Москвы и прибавить денег на содержание. На это Государыня, поскольку Хуссейн-хан, «Греческую веру принять и креститься не хочет, как и прежде сего он к тому намерение имел, соизволила указать его в близости Троицкого монастыря (Троице-Сергиевой лавры. – Ю.С.), во дворцовой деревне или в оном монастыре содержать, яко при том он от монахов того монастыря и наставление в вере способнее получить может, ... а на прошение о прибавке денег соизволила указать ему Хуссейн-Хану объявить и обнадежить, что когда он к восприятию веры обучен и крещен будет, то и обо всем, что до его содержания касается, достаточное определение учинено быть имеет» [6, с.121-122]. Интересно, что к Хуссейн-хану их Персии прибежали тогда в Москву четверо «шаховых служилых кизильбашей и деньщиков», которые, в свою очередь, просили крестить их в православие и принять на службу. Этим людям для наставления в вере Императрица направила в Петербург, в Святейший Синод, а после крещения приказала «в службу в гусарский корпус, в рядовые, определить» [6, с.122].

18 августа на содержание Хуссейн-хана с его свитой было отпущено 3 тысячи рублей. При этом персиянин отказывался поначалу ехать в Троице-Сергиеву лавру, а «желал в Казани жить и тамо жениться». Потом просил поселить вместе с ним в Лавре сына, племянников и всю свиту. Государыня, дабы не было братии и паломникам соблазна, позволила Хуссейн-хану взять в Лавру только сына. Причем персиянину объяснили, что «ему в Персию возвратиться не можно, но ежели он, по надлежащем обучении в законе, крещения и как в платье, так и в прочем, здешнего обыкновения принять не хочет, то и ни в какой службе здесь употреблен, или инако содержан быть не может» [6, с.132].

Еще через два месяца, 24 октября 1744 г., Хуссейн-хан стал проситься отпустить его либо в Турцию под видом купца, либо в Персию, где он уже намерен был просить у шаха прощения. Дипломаты же предлагали поселить персиянина на Украине, в городах Чернигове или Стародубе, «от больших проездов в отдалении и где бы приезжих армян, греков и других иностранцев не было», и выделять ему по 4 рубля в день. Но Государыня пока не оставляла мысли крестить Хуссейн-хана [6, с.156-157]. В конце концов, еще через два почти месяца, 14 декабря Императрица Елисавета Петровна, что называется, «сдалась» и позволила Хуссейн-хану поселиться в Казани, жениться – и даже заплатила за него долг в двести с лишним рублей «за серебряную посуду, которую он себе у купцов забрал». Но по старой памяти передала Хуссейн-хану через Степана Федоровича Апраксина, с которым бывший посол, вероятно, поддерживал отношения, что если персиянин продолжит отказываться от крещения, «то не для чего здесь на него и денег тратить» [6, с.175-176].

9 марта 1748 г. Хуссейн-хана вызвали в Петербург из Казани «по персидским делам для разговоров и по советованию с ним». Причем в Иностранную коллегию сообщили, что если персиянин попросит об аудиенции, то Императрица его примет [7, с.278-279]. Очевидно, разговор получился продуктивный, и на следующий год 13 декабря 1749 г. Хуссейн-хану

выдали из Штатс-конторы 2 тысячи рублей [9, с.226] . Наконец, из оформленного 2 апреля 1764 г. документа о пожаловании при отставке ротмистра П.Хоткевича узнаем, что в 1754 г. этот Хоткевич сопровождал «из России в Персию персидского Хусейн хана», от которого получил хорошие рекомендации на персидском языке [55, с.158] ...

Библиографический список

1. *Адамова А.Т.* Государственный Эрмитаж. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV — начала XX века. СПб., 2010.
2. Апраксин, Степан Федорович // Военная энциклопедия в 18 томах, изданная И.Д.Сытиным. СПб., 1911-1915. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; ООО «Бизнессофт», 2007.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
3. Апраксин, Степан Фёдорович (генерал-фельдмаршал) // <https://ru.wikipedia.org>
4. Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870.
5. Архив князя Воронцова. Кн.4. М., 1872.
6. Архив князя Воронцова. Кн.6. М., 1873.
7. Архив князя Воронцова. Кн.7. М., 1875.
8. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч.1. СПб., 1840.
9. *Баранов П.* Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т.III. 1740-1762. СПб., 1878.
10. Братищев, Василий Федорович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
11. Бумаги Кабинета министров Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Под ред. А.Н.Филиппова. Т. XII. (1740 г. Июнь-октябрь). Юрьев, 1915 // Сборник Императорского Русского Исторического общества (СИРИО). Т.146.
12. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. СПб., 1869.
13. *Вейдемейер А.* Царствование Елисаветы Петровны. Ч.1. СПб., 1834.
14. *Вейдемейер А.* Царствование Елисаветы Петровны. Ч.2. СПб., 1834.
15. *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Т.1. Ч.3. СПб., 1907.
16. Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.1. М., 1880.
17. Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. М., 1886.
18. *Гаскойн Б.* Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана / Пер. с англ. Л.И. Лебедевой. М., 2003 // <http://www.turklib.ru>
19. *Гейсман П.* Апраксин, Степан Федорович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
20. *Голицын Н.Н., князь.* Род князей Голицыных. Т.1. СПб., 1892.
21. Государственный архив Брянской области (ГАБО). ОДФ. Ф.325. Оп.1. Д.763.
22. *Дирин П.* История Лейб-гвардии Семеновского полка. Т.II. СПб., 1883. Приложения.
23. *Дубасов И.И.* Пребывание Персидского посольства в Тамбове в 1741 году // Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып.2. М., 1883.
24. *Дубровский А.М., Иванин А.А.* Севский уезд во второй половине XVIII века: поселения, землевладения, крестьяне и землевладельцы. Локоть, 1994.
25. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842.
26. Записки Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907.
27. Записки Манштейна о России 1727 – 1744 / Перевод с французского, с подлинной рукописи. (Приложение к «Русской старине».) СПб., 1875.

28. Индия (история). II. а) Господство мусульман // // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс].] – М.: ИДДК; Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
29. *Карцов П.П.* История Лейб-гвардии Семеновского полка. 1683 – 1854. Ч.2. СПб., 1854. Приложения.
30. *Кишмишев С.О.* Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.
31. *Крашенинников В.В.* История Севска и окрестных мест / Изд. 2-ое, дополненное и уточненное. Т.1. Брянск, 2013.
32. *Крашенинников В.В.* История Севска и окрестных мест / Изд. 2-ое, дополненное и уточненное. Т.2. Брянск, 2013.
33. *Крымский А.* Надир-шах и Персия. История. Новая Персия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
34. *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна. М., 2012. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1375).
35. *Кутепов Н.* Царская и Императорская охота на Руси. Т.III. СПб., 1902.
36. *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-1750 / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 2000.
37. *Миних Э., гр.* Россия и Русский Двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891.
38. *Михайлов.* Блистательная эпоха в истории Персии прошлого столетия // Нива. 1874. №30. 22 июля. С.472,474-475.
39. Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка, Александра Алексеевича Благово, 1739 и 1740 гг. // Шукинский сборник. Вып.2. М., 1903.
40. Памятная книжка офицера лейб-гвардии Семеновского полка, Александра Алексеевича Благово, за 1750 год // Шукинский сборник. Вып.3. М., 1904.
41. *Патлаевский И.* Денежный рынок в России от 1700 до 1762 года // Записки Императорского Новороссийского университета. Т.2. Вып.1-6. Одесса, 1868.
42. *Пек[арский] П.* Апраксин, Степан Федорович // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т.V. СПб., 1862.
43. *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т.9. СПб., 1872.
44. *Пекарский П.* Маркиз Де-ла-Шетарди в России 1740 – 1742 годов. СПб., 1862.
45. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т.XI. СПб., 1830.
46. *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / Второе издание. СПб., 1889.
47. *Руммель В.* Чаадаев, Петр Васильевич // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
48. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / Вступ. ст. Е.Курганова; сост. и примеч. Е.Курганова и Н.Охотина. М., 1990.
49. Сборник биографий кавалергардов. 1724 – 1762 / Составлен под ред. С.Панчулидзева. СПб., 1901.
50. Сенатский архив II. СПб., 1889.
51. Сенатский архив III. СПб., 1890.
52. Сенатский архив IV. СПб., 1891.
53. Сенатский архив V. СПб., 1892.
54. Сенатский архив VI. СПб., 1893.
55. Сенатский архив XIV. СПб., 1910.
56. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XI. История России с древнейших времен. Т. 21—22/Отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М., 1993.

57. Сочинение М.М.Щербатова «О повреждении нравов в России» (подлинный авторский текст) // О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и путешествие А.Радищева. Факсимльное издание / Под ред. М.В.Нечкиной, Е.Л.Рудницкой; вст. ст. и коммент. Н.Я.Эйдельмана. М., 1985.
58. *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границею в XVIII веке. Ч. I. М., 1899.
59. *Чудков Н.* Гессен-Гомбургская принцесса Анастасия Ивановна // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
60. *Широков В.* Чекалевский, Петр Матвеевич // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, профессор Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, yur.solovjev@yandex.ru

«ЕВАНГЕЛИСТЫ-ФУРРИ»: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗООАНТРОПОМОРФЫ НА УЗКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ МИРОЗДАНИЯ

Аннотация: статья посвящена средневековым символическим зооантропоморфным персонажам в христианской культуре, ставшим связующим звеном между образами древних зооантропоморфных божеств и демонов и современной зооантропоморфной составляющей искусства (включая фурри-арт) и культуры. Зооантропоморфизм предстает как один из древнейших и базовых архетипов человеческого сознания.

Ключевые слова: зооантропоморфы, первобытные архетипы, средние века, язычество, христианство, четвероевангелие, тетраморф

Shafenkova Yu.V. "Evangelists-furry": the medieval zooanthropomorphs at narrow crossroads of universe

Abstract: The article is devoted to medieval symbolic zooanthropomorphic characters in Christian culture, which has become a link between the images of ancient zooanthropomorphic deities and demons and the modern zooanthropomorphic component of art (including furry art) and culture. Zooanthropomorphism appears as one of the oldest and basic archetypes of human consciousness.

Keywords: zooanthropomorphs, primitive archetypes, Middle Ages, paganism, Christianity, the Four Gospels, the tetramorph:

*Тебя там встретит огнегривый лев
И синий вол, исполненный очей.
С ними золотой орел небесный
Чей так светел взор незабываемый
Анри Волхонский*

Мы привыкли к тому, что звероголовые боги – это персонажи Египетской и Шумеро-Аккадской мифологии, созданные древнейшими цивилизациями планеты Земля [8]. Они привычны для нас, но не в повседневной реальности, а на страницах учебников и в залах музеев. Еще более привычны для нас иные звероголовые, зооантропоморфные персонажи, «обитающие» в современном окружающем нас мире – в детских сказках и в рекламе, в диснеевских мультфильмах, в японском аниме и в безграничном сетевом фурри-арте («пушистая» субкультура) [12; 13]. Но в восприятии обывателя между первыми и вторыми лежит гигантская пропасть, разделяющая два совершенно разных, никак не соприкасающихся мира. Пропасть эта – эпоха господства монотеистических религий, в первую очередь различных вариантов христианства.

Образы древних богов отвергались и запрещались христианством, как языческие демоны (на богословском уровне восприятия) и как конкурирующая сторона (на экономическом и политическом уровнях). Сочетание черт животного и человека, характерное для многих персонажей политеистических систем, было объявлено скверной и признаком бесовщины [3] – не случайно в образе дьявола сочетаются человеческие и звериные черты: он – не что иное, как утрированный, собирательный, пародийный образ языческого божества. Казалось бы, образы древних богов были обречены на гибель в затяжном и неравном бою.

Однако, внимательно знакомясь со средневековыми христианскими фресками и книжными миниатюрами на пергаменте, мы неожиданно встречаем знакомые образы зооантропоморфов-зверолюдей. Большинство из них являют собой символические изображения евангелистов – Марка, Луки, Иоанна со звериными головами (Матфей обыкновенно сохраняет за собой человеческий лик). (Рис.1, 2). Представительные обзоры таких звероголовых изображений эпох Меровингов, Каролингов, и романскому периоду (V-XIV вв.) были опубликованы Рене Крозе в 1950-х гг. [18; 19], появляются новые находки в фондах библиотек [20].

Рис. 1. Зооантропоморфные изображения евангелистов Марка, Луки и Иоанна из рукописного Евангелия из церкви Розбейт в Бретони, около 909 г. Муниципальная библиотека Труа, (Médiathèque Grand Troyes), MS 960, f. 43v, 71v, 108v.(фото: Médiathèque Grand Troyes). [20]

Содержанию и истории возникновения этих изображений посвящено немало работ [4; 5; 6; 8], и мы вряд ли тут можем что-то новое сказать в рамках христианского символизма и богословия. Кратко же отметим, что впервые образы льва, орла, тельца и ангела с ликом человека появляются в совершенно сюрреалистическом видении пророка Иезекииля (кстати, популярном у уфологов, видящих в нем отражение палеоконтакта с представителями внеземной цивилизации и даже описание их техники [2; 17]) и в христианской традиции именуются тетраморф. Позднее в «Откровении Иоанна Богослова» данный ряд существ повторяется в описании престола Господня.

Рис.2. Зооантропоморфные изображения евангелистов Святого Марак (слева) и Святого Луки (справа). Евангелия (манускрипт на пергаменте): Франция, Бретань, бенедиктинское аббатство Ландевеннек, X – первая половина XI вв. (Бодлианская библиотека Оксфордского университета коллекция средневековых и ренессансных манускриптов: MS. Auct. D.2.16., fol. 071v, 101v.)

Связь символики тетраморфа с Четвероевангелием впервые была затронута священномучеником Иринеем Лионским во II в.н.э.: доказывая, что единство Евангелий не нарушают их различия, он говорит о едином Евангелии, данном в четырех версиях. Он сопоставил Евангелие от Иоанна со львом, символизирующим «действенность, господство и царскую власть» Сына Божия, Евангелие от Луки – с тельцом, поскольку оно означает «священнодейственное и священническое достоинство» Слова. Евангелие от Матфея соотнесено с человеком, поскольку «изображает Его явление как человека», а Евангелие от Марка – с орлом, как указывающее «на дар Духа, носящегося над Церковью» (Iren. Adv.haer. III 11.8). Использование этой символики закрепилось, но связь с тем или иным Евангелием и написавшим его евангелистом некоторое время была предметом дискуссии. Так, блаженный Августин сопоставлял Евангелие от Марка с человеком, а святой Амвросий Медиоланский и блаженный Иероним Стридонский со львом. [5]. В итоге зкрепились атрибутика, предложенная блаженным Иеронимом. В ней орёл соответствует Евангелию от Иоанна (по причине «недостижимой высоты богословия» пролога), лев – Евангелию от Марка (начинающемуся словами о «гласе вопиющего в пустыне»), жертвенный телец - Евангелию от Луки (начинающемуся рассказом о жертвоприношении Захарии), а человек - Евангелию от Матфея (показавшему человеческую генеалогию Христа). Животные-символы евангелий становятся атрибутами изображений соответствующих апостолов-евангелистов, а вскоре их образы переключиваются на самих евангелистов, замещая их, либо формируя бинарный зооантропоморфный образ. При этом образ человека с головой зверя ничуть не смущал ни иконописцев, ни клир, ни паству, ибо ему было найдено подобающее богословское нравоучительное объяснение [6].

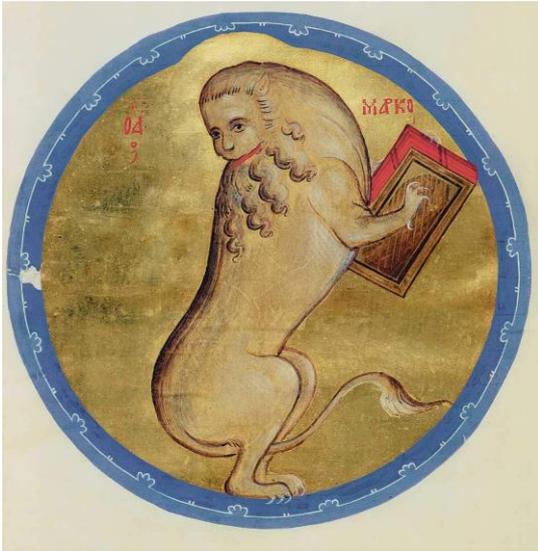

Рис.3. Миниатюры с изображением зооантропоморфных фигур евангелиста Марка (лев) и евангелиста Луки (телец) в Евангелии Хитрово (Российская государственная библиотека Ф. 304. III. № 3/М. 8657).

Рис.4. Византийские миниатюры с изображением евангелиста Марка в виде человекоподобного льва (Никольское Евангелие, XIII в.: Сербия, Белград, Национальная библиотека) и евангелиста Иоанна в виде человекоподобного орла (Афон, Греция)

В православной церкви к символам евангелистов относят и финал евхаристической молитвы на Божественной Литургии: «поюще (орёл), вопиюще (вол), зывающе (лев) и глаголюще (человек)». Евангелисты-зооантропоморфы на миниатюрах и в иконописи здесь появ-

ляются позднее, чем в католической Европе, но тоже уверенно занимают свое место. В Московском княжестве одним из самых ранних памятников такого рода можно считать Евангелие Хитрово конца XIV-XV вв., где лев Марк и телец Лука (Рис.3) занимают совершенно нехарактерные для животных человеческие позы, но тело имеют скорее звериное [7]. Скорее всего, корни иконографической традиции этого памятника лежат на Балканах и в Византии,

Рис.5. Апостол Марк. Фреска из Храма усекновения главы Иоанна Предтечи (Гродно, XXI в.)

где евангелисты - зооантропоморфы появляются ранее XII века (Рис.4).

«Латинская система» атрибутов и образов евангелистов окончательно утвердилась в русском православии как единственно правильная на Большом Соборе 1666 года. Но спустя менее столетия зооантропоморфизм в иконографии русского православия был запрещен по указу Священного Синода от 1722 г. С этой поры звери допускались лишь как дополнительные атрибуты авторов четырех евангелий, которых следовало писать исключительно в человеческом облике. Старообрядцы этот указ восприняли негативно, как и все, исходящее от Никонианской церкви, на их взгляд извращенной врагом рода человеческого. Запрет изображения звероголовых персонажей на иконах и в миниатюрах они не восприняли, оставшись верными древнерусской, а по большому счету – византийской

традиции. Ныне зооантропоморфизм жив и в русском православии, несмотря на официальный запрет. К примеру, апостол Марк в виде человекольва изображен на фреске строящегося Храма усекновения главы Иоанна Предтечи на ул. Курчатова в Гродно (Беларусь) (Рис.5).

Почему же регулярно запрещаемый, табуируемый образ – сочетание черт зверя и человека – несмотря ни на что возвращается в обиход? Потому что он кажется привлекательным. Привлекателен же он вовсе не в силу церковных аллегорий, которые лишь оправдывают использование образов зооантропоморфов [6]. В этом плане действия церкви типичны: использовать во благо то, что запретить не удастся. Архетип зооантропоморфизма отражает единство природы и человека [11], и уже поэтому – невзирая на табуирование – постоянно транслируется от поколения к поколению постепенно меняющимися способами (древние религии, мифы, сказки, изобразительные и мультимедийные средства, повседневное общение – не забудем, как люди во все эпохи любили и любят сравнивать себя и окружающих с теми или иными животными, как в позитивном, так и в негативном контексте). Человеческий мир без животной тени начинает терять рельефность, чувственность и эмоциональность.

В чем изначальный смысл компонентов тетраморфа? А.В.Подосинов рассматривает четыре зооантропоморфных образа, закрепленные за евангелистами, как символы сторон света, взятые из шумеро-аккадского пантеона [4]. Но эта интерпретация, вторична, как минимум в хронологическом плане. Традиция древнего мира и античности изображать богов и демонов в виде бинарных существ, сочетающих черты человека и зверя (чаще всего с человеческим телом и головой животного) имеет корни, по глубине сопоставимые с временем существования самого человечества, что видно в ретроспективе [14].

Возьмем в качестве примера образ человекольва, данный в пользование Св.Марку. Он актуален, пройдя через средневековье (кроме действующей христианской традиции, вспомним, например, льва Бонифация из советского мультфильма). В средневековье, в свою очередь, он пришел из Египта, Месопотамии и Индии (а в промежутке расположим львиноголовые изображения Митры, широко известные в римской скульптуре и в барлефах). И функции этих персонажей не в разграничении сторон света, а скорее в разграничении миров – реального и потустороннего [16].

Львиноголовые демоны Урудимму из шумеро-аккадской мифологии были поставлены Мардуком на стражу Подземного мира. Древнеиндийское божество Вишну также имеет львиноголовый аватар Нарасимха. А в Египетских пантеонах – локальных и основном львиноголовых богов – множество. В Египте львы /львицы ассоциировались с нападением, агрессией, разрушением, а поэтому всё, что связано с войной, имело отношение ко львам (Рис.6):

Сехмет или Сохмет («могучая») – богиня войны и солнечного зноя, грозное око бога Солнца Ра, обладавшая также магической силой напускать болезни и излечивать их, покровительствовала врачам, считавшимся её жрецами.

Менхит – богиня войны в Нижнем Царстве, считалась предводительницей египетской армии, сокрушающей врагов огненными стрелами. Стала испостасью Сехмет после объединения двух египетских царств.

Тефнут – богиня влаги и жары.

Пахт – богиня-владычица восточной пустыни, культ которой был распространён в Бени-Хасане, связана с грозами и ливнями. Имя значит «та, что царапает», «разрушительница».

Маахес (Михос, Мисис, Мэйхес и Махес) – львиноголовый бог войны, погоды, цветов лотоса, пожиратель пленных. Имя означает «тот, кто правдив рядом с ней». Сын богини-кошки Баст в Нижнем Египте и богини-львицы Сехмет в Верхнем Египте. Его часто изображали с ножами в обеих руках.

Шезму (Шесму, Шезему, Сесму) – бог убийства, крови, а также масел для бальзамирования, вина и благовоний. Связан с загробным культом: охранял мумию от повреждений и наказывал грешников. Суровый палач зла и великий защитник добродетелей.

Рис.6. Сехмет Менхит Тефнут Пахт Маахес Шезму

Образами древнеегипетских и шумеро-аккадских божеств не завершается цепочка львиноголовых персонажей, тянущаяся вглубь времен. В костенковско-авдеевской культуре верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы (26-16 тыс. лет назад) имеются сделанные из ребра мамонта антропоморфные лопатки-сенговывивалки, часть которых увенча-

на изображением стилизованной львиной головы [10; 15]. А древнейшим изображением человекольва можно считать статуэтку, обнаруженную в пещере у г. Холленштейн в Германии. Ее возраст превышает 38000 лет, это одно из древнейших произведений искусства кромафонцев в мире [1; 16; 21].

Сходную ретроспективную цепочку от тельцеглавого Св. Луки модно провести через античного Минотавра, древнеегипетских Хатхор, Нут, Мехурт, Монту, Бухиса, Осириса, древнеиндийских Махашисуру и Яму к палеолитическим людям-бизонам из пещеры Три Брата и других местонахождений [14].

Таким образом, мы вновь и вновь убеждаемся: образ человекозверя, зооантропоморфа является одним из древнейших, корневых архетипов человеческого сознания, пронесенный через тысячелетия [13; 14] – с ним не смогли справиться даже жесточайшие религиозные табу средневековья. По всей видимости, компоненты тетраморфа могут рассматриваться как отзвук древнейших мифологических систем, которые могли отражать, в том числе, и четыре стороны света [9] – но не это в них главное.

В заключение обратим внимание еще на один интересный нюанс. На многих миниатюрах из Евангелий Святой Марк изображен по сути дела не с львиной, а с собачьей головой, иконографически очень напоминая псеглавца Святого Христофора. Можно, конечно, дать традиционное объяснение, мол, средневековые переписчики и художники никогда в жизни не видели льва, и потому изображали его собакоподобным. Но образы пса и льва имеют более древнюю и более глубокую связь [16]. Об этом, как и об фурри-иконографии Святого Христофора речь пойдет в отдельной публикации.

* * *

Пользуясь возможностью, приношу искреннюю благодарность за идею, консультации и возможность ознакомления с неопубликованным материалом, находящимся в печати, моему научному руководителю, профессору РАЕ А.А. Чубуру (Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского).

Библиографический список

1. *Абрамова З.А.* Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. (Серии: Труды ИИМК РАН. Т. XXXIV и Archaeologica Petropolitana). - 304 с.
2. *Делян Д.* Серьезно о НЛЮ : [Пер. с болг.]. – М.: МАИ, 1991. – 267 с.
3. *Ковригина И.В.* Гибридность как свойство демонического (на примере иконографической традиции позднего средневековья) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского 2013, № 3(1) с.279-285.
4. *Подосинов А. В.* Символы четырёх евангелистов. Их происхождение и значение. — М.: Языки русской культуры, 2000. – 174 с.
5. Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. - Т. XVI : «Дор - Евангелическая церковь союза». - 752 с.
6. *Скабалланович М.Н.* Первая глава книги пророка Иезекииля. Опыт изъяснения. – Мариуполь: Тип. С.А.Копкина, 1904. — IV, 318, XII с.; 26.
7. *Смирнова Э.С.* Миниатюристы Евангелия Хитрово // Хризограф: Сб. ст. к юбилею Г. З. Быковой / Сост.: Э. Н. Добрынина. М., 2003. С.107-128.
8. *Соколова З.П.* Культ животных в религиях. Москва: Издательство «Наука», 1972. – 216 с.
9. *Султанова О.Р.* Круглое жилище в Быках 1: дом-календарь, дом-зодиак, или «охотничий зал с трофеями»? // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий Материалы

- XXXIII международной молодежной археолого-этнологической конференции. – Брянск, 2017. С. 29-34.
10. *Султанова О.Р., Чубур А.А.*, Антропозооморфные произведения искусства в палеолите бассейна Десны // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-27. С. 6115-6119
 11. *Храмова М.Н.* Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре. Диссертация на соискание ученой степени кандидат культурологии. – СПб, 2015. – 206 с.
 12. *Чубур А.А.* К вопросу о феномене субкультуры фурри // *Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности*. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. С.105-116.
 13. *Чубур А.А.* Субкультура фурри: краткая характеристика и корни явления // VIII Конгресс этнологов и антропологов России. – Оренбург. 2009. С.236-237.
 14. *Чубур А.А.* Furry-art: от цифровой графики до сводов пещер. Попытка осмысления // *Вестник Брянского государственного университета*. 2009. № 2. С. 78-85.
 15. *Чубур А.А.* Животный мир плейстоцена в мелкой пластике древних обитателей бассейна Десны // *Русский сборник*, вып.5. Брянск, РИО БГУ, 2009. С.22-34.
 16. *Чубур А.А.* Три очерка о зооморфных образах из Авдеево: «мамонты-оборотни, мамонты-мишени», «неусыпный страж» и «лошадь без головы» // *Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья*. Вып.4. – Курск, 2018.
 17. *Blumrich, J.F.* The spaceships of the prophet Ezekiel // *Impact of Science on Society, UNESCO*, 1974, October–December, Vol.XXIV (No.4). p.329-336.
 18. *Crozet R.* Les premières représentations anthrozoomorphiques des évangélistes (VIe–IXe siècles) // *Études mérovingiennes. Actes des journées de Poitiers, 1–3 mai, 1952 (Paris: Picard, 1953)*, p.53-63.
 19. *Crozet R.* Les représentations anthropo-zoomorphiques des évangélistes dans l'enluminure et dans la peinture murale aux époques carolingienne et romane // *Cahiers de civilisation médiévale, 1e année (n2), Avril-juin 1958*. p.182-187.
 20. *Kitzinger B.* The Instrumental Cross and the Use of the Gospel Book Troyes, Bibliothèque Municipale MS 960 // *A Journal of New Perspectives on Medieval Art (ISSN 1935-5009) Issue 4, January 2014*.
 21. *Schmid E.* Die altsteinzeitliche Elfenbeinstatueette aus der Höhle Stadel im Hohlenstein bei Asselfingen, Alb-Donau-Kreis // *Fundberichte aus Baden-Württemberg*. Band 14, 1989, S. 33–118.

Сведения об авторах

Шафенкова Юлия Витальевна – студентка факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, волонтер совместного с ИА РАН НИЦ Комплексного изучения Среднедеснинского региона НИИ ФиПИ БГУ. simutina_94@mail.ru

Политическая история

УДК 908(433)

А.В. Новикова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация: в статье анализируется деятельность мировых посредников Орловской губернии на протяжении всего периода существования института. Дается подробная характеристика процесса составления и введения в действие уставных грамот в регионе. Вместе с тем рассмотрены общие особенности функционирования мировых учреждений, специфика взаимоотношений мировых посредников с дворянским и крестьянским сословиями Орловской губернии.

Ключевые слова: мировой посредник, мировые учреждения, крестьянская реформа, Положения 19 февраля, пореформенная Россия, отмена крепостного права, сословия, поместное дворянство, крестьянство, уставные грамоты, местная администрация, Орловская губерния.

Novikova A.V. Activity of peace arbitrators in Orel's province

Abstract: The article analyzes the activity of peace arbitrators of Orel's Province during the whole period of the institution's existence. A detailed characteristics of the process of drafting and commissioning of charters in the region is given. In addition, there are considered a common features of function peace institutions, specificity of relationships of peace arbitrators with nobility and peasantry of Orel's Province.

Keywords: peace arbitrator, peace institutions, peasant reform, thesis of 19th February, post-reform Russia, abolition of serfdom, estates, local nobility, peasantry, charters, local administrations, Orel's Province.

Процесс реализации крестьянской реформы 1861 г. в России неотделим от деятельности мировых посредников во всех губерниях страны. Специально созданный для реализации основных положений крестьянской реформы институт, осуществлял, возложенные на него государством обязанности на протяжении тринадцатилетнего периода (1861-1874 гг.). Главной целью существования нового государственного учреждения была необходимость регулирования новых поземельных отношений между поместным дворянством и бывшими крепостными крестьянами, защита интересов сословий, контроль за неукоснительным выполнением требований «Положений 19 февраля» и злоупотреблениями сторон при составлении и введении уставных грамот, по условиям которых и должен был начаться процесс освобождения крестьян.

Полномочия и обязанности мировых посредников, определенные законодательством, были довольно обширны и носили принципиальное значение в общем процессе осуществления идей крестьянской реформы. Условно обязанности мировых посредников можно разделить на несколько категорий. К первой из них можно отнести разбирательство чиновниками споров и конфликтов между помещиками и временнообязанными крестьянами. Ко второй группе относятся обязанности посредников по составлению и введению уставных грамот, заключаемых между бывшими владельцами и временнообязанными крестьянами. Именно эти акты определяли последующие отношения между сторонами. Помимо прочего, чиновники контролировали соблюдение условий, зафиксированных в веденной уставной грамоты обеими сторонами. К третьей категории обязанностей можно отнести наблюдение и контроль за крестьянским самоуправлением. К четвертой категории относились судебные обязанности посредников по ряду вопросов: отслеживание правомерности заключаемой сделки, занимались вопросами о порубках, потравах, аренде [1, с. 204-213] и т. д.

На должность чиновника могли претендовать далеко не все желающие из дворянской среды. Правительством были установлены, помимо сословного еще и имущественный ценз,

немаловажное значение имело образование претендента на должность, а также личностные качества потенциального мирового посредника вкупе с прогрессивными взглядами и положительным отношением к самой реформе [2, с. 490-491].

Для деятельности мировых посредников была характерна независимость чиновников от местной администрации – все чиновники назначались и увольнялись на должности исключительно правительствующим Сенатом [1, с. 203]. Однако подобная самостоятельность государственного учреждения в большей степени относилась лишь к первому периоду деятельности института посредников. После которого у представителей местной власти постепенно появлялись рычаги воздействия на отдельно взятых чиновников губернии [3, с. 865].

Должность изначально характеризовалась как судебно-административная. Однако на протяжении всего периода деятельности мировых учреждений она непрерывно эволюционировала. В 1864 г. правительством были отозваны судебные обязанности, возложенные на мировых посредников, которые впоследствии были делегированы мировым судьям [4, с. 99-100]. Кроме того, после завершения процесса введения уставных грамот фокус деятельности мировых посредников заметно сместился: чиновники второго и последующих составов (1864-1874 гг.) в большей степени отслеживали соблюдение условий введенных уставных грамот, и контролировали органы крестьянского самоуправления. Таким образом, институт мировых посредников со временем все больше приобретал черты учреждения государственного контроля, выполняя скорее полицейский функции.

Оглашенные правительством условия освобождения крестьян и общий процесс проведения реформы 19 февраля не встретил восторженного отклика и энтузиазма у представителей сословий, вовлеченных в процесс реализации реформы. Поместное дворянство, в своем большинстве, расценивало отмену крепостного права и освобождение крестьян как попрание привилегированного положения высшего сословия, как посягательство на право собственности [5, с. 551]. Крестьянство же, охотно веря череде сменявших друг друга слухов, надеялось на полную свободу от бывших владельцев и безвозмездное получение земли [6]. Подобные настроения были характерны для представителей дворянского и крестьянского сословий Орловской губернии [7, оп.52, 1861, д.29, л.4-5 об.]. Таким образом, крестьянская реформа и условия ее осуществления вызвали недовольство обеих сторон, чьих интересов прямым образом касалось само преобразование. Если после оглашения «Положений 19 февраля» в Орловской губернии, подобно и многим другим регионам, крестьянство выражало свое недовольство реформой путем отказа от подписания составляемых и вводившихся в действие уставных грамот [8, д.21, л.12; д.24, л.16; д.46, л.7; д.460, л.11; д.461, л.11; д.467, л.11], то поместное дворянство располагало куда большими возможностями в процессе отстаивания собственной позиции и интересов.

Предметом раздражения дворянства Орловской губернии, в отношении которого зачастую проявлялась открытая враждебность, стали местные мировые посредники. Все недовольство помещиков преобразованием и новым укладом жизни, неизбежность которого представлялась абсолютно очевидной, нашло выражения в различных формах, однако неизменным их «адресатом» являлись мировые посредники. Усиливало раздражение местных помещиков и независимость должности мирового посредника, автономность чиновников от местной администрации. Подобное обстоятельство препятствовало всевозможным неправомерным воздействиям на посредников со стороны представителей местной власти. Примечательно, что отношение губернаторов Орловской губернии к мировым учреждениям было чрезвычайно контрастным. В первые годы деятельности института мировых посредников чиновники Орловской губернии могли рассчитывать на поддержку губернатора Н.В. Левашова [7, оп.36, 1862, д.2, л.94-95], то уже к 1868 г. ситуация изменилась кардинальным обра-

зом. Назначенный губернатором с 1867 г. М.Н. Лонгинов, относился к деятельности института резко негативно и являлся ярким сторонником упразднения должности [7, оп.36, 1868, д.181, ч. 1, л.60-75 об.].

Поместное дворянство Орловской губернии априори отнеслось к мировым посредникам с предубеждением. Чиновники губернии подверглись критике со стороны помещиков в июне 1861 г. – до момента официального вступления в должность и начала выполнения обязанностей [9, с. 36]. Поводом для резких критических замечаний дворянской общественности стал состав мировых посредников губернии.

Критика, многочисленные замечания и обвинения, сопутствовали деятельности мировых посредников Орловской губернии на всех этапах существования учреждения. В различные периоды реализации реформы фокус критических замечаний мог меняться, но неизменно находился в плоскости деятельности мировых посредников губернии. Чиновники порицались общественностью за неправильное составление уставных грамот, не принятие к рассмотрению замечаний и ходатайств владельцев, не принятии мер по взысканию оброка и недоимок. Между тем, чиновники обвинялись в заискивании и лести, проявляемых в отношении крестьян, в намеренном «стеснении» помещиков, потворстве межсословному антагонизму. Закономерным следствием подобного отношения к чиновникам являлись споры, конфликты и столкновения мировых посредников с поместным дворянством Орловской губернии.

Непростые условия деятельности сопряженные с обязанностями, которые предписывалось выполнять мировым посредникам, стали поводом для многочисленных увольнений мировых посредников после первого срока их деятельности [8, д.47, д.74, д.116, д.142, д.149, д.156, д.175, д.205]. Примечательно, что инициатива оставить должность под разными предлогами – чаще всего по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам – исходила непосредственно от того или иного чиновника. При этом, приводимые мировыми посредниками доводы, с учетом массовости увольнений посредников, представляются довольно абстрактными, так как не поддавались какому-либо подтверждению и проверке. Это является дополнительным подтверждением того факта, что многие мировые посредники зачастую не были готовы к тому социальному давлению, а также обширному спектру обязанностей, присущих должности мирового посредника.

Процесс составления и введения уставных грамот в Орловской губернии характеризовался рядом следующих особенностей, в целом, присущих большинству регионов страны в период проведения крестьянской реформы. Во-первых, при составлении и проверке актов, договаривающиеся стороны часто высказывали возражения относительно условий уставной грамоты, что зачастую становилось предметом долгого спора и служило поводом для многочисленных жалоб и прошений в различные инстанции, включая министерство внутренних дел [7, Оп. 52. 1863, д. 117, л.16-16 об.; д. 209, л. 1-31; д. 158, л. 5-7 об.]. Подобная модель поведения в большей степени была присуща представителям дворянского сословия. Во-вторых, крестьянство различных категорий Орловской губернии – и поместное, и удельное, в большинстве случаев отказывались подписывать уставные грамоты, как с объяснением причин своего отказа, так и без обоснования принятого решения. Аналогичных воззрений в этом отношении придерживалось и крестьянство других губерний. Главным образом, причиной подобных отказов являлись слухи, распространяемые в крестьянской среде, о «новой воле», сообщавших, что подписывать уставные грамоты не следует ни под каким предлогом. Подобные взгляды обеих сторон процесса отмены крепостного права – помещиков и крестьян, представляются во многом закономерными и даже предсказуемыми. Однако частое противоборство взаимоисключающих интересов сословий являлось, – хотя и неотъемлемой частью деятельности мировых посредников Орловской губернии и мировых учреждений вообще, –

тем обстоятельством, которое тормозило общий ход реформы и, соответственно, работу мировых учреждений.

Тем не менее, обращаясь к вопросу процедуры составления и введения уставных грамот в Орловской губернии, важно отметить деятельность мировых посредников первого состава, а также кандидатов мировых посредников, привлеченных к этому процессу. При анализе актов уставных грамот, было установлено, что процессы составления актов, а также их введения по помещичьим и удельным имениям, были осуществлены чиновниками Орловской губернии в отведенный правительством срок – два года, с момента обнародования «Положений 19 февраля». Между тем, несущественное отставание от намеченных сроков по введению грамот в удельных имениях, имевшее место и в Орловской губернии являлось повсеместной практикой на территории государства. Окончательно этот процесс был завершён лишь к 1869 г. Колоссальный объём работы мировых посредников губернии в первое трехлетие существования учреждения подтверждают обилие входящих и исходящих бумаг чиновников, относящихся к процедуре составления уставных грамот. Так, на имя мирового посредника одного из участков Трубчевского уезда было направлено более сотни письменных обращений по этому поводу только за период 1861 г. [10, д. 4, л. 164-173 об.], а функционировать мировые учреждения начали с июня того же года. Таким образом, процедура введения и утверждения уставных грамот в Орловской губернии, как и в других губерниях страны, имело первостепенное значение в деятельности посредников и носила принципиальный характер во всем процессе отмены крепостного права в России. Подводя общий итог деятельности мировых посредников губернии в этом направлении, можно утверждать, что чиновники Орловской губернии справились с этой задачей.

Подробное рассмотрение заметок, записок и дневниковых записей мировых посредников, несших службу в различных губерниях, позволило выявить общие особенности и тенденции в деятельности мировых учреждений. Помимо описания процесса реализации крестьянской реформы, подобные материалы содержат оценки ее результатов и последствий. Мнение чиновников, непосредственно связанных с процессом осуществления основных идей реформы 19 февраля представляется особенно значимым, ввиду уникальности самого опыта деятельности мировых посредников в общем процессе освобождения крестьянства. Бывшие мировые посредники в своих воспоминаниях упоминали основные проблемы, сопутствовавшие их службе, а также описывали отношение к институту мировых посредников в среде дворянского и крестьянского сословий. Авторами подобных записок и заметок чаще всего являлись чиновники, несшие службу в период первого назначения мировых посредников в губерниях. Чиновники «первого состава» стали свидетелями и главными участниками процесса изменения привычной для сословий системы отношений.

В своих воспоминания многие мировые посредники уделяли большое внимание процессу формирования крестьянского самоуправления, деятельности по составлению уставных грамот и сопутствующим ей межсословным спорам и конфликтам, освещали вопрос взаимоотношений посредников с поместным дворянством и местной властью, крестьянскими обществами, отмечали роль общины в жизни крестьянского сословия, в том числе в период реализации крестьянской реформы. Кроме того, мировые посредники отмечали колоссальный груз ответственности, который ощущали в период службы в должности мировых посредников [11, с. 811; 12, с. 643]. Вместе с тем, энергичная деятельность чиновников, частые перемещения по территории мирового участка, зачастую физически изнуляли многих посредников. Многочисленные конфликты сторон, задействованных в процессе освобождения крестьян, свидетелями которых являлись мировые посредники, а также регулярная критика деятельности мировых учреждений со стороны общественности и, главным образом, поместного дво-

рянства, также утомляли чиновников, включая тех, кто был искренне воодушевлен и увлечен в своей деятельности самой идеей освобождения крестьян [13, с. 364]. Подобные обстоятельства стали причиной смены состава мировых посредников – различия между чиновниками периода первого назначения и последующих были значительными. В дальнейшем это обстоятельство оказало воздействие на общий престиж мировых учреждений.

Процесс осуществления «Положений 19 февраля» в масштабах всего государства происходил медленно и очень непросто для всех участников, включая представителей сословий, а также мировых посредников. Обратившись непосредственно к проблеме взаимоотношений чиновников с дворянским сословием в рамках настоящего исследования, удалось установить, что конфликт между помещиками и мировыми посредниками прогнозировался правительством изначально – еще в период работы над проектом мировых учреждений. В основе многочисленных споров и столкновений помещиков с чиновниками лежали неизбежные изменения и перемены в системе отношений бывших владельцев и крепостных крестьян, осуществлять которые надлежало назначенным на местах мировым посредникам. Описанные воззрения большинства представителей дворянской среды, в полной мере были свойственны и помещикам Орловской губернии. Так, представители высшего сословия в 1861 г. выступили с резкой критикой состава мировых посредников губернии, которые на тот момент еще вступили в должность и, соответственно, не успели зарекомендовать себя в новой должности ни с отрицательной, ни с положительной стороны [9, с. 36]. В 1862 г. помещики Брянского уезда во главе с уездным предводителем дворянства В.А. Краинским направили жалобу на губернатора Н.В. Левашова в министерство внутренних дел, и его «незаконные действия» при назначении мировых посредников уезда [7, оп. 36, 1862, д. 85, л. 1-8]. Конфликт получил свое продолжение и в 1863 г. – в одном из номеров газеты «Мировой посредник» были опубликованы подробности громкого конфликта брянских помещиков под предводительством В.А. Краинского и двух мировых посредников уезда [14, с. 51-54].

Обилие споров и многочисленных жалоб на действия мировых посредников Орловской губернии было особенно характерно для периода составления и введения уставных грамот в регионе. Представители дворянства жаловались на чиновников, как на местном уровне, так и общегосударственном.

Описанные обстоятельства стали поводом для разного рода мер, предпринимаемых представителями дворянского сословия в отношении чиновников. Поскольку влиять на подбор/назначение/увольнение посредников поместное дворянство не могло, помещики искали иные пути и способы воздействия на функционирование мировых учреждений. Например, помещиками Орловской губернии подавались коллективные прошения и жалобы на действия конкретного мирового посредника, обращения по сокращению мировых участков, что подразумевало в конечном итоге и увольнение служащих в них посредников. Помимо прочего, поместным дворянством создавались условия, в рамках которых чиновникам было невозможно выполнять собственные обязанности. Некоторые помещики не гнушались любимыми средствами: от уничтожения репутации и доброго имени мирового посредника в дворянской среде, до физической расправы над чиновником [15, с. 241]. Однако необходимо отметить, что подобные крайности хотя и имели место, но случались достаточно редко. Тем не менее, совершенно очевидно, что непростые отношения мировых посредников и поместного дворянства Орловской губернии, не способствовали скорому введению уставных грамот или общему процессу освобождения крестьян. Скорее наоборот, служили фактором тормозящим деятельность мировых посредников в губернии и отдаляющим главный результат крестьянской реформы.

Обнародованные в губерниях «Положения 19 февраля», а именно условия освобождения крестьян стали поводом для многочисленных слухов, беспорядков, локальных восстаний

и всяческих проявлений протеста в крестьянской среде. Причиной недовольства крестьян являлся ряд факторов. Во-первых, крестьянство надеялось на полную, абсолютную свободу от бывших владельцев. Во-вторых, крестьяне не мыслили своего существования без земли и рассчитывали получить ее от помещиков безвозмездно, без разного рода платежей и выкупа. В-третьих, возмущение крестьянского сословия вызвало и то обстоятельство, что в течение первых нескольких лет их отношения с владельцами-помещиками сохраняются в прежней форме. Осмысление характерных для представителей крестьянской среды суждений и взглядов, важно для понимания взаимоотношений мировых посредников с одной из сторон процесса реализации реформы 19 февраля 1861 г. – крестьянским сословием.

В течение первых лет деятельности мировых учреждений крестьянство относилось к посредникам недоверием. Помимо упомянутых причин, важным фактом являлась сословная принадлежность чиновников. Крестьяне были твердо убеждены в том, что назначенные мировые посредники будут отстаивать исключительно интересы помещиков, пренебрегая при этом их правами.

Процедура составления и введения уставных грамот в Орловской губернии, в аспекте взаимоотношений мировых посредников и временнообязанных лишь усложняла взаимоотношения между чиновниками и крестьянами. Временнообязанные Орловской губернии, подобно представителям своей среды из других регионов страны, отказывались подписывать уставные грамоты под разными предлогами или же вовсе не представляли обоснования принятого решения. Уже к октябрю 1861 г. в Орловской губернии распространились слухи о новом «Положении» и распределении земли и наделении ею крестьян без выкупа, о прощении императором Александром II податей и т. д. [7, оп. 52, 1861, д. 29, л. 4-5 об.]. Подобные толки неизбежно провоцировали множество конфликтных ситуаций и споров при введении мировыми посредниками губернии уставных грамот во всех двенадцати уездах. Вместе с тем, подобные обстоятельства отнюдь не способствовали скорому введению актов и приближению к конечной цели, проводившейся реформы.

Таким образом, в описанных условиях далеко не всем чиновникам губернии удалось завоевать доверие крестьянского сословия. Заручится им чиновники могли лишь одним способом – примером своей беспристрастной и справедливой деятельности. Необходимо констатировать, что среди мировых посредников Орловской губернии, наряду с чиновниками высоких моральных качеств и устоев, были и лица иного порядка [16, с. 236], что, безусловно, накладывало определенный отпечаток на репутацию учреждения в целом и влияло на общую эффективность процесса реализации реформы.

Крестьянское сословие отстаивало собственные интересы довольно энергично и деятельно. Разумеется, подобные эпизоды сопровождались не только активной позицией временнообязанных, но и активными действиями – жалобами на бывших владельцев и мировых посредников, грубостями и дерзостями в отношении чиновников и помещиков [17, с. 34-35].

Тем не менее, несмотря на сложности взаимоотношений мировых посредников с представителями крестьянства, большинство чиновников стремилось не пренебрегать собственными обязанностями и при необходимости ограждать и защищать интересы временнообязанных крестьян [8, д. 8, л. 5-7; 18, с. 150-152; 10, д. 2, л. 23, 41-42, 203-203 об.]. Безусловно, особенности взаимодействия чиновников с крестьянством усложняли общий процесс осуществления «Положений 19 февраля» в Орловской губернии. Несмотря на этот факт, можно утверждать, что чиновникам губернии удалось минимизировать значение этого фактора в общем процессе освобождения крестьянства.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что деятельность института мировых посредников имела колоссальное значение в процессе отмены крепостного права.

Мировые посредники Орловской губернии приложили много усилий для того чтобы привести в действие механизм крестьянской реформы и тем самым приблизить освобождение крестьян от крепостной зависимости. Вопреки мнениям о неэффективности мировых учреждений, неизбежности кризиса должности и института в целом, удалось, – путем восстановления событийной стороны процесса деятельности учреждения, изучения условий, особенностей работы посредников Орловской губернии, – проанализировать результаты активности чиновников в разных плоскостях деятельности, установить, что функционирование мировых учреждений Орловской губернии можно охарактеризовать как эффективную, отвечающую всем установленным правительством условиям. Несмотря на априори проблемные, непростые условия, в которых чиновникам надлежало выполнять свои обязательства, занимая позицию стороннего, беспристрастного лица в вопросах, регулирующих отношения традиционно антагонистических сословий, чиновники стремились соблюдать предписанный законодательством нейтралитет к сословиям, а также оберегать и защищать их интересы и права. Многочисленные конфликты сторон, столкновения с поместным дворянством, а иногда и представителями крестьянства, давление местной администрации не смогли оказать определяющего воздействия и корректировать общий вектор деятельности мировых посредников губернии. Профессиональная активность мировых посредников Орловской губернии смогла положить начало долгого процесса, столь ожидаемого самыми разными представителями общества: от прогрессивно мыслящих политических деятелей, до простых крепостных крестьян – процесса упразднения крепостной зависимости крестьян.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание II. Т.36. Отделение первое. №36660.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т.36. Отделение первое. № 36770.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т.38. Отделение первое. № 39915.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т.40. Отделение второе. № 42603.
5. Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т.1. С. 522-559.
6. Корибут-Дашкевич. Нелепые толки и надежды помещичьих крестьян // Русский архив. 1874. Кн. 2. Вып. № 8. С. 451-458.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291.
8. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 36. Оп. 1.
9. Красный архив. 1936. Т. 1 (74). С. 33-36.
10. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 541. Оп. 1.
11. *Безвестный П.* Из дневника мирового посредника 1861-1862 года // Русский вестник. 1863. Т. 46. Август. С. 794-820.
12. *Половцов А.А.* Дневник мирового посредника Александра Андреевича Половцова // Русская старина. 1914. Т. 159. Март. С. 642-649.
13. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883 годы). С семью приложениями. М., 2002. 475 с.
14. Вестник мировых учреждений (Мировой посредник). 1863. № 5.
15. *Корнилов А.А.* Деятельность мировых посредников // Великая реформа. М., 1911. Т.5. С. 237-252.
16. Орловские губернские ведомости. 1863. № 8. 23 февраля.
17. *Нарпенский В.* Отрывки из записок мирового посредника // Эпоха. 1864. Август. № 8. С.1-52.
18. Орловские губернские ведомости. 1863. № 5. 2 февраля.

Сведения об авторе:

Новикова Алина Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, alinovi@inbox.ru

ИМПЕРАТРИЦА ЦЫСИ И ЕЁ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В. - НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема политической роли императрицы Цыси в истории Китая, а так же её вмешательства в политику китайских императоров Тунчжи и Гуансюя. Используемые источники помогают реконструировать этапы биографии Цыси.

Ключевые слова: Китай, Цыси, Тунчжи, Гуансюй, регенство.

Demenkova A.D. Empress Cixi and her role in the political history of China in the last third of the XIX century - the beginning of the XX century.

Annotation: This article deals with the political role of Empress Cixi in the history of China, as well as its interference in the politics of the Chinese emperors Tungzhi and Guangxu. The sources used help to reconstruct the stages of the biography of Cixi.

Key words: China, Cixi, Tongzhi, Guangxu, regency.

Последняя треть XIX века была не спокойной для мировых держав: они боролись за колониальные владения, ресурсы, рынки сбыта, другие искали повод для нападения на своего соседа. Не лучшие времена переживало Поднебесная империя, так как её принудительно открывали другие страны. В этот период времени родилась будущая императрица Цыси (1835-1908 гг.). Девочке было решено дать имя Юй Ланьхуа («Нефритовая орхидея»). Она родилась в семье китайского мандарина Хой Чжэна и его жены Тун Цзя. У Юй Ланьхуа было трое братьев и сестра. Сама семья происходила из знатного маньчжурского рода Нара. С детства девочка умела талантливо петь, занималась каллиграфией и имела хороший вкус. [5 с.23] Когда Орхидея достигла совершеннолетия, умер её отец, оставив семью без денег. В то время набирали наложниц для императора Сяньфэня. Пройдя отбор, Цыси стала наложницей императора, однако её поселили в самое дальнее здание. Время она не теряла, занималась каллиграфией, живописью, посадила орхидеи четырёх сезонов. [5, с.35] Она привлекла внимания императора, когда он проезжал мимо Юаньминюань (Сады совершенной ясности), и переехала из дальнего здания ближе ко дворцу.

Став драгоценной наложницей, в 1856 г. Цыси родила наследника – будущего императора Тунчжи. Тогда «положение Цыси при дворе окончательно укрепилось и ее повысили сразу на два ранга.» [10, с.43] «Во время всевозможных аудиенций, совещаний или приемов Цыси нередко бывала рядом с Сяньфэном, и это научило ее разбираться в государственных делах». [10, с. 43-44] Источники свидетельствуют о том, что Сяньфэню не нравилась Цыси; у неё был «своенравный характер, властный, саркастический». Мало того, «она вела себя так, как будто будущее было абсолютно в её руках, и Сяньфэн был совершенно не в состоянии управлять ею». [11, с. 437]

В эти года продолжалось восстание тайпинов (1850 – 1864 гг.) и это позволило Цыси найти плацдарм для интриг, она взяла всё в свои руки, «государственные документы были представлены для ее смотра». [12, с.156] Это доказывает то, что первый этап политической карьеры Цыси начался во время правления Сяньфэня. После смерти императора в 1861 г. ей потребовалось устранить главного, на тот момент, соперника – Су Шуня, министра финансов. Тунчжи было 5 лет, и его регентом мог стать Су Шунь, а чтобы этого не допустить, Цыси включилась в борьбу. Благодаря мемуарам последнего китайского императора Пу И можно узнать подробности накалённой обстановки при дворе: «Восемь сановников, которые пеклись только о собственном благополучии, выполняя завещание, возвели Цзай Чуня на

престол, выбрали девиз его правления Цисян и захватили политическую власть в государстве в свои руки.». [2, с.18] После этих событий вдовствующей императрице было необходимо начать операцию по отстранению Су Шуня от власти. Она попросила главного евнуха – Ань Дэхая обсудить этот «вопрос» с князем Гуном и тот, приехав к императрицам попросил «не распугать змей»[4, с. 89], а через два дня был издан указ, повелевающий Су Шуню, Дуань Хуа и Цзай Юаню вместе с императрицами и князьями сопровождать гроб с прахом великого Сяньфэна в столицу, где их и арестовали. Су Шуня приговорили к отсечению головы, а остальным его сподвижникам даровали право самоубийства.[8, с. 297]. Таким образом, это был удачный заговор императрицы Цыси, которая получила право контроля над Тунчжи и возможность быть регентше.

Установленный факт, что император Тунчжи часто проводил время в публичных домах и политикой не занимался с полной отдачей. До совершеннолетия полномочия регентства

Императрица Цыси. (фото 1903 года)

взяли на себя вдовствующие императрицы Цыси и Цыань. Справедливо стоит отметить, что мать на сына имеет больше влияния. Пока он подрастает, можно заниматься политикой от его имени. Достигнув нужного возраста, Цыси делает политический ход, издавая указ о передаче бразд правления императору Тунчжи. Однако, и здесь императрица западного дворца продолжает «править из опущенной занавески». Новый этап интриг достиг своего пика, когда императору в жёны была выбрана Алутэ (дочь книжника Чун И). Вскоре после свадьбы случилась размолвка между Цыси и Алутэ; это породило новые противоречия – императрице нужно было действовать, чтобы убрать новую соперницу.

Став императрицей, Алутэ предъявила свои претензии на престол, с которыми не была готова смириться Цыси. Источники свидетельствуют о том, что был случай, когда Алутэ пожаловалась больному мужу на императрицу, после очередного скандала и вторая ворвалась в комнату, схватила Алутэ за волосы и стала ее избивать, тут же велел приготовить плети. [2, с. 22] Позже, когда император умер от оспы в 1875 г., императрица избавилась и от Алутэ, как от политической соперницы. Установленный факт, что Алутэ ждала появления на свет наследника, поэтому Цыси смогла решить сразу 2 проблемы со смертью невестки.

Следующая интрига была связана с возведением на престол племянника императрицы – Гуансюя. «... Цыси предпочитала реальную власть, поэтому она объявила своего племянника Цзай Тяня наследником не Тунчжи, а предшествующего императора [5, с.134], дала ему девиз правления Гуансюй (Продолжение блеска), сохранила за собой и Цыань титул Великих

императриц и продолжала „царствовать из-за опущенной занавески“. [10, с.99] Цыси осталось решить проблему с отстранением от власти вдовствующей императрицы Цыань, и для этого она послала ей отравленные лепёшки из риса. На политической арене Китая осталась только Цыси без оппозиции, без соперников, которая могла управлять «болезненным и малолетним» Гуансюем. Теперь мог быть единоличной марионеткой в руках Цыси.

Советский и российский историк С.Л. Тихвинский писал: «Цыси зорко следила за тем, чтобы в правительстве не вошел в силу кто-нибудь из маньчжурских князей или китайских сановников; едва она замечала, что растёт влияние того или иного из царедворцев и он может в дальнейшем чем-нибудь помешать ей в ее безграничном стремлении к власти, она тут же начинала готовить контрудар и всегда искусно добивалась устранения неугодного ей лица. Так, например, в 1884 году, во время франко-китайской войны, использовав в качестве предлога поражение китайского флота в устье реки Минь в провинции Фуцзянь, Цыси одним декретом отстранила от участия в верховном императорском совете его старейших членов — князя Гуна, Бао Юня, Ли Хунцао, главу военного приказа Цзинь Ляня и главу приказа Общественных работ Вэн Тунхэ. [6, с.175] Отсюда, можно сделать вывод, что императрица полноправно управляла страной, не смотря на то, что у него были только полномочия регентши. В 1889 году, когда Цзай Тяню исполнилось 19 лет, Цыси почувствовала, что «политическая опека» стала уже неудобна, и, объявив, что «удаляется от дел и передает правление», поручила Цзай Тяню «править лично». Фактически же она сохранила за собой право вмешиваться в административные вопросы и назначать и смещать крупных чиновников. Отличие «личного правления» от «политической опеки» состояло лишь в том, что теперь сначала император просматривал доклады, а после этого вновь испрашивались указания императрицы.

После японо-китайской войны стране были необходимы новые реформы. Это время «100 дней реформ». Император Гуансюй был настроен проводить изменения внутри страны, в отличие от Цыси, которая продолжала оказывать значительное влияние на политику. Источники описывают, что императрица «следила за успехами реформаторов как кошка за мышью». [10, с. 51] Партия консерваторов, образованная Цыси, была против реформ и получила поддержку России. Реформаторов же было меньше по численности и зарубежные страны их не поддержали. Из группировки реформаторов выделились другие группы, которые имели разные интересы и различные пути достижения цели. Знаменитая из них - группировка Вэн Тун-хэ. Итогом деятельности реформаторов стало то, что Цыси сделала всё, чтобы убрать Вэн Тун-хэ, изгнала из страны реформаторов, тем самым ослабляя партию императора. Переворот, задуманный Юань Шикаем, в ходе которого следует убить Жун Лу, провалился и это привело к заточению Гуансюя в 1898 г. [2, с. 31] В октябре 1899 года Жун Лу предложил императрице Цыси тайный план, предлагая ей «назначить преемника, который постепенно утвердился бы на троне». Таким образом, Цыси единолично назначила нового приемника императора - Пу И.

В 1898-1901 гг. Китай потрясло восстание ихэтуай, в котором главным образом лавировала Цыси. Порой, она шла на примирение с ихэтуаями, приказывая атаковать иностранные войска (так как иностранцы своими действиями вынуждали Цыси вернуть полноту власти Гуансюю), то шла на попятную иностранцам и потворствовала их военным действиям в сторону восставших. [8, с.487] Она пыталась предпринять репрессивные меры против «ихэтуаней» и была готова предоставить «иностранцам любые права с тем, чтобы добиться их расположения. Когда недовольство достигло пика, Цыси решила создать императорский эдикт о реформах 29 октября 1901 г., характер которых был между старым деспотизмом и порицанием новых методов управления, в том числе и народовластия. 4 февраля 1901 г., Цы-

си ввела «эдикт самоосуждения» в котором она обвиняла всех в неудачах, и показывала свое отношение к «новой политике» иностранцев. Цыси удалось снова восстановить свой авторитет, тем самым она могла вновь продолжать двойственную политику в отношении Китая и западных стран.

Вплоть до самой смерти императрица продолжала лавировать, выбирая более выгодную сторону международной политики. Её влияние на политическую жизнь Китая было большим: до самой смерти Гуансюя она взяла бразды правления в свои руки, а до этого – она управляла из-за опущенной занавески при своем сыне – императоре Тунчжи. Императрица к концу жизни единолично принимала решения, касаемо реформ, обстановке в стране и международных отношений, не обращая должного внимания на реформаторов или оппозицию. Последняя императрица распоряжалась судьбами своих подданных с позиции консерватизма, не давая развития своей стране. Такой была политическая роль вдовствующей императрицы Цыси.

Библиографический список

1. *Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: - Красный пролетарий, 1951. - 576 с.
2. *Пу И.* Первая половина моей жизни. – М.: Прогресс 1968. – 413 с.
3. *Семанов В.И.* Из жизни императрицы Цыси. – М.: Наука, 1985. – 172 с.
4. *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. – М.: Миринда, 2004. – 448 с.
5. *Сюй Сяотянь.* Сказание о тринадцати маньчжурских императорах. Изд. 5-е. Т.1–6. – Шанхай, 1949. – 238 с.
6. *Тихвинский С. Л.* Движение за реформы в Китае конца XIX века и Кан Ю-вэй. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 420 с.
7. *Тихвинский С. Л.* История Китая и современность. – М.: Наука, 1976. – 359 с.
8. *Фан Вень-лань.* Новая история Китая. Том I. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 599 с.
9. *Цзюн Чан.* Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. – М.: Центрполиграф, 2016. – 608 с.
10. *Юй Жунлин.* Заметки о цинском дворе. – Пекин, 1957. – 345 с.
11. *Blackhouse E. T. and Bland J.O.P.* Annals and Memoirs of the Court of Peking. Boston and New York, Houghton Mifflin company, 1914. – 530 с.
12. *P'an Tsu-yin.* Random Notes from the Chamber of the Cloudy Sea. В., НМС, 1927. – 212 с.
13. *Wen Ching.* The Chinese Crisis from within. London., X., 1901. – 151 с.

Сведения об авторе:

Деменкова Анастасия Дмитриевна, студентка 3 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.
ru_nasty00@mail.ru

Военная история

УДК 94(100)1939/1945

И.Г Ермолов

РОЛЬ УГОЛОВНИКОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.

Аннотация: статья посвящена практически неисследованному аспекту истории Великой Отечественной войны – участию и роли в ней уголовного элемента. В частности, рассмотрена роль уголовников в партизанском движении, теория и практика их использования в РККА, а также в коллаборационистских воинских формированиях. Показана разница между планами использования уголовников и практикой воплощения этих планов в той или иной сфере, а также, насколько эта практика оказалась удачной.

Ключевые слова: уголовники, партизаны, коллаборационисты, красноармейцы, РОА, НКВД, РККА, ВКП(б), республика «Россоно», рецидивисты, штрафные роты, ГУЛАГ.

Abstract: the article is devoted to the practically unexplored aspect of the history of the Great Patriotic war – participation and the role of the criminal element in it. In particular, the role of criminals in the guerrilla movement, the theory and practice of their use in the red army, as well as in the collaborationist military formations. The difference between the plans of using criminals and the practice of implementing these plans in a particular area, as well as how this practice has been successful.

Keywords: criminals, guerrillas, collaborators, soldiers, ROA, NKVD, red army, the Communist party)b) Republic "Rossano", the habitual criminals, the penal company, the GULAG.

Одним из практически неисследованных вопросов истории Великой Отечественной войны является роль в ней уголовного элемента.

Отечественные исследователи, а также мемуаристы освещали данную проблему односторонне. Не вдаваясь в сущность проблемы и масштабы данного явления, они упоминали уголовников лишь в двух аспектах: как пособников оккупантов и бойцов штрафных подразделений. Что касается первого, то есть участия уголовников в коллаборационистских процессах, их роль неоправданно преувеличивалась. Причем, в исследовательской литературе и мемуарах уголовникам-коллаборационистам, очевидно, из идеологических соображений, отводилась решающая роль. К примеру, партизанский командир В.И. Терещатов, упоминая о контингенте РОА, пишет: «Честные люди при первом удобном случае сразу переходили на нашу сторону. У Власова оставались служить лишь бывшие преступники, авантюристы и прочий сброд» [11, с. 216]. Согласно утверждениям А.Ю. Попова, как в органы гражданской полиции, так и в коллаборационистские воинские формирования рекрутировались преимущественно уголовники [8, с. 73]. Вопрос участия уголовников в советском партизанском движении данный автор полностью игнорирует. Такого же мнения придерживается бывший начальник Орловского НКВД К.Ф. Фирсанов [13, с.77]. Тверской историк А.В. Цветков утверждает, что на оккупированной территории Калининской области действовало несколько лжепартизанских отрядов, набранных преимущественно из уголовников [14, с.9-12].

Довольно интересным вопросом истории войны является участие и использование уголовников в партизанском движении. При этом следует разграничивать регулярных и так называемых «диких» партизан. Население нередко четко разделяло партизан на регулярных и «диких». Последние, также иногда называемые «зелеными», не имели связи ни с армейскими структурами, ни с органами НКВД и НКГБ. Действуя против оккупантов поодиночке или

мельчайшими группами, «дикие» доставляли оккупантам много проблем. В то же время бороться против них для немцев было весьма затруднительно. Так, «дикие» жили среди населения той или иной деревни, днем занимались обычным крестьянским трудом, а по ночам проводили диверсии. Есть данные о немногочисленных случаях сотрудничества этих партизан с регулярными отрядами и соединениями. Так, «дикие» выясняли все о немецких войсках в том или ином районе, передавая данные регулярным партизанам. Иногда «дикие» устраивались на службу в органы местного самоуправления, используя свое положение для сбора довольно точных сведений о противнике [10, с. 132].

В отличие от регулярных партизан, «дикие» наносили удары, что называется, из-за угла, четко организованных командных структур, равно как и подчиненности, у них не было. Германским спецслужбам выследить «диких» было довольно трудно.

По жестокости к немцам и их пособникам «дикие» значительно превосходили регулярных партизан, так как не были ограничены рамками строгой воинской дисциплины. Действия «диких» партизан в начале оккупации отличались особым коварством по отношению к отдельным немецким солдатам или полицейским. «Дикие» проводили диверсии и убивали немецких солдат с целью добычи продуктов, одежды, обуви, оружия и боеприпасов, то есть тех необходимых ресурсов, без которых невозможно было прожить в лесу. Засады они устраивали на глухих дорогах, крупных диверсий не проводили.

Ярким примером дикой партизанской борьбы является деятельность уголовника-одиночки Ивана Москаленко, оперировавшего на территории Красного сельсовета Себежского района Калининской области и известного под кличкой Ванька-бандит. Перед самой войной Москаленко был осужден за поножовщину в пьяной драке. После прихода немцев освобожден ими из тюрьмы. Однако вскоре оккупантам пришлось пожалеть об этом, так как Москаленко в одиночку развил борьбу, которая была под стать лишь хорошо организованному отряду. Так, он раздобыл оружие, натянув через дорогу стальную проволоку, не заметив которую немецкий мотоциклист срезал себе голову. Известен подвиг Ваньки-бандита по уничтожению в одиночку филиала немецкой разведшколы, находившейся в деревне Сутоки Красного сельсовета. Подойдя к зданию разведшколы ночью, Москаленко забросал его противотанковыми гранатами. Все, включая спавших курсантов, погибли. Вскоре немцы назначили за голову Москаленко награду в виде баснословной суммы денег. Погиб Ванька-бандит во время одной из своих операций, когда днем в форме начальника железнодорожной станции въезжал на тройке лошадей в деревню Сутоки, но нарвался на засаду. Завязалась перестрелка, в ходе которой раненому Москаленко удалось уйти в лес. Сам партизан, отстреливаясь, ушел в лес, затем ему удалось добраться до землянки на болотистом островке, где и умер от ран. Как отмечает В.И. Спириденков, труп Москаленко с пулеметом в руках нашел живший с ним в землянке мальчик [10, с. 132].

Что касается регулярных партизан, имеются данные об организации партизанских отрядов и бригад исключительно из уголовников. Очевидно, расчет советских органов строился на том, что привыкший вести преступный образ жизни уголовный контингент лагерей будет то же самое делать за линией фронта, нанося ущерб оккупантам. Так, военнопленный советский капитан Русанов на допросе рассказал о двух сформированных из заключенных и проходивших обучение в Москве «особых партизанских бригадах». В первую (бригада Чернова) непосредственно из лагерей набирались осужденные за различные преступления на сроки от 3 до 10 лет, которым было предложено «искупить свою вину» службой в партизанских отрядах. Всего было отобрано 90 человек. Их разместили в Чернышевских казармах, где блатной «сходняк» «открытым голосованием» избрал командиром бригады рецидивиста Чернова, в прошлом дважды осужденного за бандитизм, оба раза на 10 лет. Капитан Русанов

так описывает новоявленного «комбрига»: «Это человек огромного роста, с головы до ног в татуировке, типичный уголовник» [2, с. 413-414].

Некоторое время «особая партизанская бригада» Чернова пребывала в Москве в Чернышевских казармах, шокируя местных жителей регулярными пьянками, дебошами, заканчивавшимися, как правило, поножовщиной. Затем «бригаду» перебросили в немецкий тыл [2, с.414].

Вторая «особая партизанская бригада» под командованием матерого уголовника Грабмака также была сформирована из заключенных, включила 120 человек. По рассказу капитана Русанова, Грабмак – «в прошлом – взломщик касс, грабитель. В 1937 году был приговорен к расстрелу, но затем расстрел был заменен 10 годами лишения свободы. В мире уголовников известен под кличкой «Покоритель Шпицбергена» [2, с. 414].

«Бригада» Грабмака также прошла полуторамесячное обучение в Москве, после чего ее также перебросили за линию фронта.

Если верить капитану Русанову, перед переброской двух бригад в немецкий тыл был устроен прощальный вечер, на котором присутствовали Хрущев, Корниец, Гручуха, Пономаренко, Димитров, Ванда Василевская, Строкач и другие. В конце вечера пришли секретарь ЦК ВКП(б) и летчица, герой Советского Союза Гризодубова. Последняя, кстати, сказать, на самолетах своей эскадрильи занималась переброской обеих бригад через линию фронта [2, с.413-414].

Д.В. Верюгин также отмечает случаи формирования партизанских отрядов из уголовников: «Будущих партизан отбирали даже среди заключенных исправительно-трудовых лагерей НКВД, осужденных за незначительные воинские, должностные и другие бытовые преступления из числа бывших военнослужащих, оперативных работников НКВД, милиции, прокуратуры, лиц учреждений юстиции, членов ВКП(б), лагерной агентуры» [3, с. 19]. Не менее интересны данные О. Кулагина, согласно которым на территории Карело-Финской ССР и Севера России в партизанские отряды из лагерей набирались уголовники, осужденные практически за все виды преступлений, включая тяжкие: умышленное убийство, убийство в состоянии аффекта, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование, доведение до самоубийства. Партизанами становились и осужденные за такие преступления как злоупотребление властью, служебным положением, присвоение или растрата денег или ценностей, бесхозяйственность, кража, грабеж, покупка заведомо краденого и другие. Он же отмечает, что набор будущих партизан проводился не на добровольной основе, а по разнарядке 4-х отделов областных УНКВД, распорядившихся во всех лагерях отобрать кандидатов в партизанские отряды [7, с. 107-108].

Тот же исследователь отмечает, что привлечение в партизанские отряды уголовного элемента открыло для советских органов госбезопасности дополнительный источник вербовки агентуры. В частности, большинство кандидатов в партизаны из заключенных немедленно вербовалось органами НКВД в осведомители. При этом своеобразным экзаменом на «профпригодность» становилась деятельность по «освещению» завербованными лагерной жизни [7, с. 108-109].

Что касается последствий использования «социально близких элементов», они не всегда были такими, какими их хотелось бы видеть советскому руководству. Так, А. Гогун приводит анекдотичный пример разведгруппы Ф. Валиева, которая дважды успешно выполняла задания в немецком тылу, каждый раз благополучно возвращаясь. Но вот, на третий раз заместителем командира назначили некоего Олега Сербина, воентехника 2-го ранга, уроженца Днепропетровска 1906 года рождения, до войны имевшего 22 судимости и 16 побегов из мест заключения, осужденного в общей сложности на 168 лет и 8 месяцев. Вступая в партизаны, Сербин в собственноручно заполненной анкете описал свою «профессиональную деятельность» с 1924 по 1939 гг., указав специальность – «вор-рецидивист». Однако незадолго

до начала войны Сербин «отличился на трудовом фронте», был не только досрочно освобожден, но и в 1940 г. принят в ВКП(б). Будучи заброшен в составе группы Ф.Валиева 15 апреля 1943 г. на территорию Кировоградской области, Сербин сразу перешел к немцам, выдал всю группу, в результате она в полном составе 28 апреля была схвачена полицией [4, с.265-266].

В то же время нельзя пройти мимо фактов создания лжепартизанских отрядов, основной контингент которых как раз и составляли уголовники. Командующие тыловыми районами германских армий были заинтересованы в дискредитации советского партизанского движения в глазах местных жителей. Эту задачу удобнее всего было выполнить путем создания отрядов лжепартизан. Особую известность получил лжепартизанский отряд под командованием А. Мартыновского. Официальное название – Истребительное подразделение войск СС – «Восток» («Ваффен СС Ягд-фербанд «Ост»»). Одеты и вооружены лжепартизаны были так же, как и народные мстители, некоторые носили советские награды. Сам Мартыновский в прошлом судим, а костяк его отряда «состоял из бывших уголовников, осужденных советским судом за тяжкие преступления» [11, с. 267, 273]. Действия отряда против советских партизан отличались продуманностью и эффективностью. Пользуясь тем, что отличить лжепартизан от настоящих партизан было трудно, мартыновцы устраивали засады против народных мстителей, громили партизанские отряды, захватывая при этом военнопленных, а также вылавливали советских агентов, которых передавали немецкому командованию. Кроме борьбы с партизанами отряд терроризировал местное население, тем самым вызывая в народе озлобление против народных мстителей, минимизируя поддержку крестьянами партизанского движения. Попытки советских партизан бороться с мартыновцами были неэффективны, так как последние заранее распространяли ложные слухи о пути своего следования, а сами появлялись там, где их не ждали. Численность отряда составляла около 100 человек [12, л. 199].

Жестокость, царившая в отряде, проявлялась не только по отношению к партизанам и крестьянам, но и к самим же бойцам отряда. Так, Мартыновский и его заместитель И. Решетников, также ранее судимый, подвергали пыткам и казням тех, кто пытался перебежать к советским партизанам [14, с. 9].

Сохранилось следующее довольно откровенное свидетельство об отряде Мартыновского: «А это банда лжепартизан Мартыновского. Своих бандитов он поучал: «Рядитесь в любые одежды, принимайте любое обличие, втирайтесь в доверие к Богу или к дьяволу, но выявляйте спецгруппы (НКВД?), коммунистов. Жгите и убивайте. Убивайте и жгите. Мы волки, и наше дело рыскать по свету в поисках мяса». Бандиты Мартыновского начинали действовать от Луги и везде убивали ни в чем не повинных людей. Страшны рассказы об их злодеяниях. А 5 ноября 1943 года они вышли на след спецгруппы. Им удалось окружить группу Румянцева и разведчиков Кремнева и Дундукову. Румянцев и Кремнев были убиты в перестрелке, а раненая Нина Дундукова попала в их лапы. Последнюю пулю она пустила в Мартыновского, ранив его» [5, с. 54].

Известны случаи существования территориальных псевдогосударственных образований, созданных уголовниками. Последние, кстати сказать, составили основной костяк этих «мини-государств». В этой связи интересен факт существования в лесах между Идрицей и Россонами так называемой «Республики Россоно» (полное название – Свободная советская республика Россоно без немцев, Сталина и коммунистов»), созданной в 1941 г., включившей около двух десятков деревень, расположенный в глухой болотисто-лесной местности.

По замыслу создателей «республики», она должна была со временем расширяться, включив близлежащий райцентр Россоно (отсюда и название «республики»).

В «республике» был провозглашен демократический режим, в расположенные на ее территории подразделения входили дезертировавшие из армии красноармейцы, окруженцы, дезертиры из партизанских отрядов, полиции, бывшие каратели и уголовники. Врагами росоновцы объявили как немцев, так и советскую власть. Вооруженные силы «республики» включили 1 000 бойцов, которые претенциозно называли себя «армией».

В результате земельной реформы, проведенной росоновцами, каждая семья получила по 2,5 га земли, а продналог составил 20% урожая с нее. Трудовая повинность затронула всех жителей с 14-летнего возраста, каждый из которых был обязан отработать на общественных работах по два 6-часовых дня в неделю.

На демократической основе каждая деревня выбирала совет, входили в который депутаты по 1 чел. от 10 членов общины [1, д. 5-П]. В масштабе «республики» Советы возглавил некто ранее судимый Н. Либих, латыш по национальности, а исполнительную власть осуществлял также ранее судимый С. Грязнов, имевший за плечами 3 года лагерей [1, д. 5-П]. Интересно, что оба ранее служили в отряде Мартыновского.

Республика была практически уничтожена в результате проведенной немцами 15 февраля 1943 г. антипартизанской операции «Зимнее волшебство». От республики осталось лишь 7 дымящихся деревень, а из вооруженных сил – чуть больше 200 чел., погибли и основатели республики Либих и Грязнов [1, д. 5-П].

По имеющемуся в нашем распоряжении свидетельству участника партизанского движения Г.Т. Шныкова, в августе 1943 году оперативные группы НКВД ликвидировали остатки «республики», взорвав ее лесные лагеря, уничтожив и рассеяв по лесам ее «граждан».

Что касается использования уголовников в РККА, в частности, в штрафных частях и подразделениях, такие случаи имели место. В исследовательской и мемуарной литературе категорически отрицается факт службы уголовников в штрафных батальонах. Однако в штрафные роты уголовный элемент, в том числе лица, осужденные за тяжкие преступления, все же направлялся. Красноречиво об этом свидетельствует секретный приказ от 26 января 1944 г. № 0004/0073/006/23 сс за подписью заместителя народного комиссара обороны СССР маршал Советского Союза Василевского, народного комиссара внутренних дел СССР Л.Берии, народного комиссара юстиции СССР Н. Рычкова, прокурора СССР К.Горшенина «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию». В этом документе констатируется, что судебные органы в ряде случаев необоснованно применяют отсрочку исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию к лицам, осужденным не только за контрреволюционные преступления, но и за бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии. Тут же выражается озабоченность, что направленные в РККА уголовники имеют возможность дезертировать и снова совершать преступления. Ввиду этого с целью упорядочения практики передачи осужденных в действующую армию приказ запрещал судам и военным трибуналам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) к осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные выше преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии.

Что касается уголовников, осужденных за менее тяжкие преступления и не являющихся рецидивистами, приказ оставлял судебным органам право их направления в штрафные батальоны военных округов для последующей отправки их в штрафные части действующей армии вместе с копиями приговоров. При поступлении осужденных в штрафные части сроки

пребывания в них устанавливались командирами войсковых частей. К штрафникам-уголовникам приставлялись опытные кадровые офицеры РККА, а также сержанты и рядовые, способные поддерживать строгую дисциплину по пути следования на фронт [1, д. 5-П].

Несомненный интерес представляют и неудавшиеся попытки коллаборационистов использовать огромную армию уголовников из советских лагерей для восстания в советском тылу.

Так, комбриг РККА И.Г. Бессонов, встретивший войну начальником штаба 102-й дивизии РККА, а позже ставший ее командиром, попав в плен и находясь в лагере Хаммельсбурга (Бавария), выступил с инициативой создания Политического центра борьбы с большевизмом (ПЦБ). Это нашло отклик у немецких спецслужб, в частности, организации «Цеппелин», и Бессонов был переведён в Хаммельбургский спецлагерь для советских офицеров, представлявших интерес для германского командования. Здесь был создан так называемый «военно-исторический кабинет», включивший офицеров довольно большого ранга, в задачу которых входило составление справки для немецкой разведки по состоянию советской экономики, армии, промышленности. Бессонов также принял участие в этом мероприятии. В ходе этой работы Бессонов предложил немецкому командованию сформировать на базе центра несколько десантных штурмовых отрядов для заброски в сплошное расположение советских исправительно-трудовых лагерей [15, с. 56].

Как показал позже бывший замначальника штаба 6-й армии полковник РККА, генерал-майор РОА М.А.Меандров, с его участием был составлен план подготовки и высадки крупных авиационных десантов на севере СССР в районе Северной Двины и Оби [6, с.140-141]. Сам М.А.Меандров проходил как руководитель одной из диверсионных групп [6, с.111]. На десантников возлагалась задача ликвидировать охрану лагерей и поднять заключенных на восстание.

Для проведения десанта на ГУЛАГ было подготовлено в общей сложности 150 офицеров и около 100 солдат [6, с.141]. Так, к лету 1943 г. две десантно-штурмовые группы включали по 50-55 чел., группу радистов в 20-25 чел. и женскую группу численностью в 20 чел. Последнюю набрали из врачей и медсестер женского лагеря военнопленных в Бреслау [6, с.141]. Помимо оружия десантников снабдили агитационной литературой, в том числе плакатами, листовками, газетами «Путь сибиряка», брошюрами «Что делать», «СССР и мировая революция». Согласно плану операции, восстание освобожденных заключенных планировалось развернуть от Северной Двины до Енисея, от крайнего Севера до Транссибирской магистрали. Отряды десантников должны будут составить костяк будущих воинских частей, которые, по мере освобождения заключенных из лагерей, будут расти, двигаясь при этом в южном направлении. Численность повстанцев предполагалось довести до 50 тыс. человек. Затем они должны овладеть промышленными центрами Урала, вывести из строя Транссибирскую магистраль, тем самым лишить СССР уральской стратегической базы. Район действия десантников был разделен на три оперативные зоны: правобережный район среднего течения Северной Двины, район р. Печоры и район Енисея [6, с. 141]. Примечательно, что ставка в предстоящей операции делалась не столько на политических заключенных, которых в лагерях было меньшинство, а на преобладавший там уголовный контингент.

Однако немецкое командование не посчитало нужным реализовать план Бессонова-Меандровна. В результате попытка развернуть повстанческое движение среди освобожденных лагерников осталась лишь в теории.

Трудно сказать, верил ли сам Бессонов в успех своей затеи. Однако можно с уверенностью предположить, что даже получив поддержку немцев, он вряд ли смог бы развернуть широкое повстанческое движение в среде уголовников. Прежде всего, потому что политизировать уголовный элемент, придать движению какую-либо идейную окраску было вряд ли

возможно хотя бы по той причине, что уголовники отвергают служение любой власти в принципе. К тому же Бессонов в их глазах был прежде всего бывшим коммунистом, сотрудником правоохранительных органов, а сотрудничество с таковыми для уголовников невозможно по определению. Самое большее, на что мог бы рассчитывать Бессонов, это создание нескольких банд из уголовников, которые, оказавшись на свободе, занялись бы привычным для них делом – грабежом местного населения, будучи не подконтрольны никому.

Как бы подтверждением этому служат две неудачные попытки Бессонова. Так 2 июня 1943 г. он выбросил на территорию Коми АССР 12 уголовников-десантников, одетых в форму НКВД. А уже 9 июня группа была разгромлена: двое убито, 9 человек сдались в плен. В декабре 1943 г. под Сыктывкарком был выброшен второй десант численностью в 40 человек, но на связь не вышел. Вероятно, оказавшиеся на воле уголовники просто-напросто разбежались [15, с. 56-57].

Интересно и то, что по данным НКВД в течение 1941 - 1944 гг. в лагерях вскрыто и ликвидировано 603 повстанческих организации и группы, активными участниками которых являлись 4640 человек [9, с. 59]. Заключёнными действительно были созданы подпольные организации, ждущие немцев типа «Железная гвардия», «Русское общество мщения большевикам». Однако основная часть этих «повстанческих» групп были обычными бандами уголовников, желающими просто сбежать из лагеря, так как с продвижением немцев вглубь СССР среди заключённых стали ходить слухи, что при приближении немецких войск и невозможности эвакуировать лагерь заключённых попросту расстреливают [9, с. 59].

Таким образом, участие уголовников в Великой Отечественной войне имело место, причем, как в партизанском движении и в рядах РККА, так и в коллаборационистском движении и, отчасти, в антисоветском подполье. Оценить должным образом масштабы участия уголовников в военных событиях вряд ли возможно, так как статистическими данными мы на современном этапе не располагаем ввиду их засекреченности. Однако с уверенностью можно утверждать, что эти масштабы не оказали сколько-нибудь значительного влияния на ход войны, в частности, не изменили характер партизанского движения, не привели к повстанческой деятельности в советском тылу.

Библиографический список

1. Архив РОА (Москва). Ф. 1. Д. 5-П. (Без нумерации листов).
2. Білас І. Репресивно-карательна система в Україні. 1917-1953. – В 2-х кн. – Кн. 2. – Киев, 1994. – С. 413-414.
3. Верютин Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Дисс. к. и. н. Курск, 2002. С. 19.
4. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 265-266.
5. Каров Д. Партизанское движение в СССР 1941-45 гг. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры в СССР, 1954. – С. 54.
6. Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков: Прогресс, 1992. С. 111, 140-141.
7. Кулагин О. И. «Чужие» среди своих (бывшие заключенные ГУЛАГа в партизанских отрядах Карельского фронта 1941–1944 гг.) // Свое и чужое в культуре народов европейского Севера. Материалы 6-й международной научной конференции. Петрозаводск, 2007. С. 107-109.
8. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 73.
9. Сидоров А. Мюнхгаузен «в законе»: история одного предательства // Индекс/Досье на цензуру. 2007. № 27 С. 59.
10. Спириденков В.И. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941-1944. М.: Центрполиграф, 2009. С. 132.

11. *Терещатов В.И.* 900 дней в тылу врага. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 216, 267, 273.
12. ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 199.
13. *Фирсанов К.Ф.* Как ковалась победа Незримого фронта солдаты: сб. статей / сост. В.Ф. Борисов. – Тула, 1971. – С. 77.
14. *Цветков А.В.* Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки из истории. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 9-12.
15. *Чуев С.* Проклятые солдаты. - М.: Вече, 2004 г. С. 56-57.

Сведения об авторе

Ермолов Игорь Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Московской семинарии евангельских христиан, jermolov@mail.ru

УДК 94(569.1)

М.Ю. Мисник

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИРИИ И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация: Данная статья посвящена курдскому вопросу в Сирии, одному из острых и ключевых на Ближнем Востоке. Рассматривается проблема взаимодействия сирийских курдов и мирового сообщества по вопросу обретения первыми статуса независимого государства. Оценивается роль курдов в Гражданской войне в Сирии и значение войны, как средства достижения целей сирийских курдов. Анализируется степень влияния Турции в вопросе создания единого курдского государства и современное состояние турецко-курдского конфликта.

Ключевые слова: Курдистан, Гражданская война, курдский вопрос, Рожава, Сирия, кризис власти и политическая смута.

Misnik M. Yu. Civil war in Syria and the Kurdish problem

Abstract: This article is devoted to the Kurdish issue in Syria that is one of the most keen and crucial in the Middle East. The problem of interaction between the Syrian Kurds and the world community on the issue of gaining the status of an independent state is considered. The role of the Kurds in the Civil war in Syria and the importance of the war as a means of achieving the goals of the Syrian Kurds are evaluated. The author analyzes the degree of Turkish influence on the creation of a unified Kurdish state and the current condition of the Turkish-Kurdish conflict.

Key words: Kurdistan, Civil war, Kurdish question, Rojhava, Syria, crisis of the government and political trouble.

Курдский вопрос является одним из ключевых моментов в событиях, происходящих на Ближнем Востоке, в т.ч. и в Сирии. Гражданская война в Сирии и война против Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) придала Курдской проблеме совершенно иной импульс.

Курды – это крупнейший ираноязычный народ, конгломерат различных племен, который традиционно проживает в смежных территориях четырех стран. Исторический Курдистан – это юго-восточная Турции (Северный Курдистан), северный Ирака (Южный Курдистан), северная Сирии (Западный Курдистан), и крайний запада Ирана (Восточный Курдистан). Стоит сказать, что курдские общины имеются в странах Западной Европы, в первую очередь в Германии, а также в России и Закавказье, куда они бежали от притеснений в своих странах. Общая численность курдов по разным оценкам от 30 до 40 млн/ чел/ [2, 96].

Курды не имеют собственной государственности. Первой мировой войны Севрский договор 1920 года между Антантой и Турцией предусматривал создание независимого Курдистана, но после побед Ататюрка Лозанский договор 1923 года отменил это решение. Курды оказались разделенными государственными границами вновь образованных государств: Турции, Ирака и Сирии [5]. В Турции Ататюрк и его последователи проводили националистическую политику пантюркизма, не признавая национальной самобытности курдов, не разрешая преподавания курдского языка и его использования в печати, на радио и телевидении [2, 129]. Согласно турецким законам нет такого народа как курды, а есть горные турки. Аналогичную националистическую политику против курдов проводила партия БААС как в Сирии, так и в Ираке. С середины XX века в национальных регионах Сирии предпринимались попытки создать политические образования для борьбы с дискриминацией. Основанная в 2003 году партия Демократический союз стала воплощением идеи курдских освободительных движений в Сирии. В настоящее время во всех этих странах курды ведут борьбу за автономию – борьба за создание единого независимого Курдистана осталась в прошлом.

Сегодня, свыше 2,5 млн курдского этноса проживают в Сирии, где представляют собой одно из основных национальных меньшинств (около 9% населения страны). Они разговаривают между собой на курдском диалекте курманджи, языком их межнационального общения

(он же государственный) является арабский. Из общей площади исторического (этнического) Курдистана (около 408.000 кв. км) на долю Сирийского или Западного Курдистана приходится 18.000 кв. км. Сирийский Курдистан обладает богатыми природными ресурсами и крупным сельскохозяйственным потенциалом. Там имеются наиболее значительные нефтяные месторождения страны (самое крупное – Румейлан) и водные ресурсы. Одним из крупнейших районов расселения курдов в Сирии является долина р.Евфрат (Джераблус и Айн Аль-Араб).

Какова же роль курдов в гражданской войне в Сирии? Сирийский кризис стал катализатором объединения народа для организации самообороны. Разгар политического кризиса приходится на март 2011 года, когда по всей стране вспыхнули акции протеста среди гражданского населения. Ситуация вышла из под контроля, власть не могла обеспечить безопасность: что способствовало беспрепятственному проникновению террористов в северную Сирию. По инициативе Демократического союза был создан Высший Курдский Совет, предназначенный для урегулирования политических проблем в Сирийском Курдистане. Для защиты населенных пунктов с июля 2011 года были образованы Отряды народной самообороны [8]. Политическая борьба в Сирии начала перерастать в борьбу за власть, и безопасность населения перестала быть приоритетом правительства и мирового сообщества.

В связи с нарастающей угрозой насилия на территории Сирийского Курдистана, а также в связи с бездействием и несостоятельностью правительственных войск отряды самообороны впервые берут под свою защиту ряд городов, осложнив переброску вооруженных групп джихадистов. Для управления регионом курды создали Курдский верховный комитет.

Мировое сообщество инициировало ряд международных конференций по Сирии, на протяжении всего периода межсирийских переговоров Турция выступала против включения курдов в любые политические процессы урегулирования. К первой конференции (Женева-1), которая состоялась 30 июня 2012 года, Рожавой были подготовлены проекты по решению сирийского кризиса, но представители Сирийского Курдистана не были приглашены на заседание по официальной формулировке: из-за возражений Турции [8]. Не дожидаясь итогов съезда, курдские отряды расширили контролируемую территорию и стали живой стеной между террористами и мирным населением. В состав второй международной конференции по Сирии – «Женева-2» (11 января 2014 года) представители сирийского Курдистана вновь не были включены, Россия и выступала за участие курдов в межсирийских переговорах. На конференции в Москве сопредседатель курдской партии «Демократический союз» Асия Абдалла заявила: «Если приглашение будет, мы примем участие. Если приглашения не будет, мы продолжим строить свою систему дальше, но не будем обязаны исполнять решения, которые будут приниматься без нас» [1]. На очередных межсирийских переговорах (Женева-3) курдов не было в списке участников. Параллельно с проведением переговоров Женева-3 в марте 2016 года в городе Румелан (провинция Хасеке) состоялась конференция, на которой было объявлено о создании Федерации Северной Сирии (неофициально Рожавы), состоящей из трёх кантонов: Джезира, Евфрат (Кобани) и Африн. Джезира – самый большой из них, Евфрат – второй по величине, а Африн – самый маленький. Столицей федерации стал город Эль-Камышлы на самой границе с Турцией. Это стало ответным шагом на упорное игнорирование курдских проектов урегулирования кризиса.

Турция не упускает любую возможность изолировать курдов от решения кризиса. В конце 2016 – начале 2017 гг. турецкая армия провела операцию «Щит Евфрата», заняв часть западного берега Евфрата и отрезав Африн от основной территории Рожавы. [3] Удары по позициям курдов со стороны ВС Турции подтверждают, что целью вторжения Турции явля-

ется стремление препятствовать достижениям курдов, а не борьба с ИГИЛ, как было объявлено [6, 16].

Сирийские курды на протяжении гражданской войны сохраняли строгий нейтралитет по отношению к властям Сирии и вели эффективную борьбу против терроризма, требуя лишь гарантий своих прав в новой конституции Сирии. Но до сих пор ни сирийское правительство, ни представители оппозиции не пригласили курдов за стол переговоров и не сделали каких-либо официальных заявлений в отношении их законных требований.

На переговорах в Астане в начале 2017 года курды в очередной раз не были включены в состав участников, но они нашли поддержку со стороны России и США, что доказывает состоятельность курдских сил [7]. Представительства Рожавы были открыты в России, Германии, Франции, Норвегии, Нидерландах, Швеции, что стало прорывом системы Федерации Северной Сирии в сфере внешней политики.

Опираясь на собственные резервы, курдские движения продемонстрировали политическую и боевую силу в освободительной борьбе против боевиков ИГ и эффективность самоуправления, открывает долгожданную перспективу к пересмотру курдского статуса в мононациональных государствах. Для правительства Турции, решение курдского вопроса на Ближнем Востоке невыгодно и может обернуться окончательной потерей контроля над курдскими регионами, поскольку курдское сообщество должно будет стать признанным и равноправным [2, 127].

В официальном заявлении Демократических сил Сирии говорится: «Мы, курдские, арабские, туркменские и ассирийские силы из Сирии под флагом сирийских демократических сил заявляем, что не являемся частью РПК, как утверждают некоторые страны. Мы – неотъемлемая часть сирийской земли и народа. Мы жертвуем свои жизни и проливаем свою кровь, чтобы освободить наш народ от террористической организации ДАИШ. Мы заявляем, что будем продолжать бороться до победного конца, чтобы защитить наш сирийский народ. Мы также будем продолжать работать с глобальной коалицией по борьбе с терроризмом, чтобы устранить общую угрозу и защитить цивилизованный мир и человеческие ценности»[4].

Гражданская война в Сирии стала переломным моментом в истории курдов и позволила им заявить о себе. Непризнанный народ первым восстал против деятельности ИГ, при этом по-прежнему оставаясь целью дискриминационной политики. На протяжении всех лет войны мировое сообщество пытается найти выход из сирийского кризиса, призывая стороны конфликта к мирному урегулированию. Кризис власти и политическая смута привели к тому, что гражданское население было вынуждено перейти к самообороне, оказавшись без поддержки государства, лицом к лицу с террористическими группировками. Курдскому движению удалось объединить внутренние резервы регионов для освобождения территорий и стать живым щитом в войне. Судить о перспективах укрепления Рожавы на политической арене Сирии сложно. Но факт остается фактом, сложившаяся ситуация позволила курдам стать политическим игроком продемонстрировать свою самостоятельность.

Библиографический список:

1. Асия Абдалла: Сирия сохранит единство при федеративном устройстве. URL: <http://kurdistan.today/asiya-abdalla-siriya-soxranit-edinstvo-pri-federativnom-ustrojstve/23530/>.
2. Багдасаров С. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: Эксмо, 2016. 288 с.
3. Вершинина Н.В. Курдская проблема в современной Турции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kurdsкая-problema-v-sovremennoy-turtsii>.
4. Демократические силы Сирии отrekliсь от РПК URL: <http://riataza.com/2017/01/10/demokraticheskie-silyi-sirii-otrekli-ot-rpk/>.

5. Курды и курдский вопрос. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/kurdy-i-kurdskiy-vopros>.
6. Манукян Т. Курдский фактор в турецко-сирийских отношениях и инструментализация Рабочей партии Курдистана // Состояние и тенденции развития ситуации на Ближнем Востоке. М.: РИСИС, 2013. С.14-19.
7. Наумкин В. Россия и курдский фактор. URL: http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/rossiya-i-kurdskiy-faktor/?sphrase_id=13432288.
8. Сирийский кризис и курдский фактор. URL: <http://svom.info/entry/774-sirijskij-krizis-i-kurdskiy-faktor/>.

Сведения об авторе

Мисник Мария Юрьевна – старший лаборант кафедры Отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, misnik-marija@rambler.ru

ПОЛЕ КУЛИКОВО: НАЙТИ МЕСТО БИТВЫ

Аннотация: В статье на основе исторических свидетельств изучается локализация поля Куликова, где произошла битва армий Дмитрия и Мамай в 1380 году. Комплексное изучение географических объектов позволяет соотнести их с реальным местоположением. Объяснены все топонимы и гидронимы, встречающиеся в древнерусских источниках. Исследование позволяет сделать вывод, что сражение произошло на левом берегу Непрядвы у Дона.

Ключевые слова: Русь, Мамай, Дон, Непрядва, поле Куликово.

Fedchenko O. D. Pole Kulikovo: find the place of battle.

Abstract: In the article, on the basis of historical evidence, the localization of the Kulikov field is studied, where the battle of the armies of Dmitry and Mamai took place in 1380. A comprehensive study of geographical objects allows you to correlate them with the actual location. The study suggests that the battle took place on the left bank of Nepryadva near the Don.

Keywords: Rus, Mamai, Don, Nepryadva, pole Kulikovo.

Даже, казалось бы, известные и изученные исторические события продолжают будоражить умы исследователей. Одной из таких тем стала Куликовская битва. В противовес «классической» версии историки стали выдвигать новые интерпретации средневековых свидетельств. Распространенному варианту, что битва произошла на правом берегу у устья Непрядвы, противопоставляются два похожих суждения – сражение было на левом берегу Непрядвы у истока (С.Н.Азбелев) или у устья, в том числе по обоим берегам (К.П. Флоренский, В.А.Кучкин). Попробуем самостоятельно разобраться в ситуации тех лет, описанной в средневековых источниках. Основные свидетельства противостояния русских и татарских воинов изложены в древнерусских текстах - «Краткая летописная повесть», «Пространная летописная повесть», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», Никоновская летопись и других.

1. Первоначальное расположение сил

Главные силы Дмитрия перед выходом собрались в Коломне: «...И, соединившись со всеми князьями русскими и со всеми силами, вскоре выступил против них из Москвы, чтобы защитить свою отчину. И пришел в Коломну, собрал воинов своих сто тысяч и сто, помимо князей и воевод местных...» [19, с. 141]. Перед этим Дмитрий «повелел своим лучшим и опытным воинам на Тихой Сосне сторожевую службу нести со всяким усердием, и ехать к Орде, и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения царя» [19, с. 154].

Мамай и Ягайло шли навстречу друг к другу для объединения. Половцы кочевали с юга: «...перешел он (Мамай) великую реку Волгу со всеми силами, и другие многие орды к великому воинству своему присоединил... И дошел уже до устья реки Воронежа» [19, с. 150]. Ягайло направлялся через верховье Оки, затем по реке Угре через город Одоев к реке Упе.

2. Движение русских войск

Из Коломны войска Дмитрия двинулись на юго-запад к устью Лопасны: «И вышел из Коломны в великом множестве против безбожных татар месяца августа двадцатого дня... И, пройдя свою отчину и великое свое княжение, встал у Оки в устье Лопасни, перехватывая вести от поганых. Сюда же приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич, и все остальное войско, которое оставалось в Москве. И начали переправляться через Оку... И, переехав за реку, вступили в землю Рязанскую...» [19, с. 142].

Казалось бы, русские делают лишний крюк на пути к Мамаю. Однако, можно предположить, что таким ходом Дмитрий попытался приостановить продвижение Ягайло. Направляясь к нему наперерез, русские показывали готовность сразиться в первую очередь с литовцами. Ягайло дрогнул и остановился, понимая, что силы неравны: «Князь же Ольгерд Литов-

ский (Ягайло), в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много, и варягов, и жмуди и пошел на помощь Мамаю. И пришел к городу Одоеву, но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов, да пошел к Дону против царя Мамаю, — прослышав также, что Олег испугался, — и стал тут с тех пор недвижимо, и понял тщетность своих помыслов...» [19, с. 160].

Русские войска переходят Оку и направляются на юго-восток, держа под контролем предполагаемый маршрут Ягайло, который вынужден оставаться в глубоком тылу, не рискуя сближаться с противником. Дмитрий выиграл необходимое время для «свидания» с Мамаем, к которому союзник так и не успел: войска Ягайлы «не успели немного к сроку, на один день, а то и меньше» [19, с. 146].

3. Донской маршрут

Русские вышли к району современного Новомосковска, достигли верховья Дона, где к ним присоединились братья-литовцы: «Князь же великий подошел к реке Дону за два дня до Рождества святой Богородицы» [19, с. 143]; «(князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи) достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, и тут соединились» [19, с. 161]. Кстати, второй фрагмент может указывать, что братья знали маршрут Дмитрия и вышли в назначенный пункт, т. е. план действий русских князьям-союзникам был известен изначально. К тому же, оказавшись в местечке Березуй, русские отрезали от Мамаю «лукавого» Олега Рязанского.

Возникла дилемма: идти по левому или по правому берегу. Во втором варианте – выходишь прямо на Мамаю, но правый фланг дружины находится в опасности, поскольку может быть атакован передовыми отрядами Ягайло. Движение по левому берегу защищает войска от любых неожиданностей, хотя и создает некоторые трудности с переправой, однако, которую Дмитрий вновь превратил в выгоду.

Выбрали путь через Березуй, где, вероятно, кроме братьев-литовцев примкнули дружины, шедшие из Коломны напрямую и верные Дмитрию рязанцы. Учитывая, что до Дона (но не до переправы) было 23 поприща, Березуй можно локализовать в районе поселения Березовка (МО Новомосковск, ранее там же имелся овраг Березовый). В тех местах встречаем несколько населенных пунктов Кукуй, название которого может косвенно указывать на аналогичную словообразовательную модель – Березуй. Двигаясь через Березуй, русские войска на пути к Дону по левому берегу минуют болотистые массивы у истока Дона – Иван-озеро, Бело-озеро, Кривозерье.

Здесь же отметим, что дискуссия в «генштабе» относительно: переправляться или не переправляться через Дон, скорее, была выяснением мнений воевод и доведение до них решения высшего руководства: «...пришли к Дону, и стали тут, и долго совещались. Одни говорили: «Пойди, князь, за Дон». А другие возражали: «Не ходи, так как слишком умножились враги наши...» [19, с. 143].

План был разработан изначально и, оставаясь на левом берегу Дона, русские допускали бы соединение сил союзников и теряли шансы на победу.

4. Переправа

Русские подошли к Дону недалеко от устья Непрядвы: «Князь перешел за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы...» [19, с. 144].

Представляется, что в данном случае оборот «на устье» имеет значение «предел движения» (предлог *на* с вопросом *куда?*) [20, т. 2, с. 44], т. е. войска дошли *до* устья, оставаясь на левом берегу Непрядвы (устье – как граница, предел, рубеж).

Такое положение продиктовано и сложившейся обстановкой - переправляться Дмитрий мог на левый берег Непрядвы, которая прикрывала войско от неожиданной атаки противника, поскольку Мамай был уже поблизости. Так, во время переправы «разведчики поторапливают, ибо уже близко поганые и все приближаются» [19, с. 162]. Кроме того, еще ранее, 5 сентября, «язык» рассказал, что половцы через три дня должны были быть на Дону: «Уже царь (Мамай) на Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского да Олега Рязанского; согласно сведениям, полученным от Олега, о твоих сборах царь не ведает и встречи с тобою не ожидает; через три же дня должен быть на Дону» [19, с. 162].

Между тем, во время переправы передовые отряды уже вошли в соприкосновение: «...в шестом часу дня примчался Семен Мелик с дружиной своею, а за ним гналось множество татар; нагло гнались почти до нашего войска, но, лишь только русских увидели, возвратились быстро к царю и сообщили ему, что князья русские изготвили к бою у Дона... Семен же Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай-царь на Гусин брод пришел, и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы. Тебе же, государю великому князю, следует сейчас изготвиться, чтоб не застали врасплох поганые» [19, с. 163].

Как отмечал А. Н. Нарцов, условиям Кузьминой гати, где располагался Мамай, отвечает географический объект на реке Красивая Меча в 20 верстах от Лебедяни и в 30 верстах от поля Куликова (рассматриваемого на правом берегу Непрядвы) [6, с. 175].

Перейдя Кузьмину гать, Мамай мог двигаться по левой стороне от Красивой Мечи, которая, кстати, защищала его левый фланг от неожиданных наскоков неприятеля, в направлении района современных Тула-Новомосковск с выходом на Муравский шлях и соединения с Ягайло. Тогда Гусин брод мог располагаться, как предположил историк-географ А. К. Зайцев, на реке Турдей недалеко от Непрядвы. При впадении речушки Гусиная лапа (ранее – Гусиный лапок) до сих пор имеется легко проходимый брод [2].

Здесь вновь отметим, в сложившейся расстановке противников наиболее безопасной для русских полков была переправа на левый берег Непрядвы. В данном случае войско было защищено от внезапного нападения передовых отрядов врага рекой. Тогда как высадка на правый берег сопряжена с опасностью быть атакованными мамаевскими частями (такую операцию применили русские годом раньше на Воже).

5. Перед сражением

Вечером перед битвой Дмитрий призвал воинов быть готовыми вступить в бой, «ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве, у поля Куликова изготвили к бою, и утром нам с ними пить общую чашу» [19, с. 164].

Еще один ориентир появляется при упоминании о ночном дозоре: «В ту же ночь великий князь поставил некоего мужа, по имени Фома Кацибей, разбойника, за его мужество стражем на реке на Чурове для крепкой охраны от поганых» [19, с.165]. Упомянутый гидроним Чурова может соответствовать реке Сури (Буйчик), левый приток Непрядвы. Кроме вариативности корня сур-/чур-, не последнюю роль для летописца сыграло созвучие гидронима с древнерусским словом *чурь* – граница, предел, что подразумевало защитную черту для расположения русского лагеря. Такая диспозиция подтверждается и источниками, которые не указывают, что дружина отдалялась бы от устья Непрядвы. Видимо, Дмитрий опасался, что бросок вперед мог обернуться неподготовленным столкновением с находящимися у Непрядвы татарами.

Здесь же заметим, что село Буйцы, раскинувшееся по левую сторону устья реки Буйчика (Сури), впадающей в Непрядву, носило название Куликово [4, с. 55]. Интересные архивные данные приводит В. А. Кучкин: в составленной в 1627-1630 гг. писцовой книге Елифанского уезда упоминаются жеребеи пустоши Буйцы, Куликово поле тож, на речке на Непрядве, другой жеребеи этой же пустоши был расположен на речке на Непрядве и на речке на Буйце [10, с. 50].

В рассматриваемом контексте становится понятным и выражение, упомянутое в «Задонщине»: «У Дону стоят татарове погание. Мамай царь, на реке на Мечи, между Чюровым и Михайловым, хотят брести и живот свой предати нашей славе» [19, с. 132]. Топоним Суры находим по левую сторону Уперты недалеко от ее устья (на рис. 2 в верхнем левом углу), а Михайловский – на берегу Непрядвы недалеко от устья Буйчика. Между ними – Воловское плато, в районе которого и остановился Мамай.

Интересным моментом представляется выход Дмитрия с Волынцем в поле между двумя армиями. Дело происходило уже после всех приготовлений, как отмечает летописец, глубокой ночью: «И повернулся он к войску русскому — и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» — тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается...» И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения, только Бога призывай и не оскудевай верою!» [19, с. 164].

Очевидно, что на стороне русских полков начинала заниматься утренняя заря, которая и нашла отражение в метафоре автора «Сказания» (помним пушкинское из «Полтавы»: «Горит восток зарею новой...»). Можно обратить внимание, что именно *заря* употребляется в сочетании с глаголами восходить, вставать и подниматься [12, с. 959]. В таком случае, очевидно, что дружина была к востоку спиной, тогда Мамай – на западной стороне, поэтому «с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма» [19, с. 164], т. е. там был лесной массив, который и можно видеть на рис. 6.

Кроме того, безусловно, заря выступает, как символ нового начала для русского государства. Возможно, что опытный Волынец преднамеренно, зная о приближающемся рассвете, предложил Дмитрию «увидеть» отблески зари, чтобы укрепить его в вере и твердости перед сражением.

Здесь же может привлечь наше внимание еще один сюжет из «Сказания»: «Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка багряным знаменем, на котором вышит образ владыки господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: "О владыка-вседержитель!.." Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами...» [19, с. 163-164]. Возможно, в данной ситуации мы видим древний христианский обычай обращаться с молитвой лицом к востоку, на стороне которого и стоят русские полки.

В предлагаемый вариант укладывается и свидетельство, что «по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут» [19, с. 164]. Непрядва остается в стороне, протекая от татар к русским, поэтому обстановка на ней заслужила отдельного упоминания. Таким образом, мы видим противоречие с «классической» схемой расстановкой сил (рис. 4), в которой Непрядва оказывается за спиной русской рати, хотя там «была тишина великая» [19, с. 164]. В действительности войска Дмитрия стояли спиной к Дону, потому он и не был упомянут в «ночной» обстановке, увиденной и услышанной великим князем (хотя по свидетельству половцев, «князи русские оплчичася при Дону» [19, с. 38]).

Отметим и еще одно свидетельство древнерусских текстов. Описывая поле Куликово, в «Сказании» читаем, «то поле велико и чисто и отлог велик имеа на усть реки Непрядвы» [19, с. 62]. Слово «отлог», или «отлогий», имеет значение «некрутой, покатый» [20, т. 3, с. 112]. Тогда дословно оборот может звучать – некрутой велик, т. е. очень покатый берег. «В этом месте Непрядва сливается с Доном и образует широкую ассиметричную долину: правый ее берег крутой с выходами известняков девона, левый – пологий с комплексом речных террас. Пойма на левом берегу достигает ширины 300 метров», - такой Непрядву увидел Н. А. Хотинский летом 1981 года в составе группы археологов и географов [23, с. 39]. Кроме того, исследователь пояснил, что «рельеф Поля во время битвы был примерно таким, как и те-

перь» [23, с. 30]. Тогда можно сделать очевидный вывод, что сражение было именно на левом берегу Непрядвы, где имеется «отлог велик на устье».

6. Засадный полк

По свидетельству «Сказания о Мамаевом побоище» со слов участника тех событий, ход сражения кардинально изменил засадный полк русских: «Это мы слышали от верного очевидца, который находился в (засадном) полку Владимира Андреевича... Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно» [19, с. 168-169].

В «Пространной летописной повести» сей эпизод нашел литературно-религиозное отражение: «И после этого в девять часов дня воззрел Господь милостивыми очами на всех князей русских и на мужественных воевод, и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не утрашившихся, как и подобает славным воинам. Видели благочестивые в девятом часу, как ангелы, сражаясь, помогали христианам, и святых мучеников полк, и воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых — Бориса и Глеба. Среди них был и воевода совершенного полка небесных воинов — архистратиг Михаил. Двое воевод видели полки поганых, и трисолнечный полк, и огненные стрелы, летящие на них; безбожные же татары падали, объятые страхом Божьим, и от оружия христианского» [19, с. 145].

Данный сюжет перекликается с видением Фомы Кацибея: «На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое очень, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обеих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: «Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам Господь даровал?» И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся» [19, с. 165].

В обоих случаях, очевидно, имеем религиозно-символическое представление о двух «южных» святых – воине Георгии и архистратиге Михаиле, которые, по мнению древнерусских авторов, помогали и покровительствовали русскому воинству.

В контексте видения Кацибея (юноши с южной стороны) и описания появления засадного полка на поле брани (словно Давидовы отроки, т.е. ассоциация с «южной стороной») становится очевидным и значение литературной аллегории в «Сказании»: «Приспѣ же осмый час дню, духу южну потянувшу създи нам... Единомыслии же друзи высъдоша из дубравы зелены, аки соколы... аки Давидови отроки... и начаша поганых татар същи немилостивно» [19, с. 44-45]. Как верно отметил В.Н.Рудаков, «упоминание «духа южного» является сознательным творческим ходом автора «Сказания», дважды (!) пожелавшего отметить, что помощь русским полкам снисходила именно от богоизбранной стороны света» [18, с. 187]. Поэтому попытка В.Н.Татищева на таких литературных пассажах представить ход битвы - «И около часа седьмого сошлись вместе крепко всеми силами и долгое время бились. Русским же тяжело было, так как солнце было в лицо и ветер... Было же уже девять часов... И когда ветер потянул русским с тыла, и солнце позади стало, а татарам в очи, начали татары на месте топтаться» [21, т. 4, с. 279, 281], - приводит к схемам реконструкции, когда полки вынуждены крутиться как волчок (например, у А.В.Журавель [5, с.74-75]), чтобы угодить озвученным параметрам. Без литературно-религиозных эпитетов данный момент изложен в Киприановской редакции «Сказания»: «и веаше ветр велий противу им в лице... и уже девятому часу изходящу, и ее внезапу потяни ветр созди их, понужаа их изыти на татар» [19, с. 65].

Засадный отряд был выделен и отправлен на позиции поздно вечером накануне дня битвы: «И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону

в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших воинов из свиты своей, удалых витязей, твердых воинов» [19, с. 165].

Указанное направление «вверх по Дону» можно реализовать лишь на левом берегу Непрядвы, при том, решение о выдвигании засадного полка было принято уже после переправы и осмотра расставленных полков.

Можно предположить, что в дубраву к месту сражения засадный полк вышел перед рассветом и, чтобы заглушить конский топот и храп, русские устроили великий шум, тогда как противник пребывал в тишине: «...когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развеяться и трубы боевые во множестве звучать... Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели громче» [19, с. 165].

7. Битва

Как отмечает летописец, «было поле то тесное между Доном и Мечею... Погани же бредут обапол (со всех сторон, скученно, тесно [3, с. 735]). Несть им места, где разступиться... Когда же настал седьмой час дня, начали поганые одолевать» [19, с. 98, 168].

Вскоре произошел удар засадного полка во фланг половцам. Когда татары побежали, то гнали их до реки Мечи: «И гнали их до реки до Мечи, и там бесчисленное множество бегущих побили» [19, с. 146]; «князи же полци гнаша съдомлян, бьющее, до стана их» [17, с. 143].

О половецком стане в окрестностях реки Мечи указывает и «Задонщина»: «У Дона стоят татары, поганый Мамай – на речке на Мече» [19, с. 132].

Были загнаны татарские воины и в реки, лежащие по пути бегства, в том числе и в Непрядву (обонпол – на другой стороне [20, т. 2, с. 27] их тоже настигали русские мечи («И обретоша трупия мертвых обонпол реки Непрядвы, идеже непроходно быти полком русским» [19, с. 99]), на это же указывают и археологические находки на правом берегу реки), что происходит при направлении удара засадного полка с правого фланга русской армии налево. Такой вариант возможен лишь при расположении поля боя на левом берегу Непрядвы (рис. 2-3).

Неоднозначной выглядит «традиционная» версия, когда татары, отеснив вглубь русский полк левой руки, попадают под удар засадного полка (рис.4). При таком развитии ситуации бегущий противник вкупе с нападавшими из дубравы сметали главные силы русских, державшиеся в центре. К тому же трудно представить, чтобы делал засадный полк, если бы татары продавили и развернули русских на правом фланге, перекрыв простор отряду Волынца и фактически зажав его в дубраве. Не совсем понятным в «традиционной» схеме становится и попадание бегущих ордынцев по обоим берегам Непрядвы. Неразумным выглядит в данной версии и продвижение Мамаю от Гусина брода к верховью Непрядвы. При таком развитии ситуации ордынцам для выхода к русским необходимо сделать крюк, возвращаясь назад, чтобы оказаться к югу (юго-западу) от выстроившихся полков Дмитрия. А ведь Семен Мелик утверждал, что Мамай «наутро *пройдет* Непрядву», поэтому Дмитрию нужно вооружаться, чтобы татары не застали врасплох [19, с.218]. Очевидное свидетельство, что для встречи армий, половцы должны «пройти», т. е. перейти, Непрядву и выйти на левый берег.

Грешат отсутствием логики и «альтернативные» схемы побоища (рис.5). Более чем странным выглядит удар Мамаю у В.А.Кучкина (рис.5, а) – войска на своем пути должны преодолеть все мыслимые преграды – форсировать Буйцу и Непрядву, пробраться через лесные массивы и начинать атаку от берега (низина) - снизу вверх (естественный перепад высот от реки к равнине), где их поджидают русские. Наиболее приемлемым видится предлагаемый в нашем исследовании вариант с обходом татарами Непрядвы и сражением на ровной местности.

Попытка А. Е. Петрова изобразить поле боя (рис. 5, б) также неубедительна, поскольку искусственно заставляет Мамаю для атаки делать крюк, хотя выгоднее ему сразу нанести

удар по русским под углом (примерно по направлению пунктирной линии на рис. 5, б). Т. е. войска Дмитрия должны были бы все-таки стоять спиной не к Дону, а к Непрядве, что приводит к «традиционной» схеме с ее недостатками.

Столь же многочисленные вопросы остаются и к реконструкции С.Н.Азбелева (рис.5в), начиная с неудачного расположения засадного полка, которому во время атаки придется двигаться через реку и по сильно пересеченной местности, и заканчивая отсутствующим в источниках указанием на выдвижение русской армии после переправы через Дон от устья Непрядвы к ее истоку. А ведь от переправы до места разворачивания русским пришлось бы преодолеть дополнительно 20 километров, тогда как еще в 6 часов дня войска продолжали форсировать Дон, а уже «вплоть до 6 часов Дмитрий с братом и с литовскими князьями полки расставляли» [19, с.163], т. е. на завершение переправы, марш-бросок, разбивку лагеря, построение, осмотр полков Дмитрием оставалось лишь полдня. И все это 200-тысячной армии, по мнению С.Н.Азбелева, нужно было осуществлять при полной выкладке, таща на себе амуницию, оружие и продукты, поскольку обоз оставался на левом берегу Дона.

Кроме того, безусловным свидетельством битвы «близ устья Дона и Непрядвы» является расположение русских полков, отмеченных в Киприановской редакции «Сказания»: «И исполчишася христианьстии полци вси. И возложиша на себе доспехи и сташа на поле Куликове на усть Непрядвы реки. Бе же то поле велико и чисто и отлог велик имеа на усть реки Непрядвы. И выступиша татарская сила на шоломе, и поидоша с шоломяни. Тако же и христианскаа сила поидоша с шоломяни» [19, с.62]. Очевидно, что русские стояли на холме недалеко от устья Непрядвы, а татары шли к ним навстречу, т. е. по направлению к устью, через холм. Такая позиция сил перед столкновением кардинально противоречит мнению С. Н. Азбелева, у которого ордынцы стоят на «устье»-истоке Непрядвы и от него двигаются в сторону русских (рис.5,в).

Возвращаясь к нашему варианту, видим: когда засадный полк вступил в битву, то татары, перед этим бросившие в бой все силы (именно этот момент и уловил Волынец) против начавших отступать русских, оказались фактически в котле (между русскими и Непрядвой), что и привело к столь значительным их потерям – 8/9 войска (погибли или разбежались), как отмечено в «Задонщине»: «князь Мамай пришел на Русскую землю с девятью ордами... а бежал сам-девят...» [19, с.137]. При этом, ордынцы, получившие удар слева, побежали, сметая и создавая хаос, в том числе, и в центре и на правом фланге своего войска (рис. 3).

Таким образом, изложенные свидетельства и выявленные ориентиры позволяют реконструировать ситуацию тех лет достаточно связно и логично.

Стратегически операция была разработана Дмитрием еще в Москве, на Дону были определены тактические моменты сражения. Маршруты противоборствующих сторон выглядели примерно следующим образом (рис.1, расстояние дано по прямой, на местности оно, естественно, увеличивается):

- русские: 20 августа: Коломна – 40 км – 25 августа: устье р. Лопасня – 120 км – 5 сентября: Березуй (Березовка, МО Новомосковск) – 45 км – 7 сентября 6 часов дня: Старая Гать, р. Дон, переправа – 5 км – 7 сентября 6 часов: выход на позицию восточнее Барыковки (или западнее деревеньки/урочища Семеновка), построение – 8 сентября утро: выдвижение навстречу противнику западнее Семеновки (овраг Гнилой Ржавец – овраг Константинов) – 8 сентября 6 часов дня: начало битвы;
- Мамай: устье р. Воронеж – 180 км – 5 сентября: Кузьмина Гать (р. Красивая Меча, 20 верст от Лебедяни) – 35 км – 7 сентября 6 часов дня: Гусин брод (устье реки Гусиная Лапа и Турдей) – 20 км – 7 сентября ночь: Красный Холм – 15 км – 8 сентября утро: выход на позицию Анохино-Барыковка – 8 сентября 6 часов дня: начало битвы.

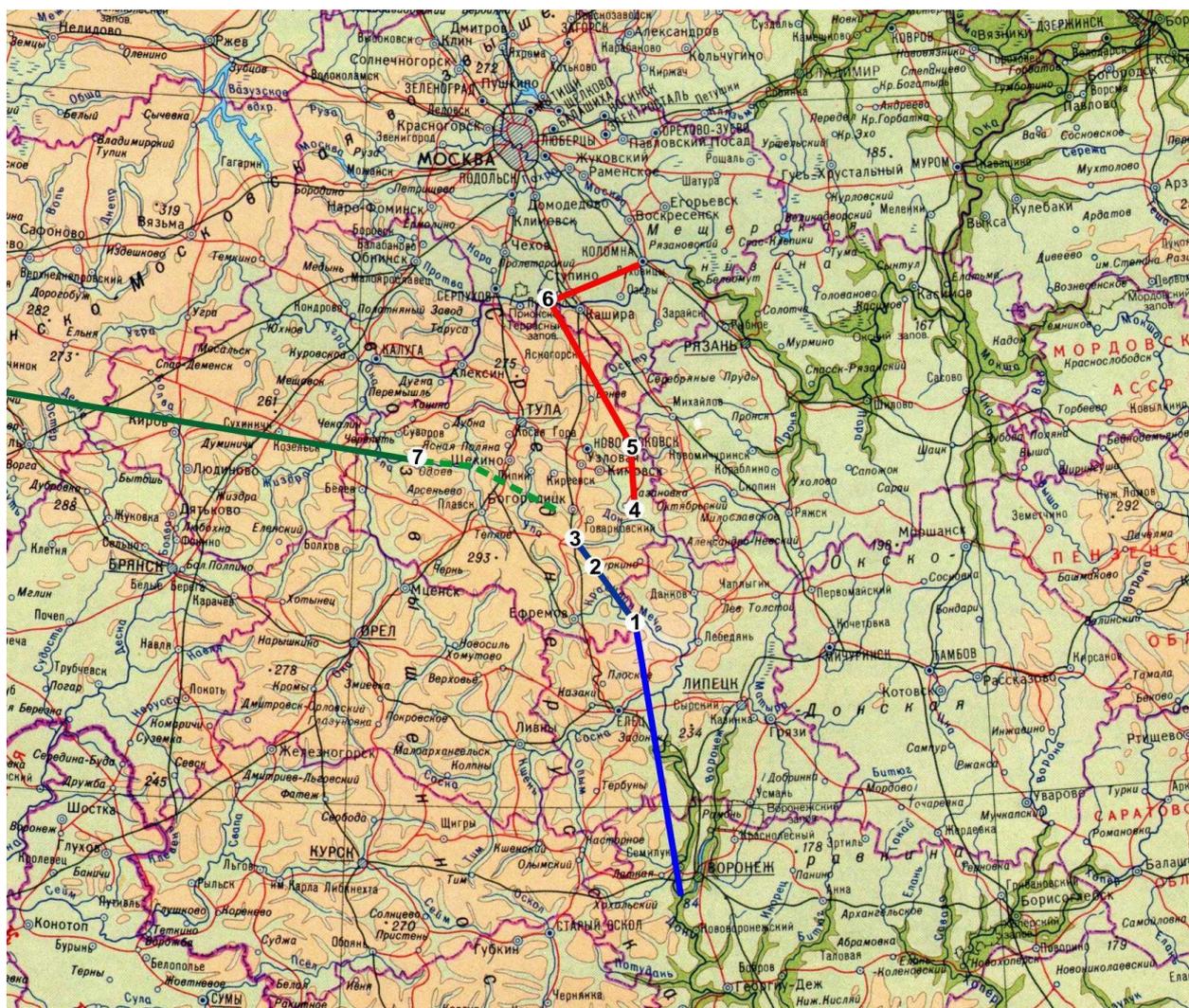

Рис. 1. Маршрут движения войск к полю Куликову (красная линия – путь русских, синяя – Мамай, зеленая – Ягайло; 1 – Кузьмина гать, 2 – Гусин брод, 3 – стан Мамаю, 4 – стан Дмитрия, 5 – Березуй, 6 – устье Лопасны, 7 - Одоев). Использована карта РСФСР [24].

Еще отметим одну временную деталь. Согласно источникам, 5 сентября Дмитрий был в местечке Березуй в 23 поприщах (версты [25]) от Дона. В этот же день, по данным «языка», Мамай шел по Кузьминой Гати, которая располагается примерно в 30 верстах от Куликова поля (рассматривая его на правой стороне Непрядвы у устья) или примерно на таком же расстоянии от Гусина брода. То есть к 6 часам дня 7 сентября, когда Дмитрий осуществлял переправу через Дон, а Мамай проходил Гусин брод, армии преодолели расстояния примерно по 30 верст (около 40-45 км).

С Гусина броду орда, пройдя около 20 километров, к ночи пятницы выходит к верховьям Непрядвы на Красный холм (современный населенный пункт и высокое место к востоку от Воловского плато). Кроме верховья Мечи, расположенной к западу, мы встречаем и реку Мечевка (современная Малевка) [22, с. 42], между которыми и мог располагаться лагерь Мамай. Именно Непрядва и Меча упоминаются в источниках как ориентиры для стана половцев (вечером накануне дня битвы - «гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве» и «поганый Мамай – на речке на Мече»). Т. е. Мамай расположился в междуречьи верховьев Непрядвы, Мечи и Мечевки, в окрестностях Воловского плато, в районе Красного Холма).

Как раз после Мечевки на западе начинается Воловское плато – впоследствии естественная преграда для уставших от боя русских, преследовавших половцев, а кроме того, там открываются для бегущих дороги в разные стороны и не только к Красивой Мече. Вместе с тем, преследовать бегущих до Красивой Мечи, протекавшей в 50 километрах от поля боя, невыполнимая задача для уставшей в сражении русской конницы на пересеченной местности и в ограниченном несколькими часами (4-5) временном отрезке (воинам нужно было еще и вернуться к основным силам до темноты). Тогда как до Мечевки – около 15 километров.

Стан Дмитрия оставался на левом берегу Дона напротив переправы. Русские войска, перейдя Дон в окрестностях Старая Гать - Чебыши, расположились перед высоткой (на рис. 2-3 отметка 227, которую наутро миновали, начав движение навстречу к приближавшемуся противнику) и перед ними на запад расстилалось ровное поле. Высотка служила пунктом, с которого Дмитрий осмотрел построение перед боем («Князь же великий, взяв с собою брата своего, князя Владимира, и литовских князей, и всех князей русских, и воевод и взъехав на высокое место» [19, с. 163]). Здесь же, вероятно, собрались победители после боя («Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под багряным знаменем... и приказал трубить в сборные трубы» [19, с.170]), отсюда и начали поиск Дмитрия. Тогда «два воина отклонились на правую сторону в дубраву, оба родом костромичи... Чуть отошли от места битвы — набрели на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева березового» [19, с.170]. Можно выделить два момента: костромичи стояли в полку левой руки под началом Тимофея Волуевича, поэтому на свою сторону и направились на поиски. С другой стороны, именно, двигаясь от высотки к устью Непрядвы, направо расположен лесной массив [22, с.44; 7], вероятно, с преобладанием березняка, на что указывает здешний топоним Березовка.

Как отмечает «Сказание», противоборствующие стороны сходились, двигаясь с холмов [19, с.188]. Про высотку, которую перешли русские, мы только что рассказали. Холм же, с которого спускались татары, можно увидеть на рис.5в) с отметкой 227 в окрестностях Барыковки.

Засадный полк располагался в низовье реки Муравлянка, которая впадает в Дон выше поля боя. Там, как раз лежала часть дубравы, на существование которой указывает в своем исследовании В.А.Кучкин [10, с. 52] и карта растительности Тульской области [7] (рис. б). И как отмечено в первоначальном тексте «Задонщины», засадный полк располагался с правой стороны русских войск: «И нукнув князь Володимер Андреевич с правыя руки на поганого Мамаю» [10, с. 52].

Таким образом, Куликово поле находилось в междуречье Муравлянка – Дон – Непрядва – Сури (Буйчик)/Балка Барыкинская. Именно Муравлянка и Сури «обжимали» место битвы, затрудняя татарам охват русских по флангам. Поэтому ордынцам пришлось сходитьсь, в первую очередь, с большим полком, который и принял основной удар противника. Достаточно крепкий полк правой руки мог даже перейти в наступление, но центр под натиском Мамаю оставался недвижим. Потеснив, в конце концов, основные силы русских, ордынцы смогли оказать давление и на левый полк (видимо, более слабый в дружине), который и начал отступать. Ситуацию изменили удары засадного и резервного полков.

Теперь можно оценить примерное количество участников Донского побоища. В источниках приводят разные цифры в силу того, что учет воинов просто-напросто отсутствовал. Как отмечал бельгийский историк Вербрюгген, «хронисты часто указывают большие числа, чтобы создать видимость сильных армий, но эти сведения базируются на догадках, а не подсчетах». Разнообразные оценки численности русского войска озвучивают и историки. Мы же сегодня имеем реальные исследования по войсковым операциям. В частности, можно воспользоваться трудами одного из крупнейших русских военных теоретиков генерала от инфантерии

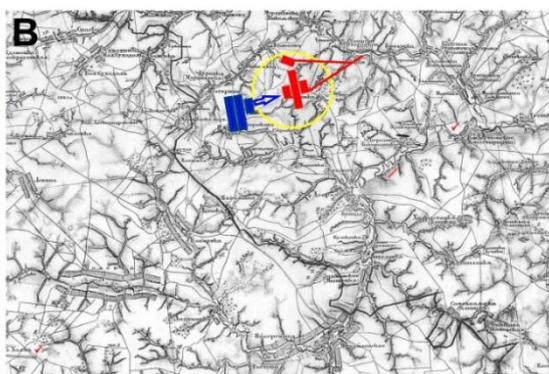
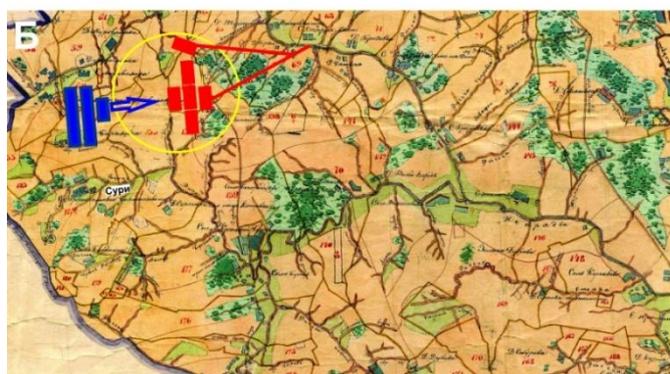
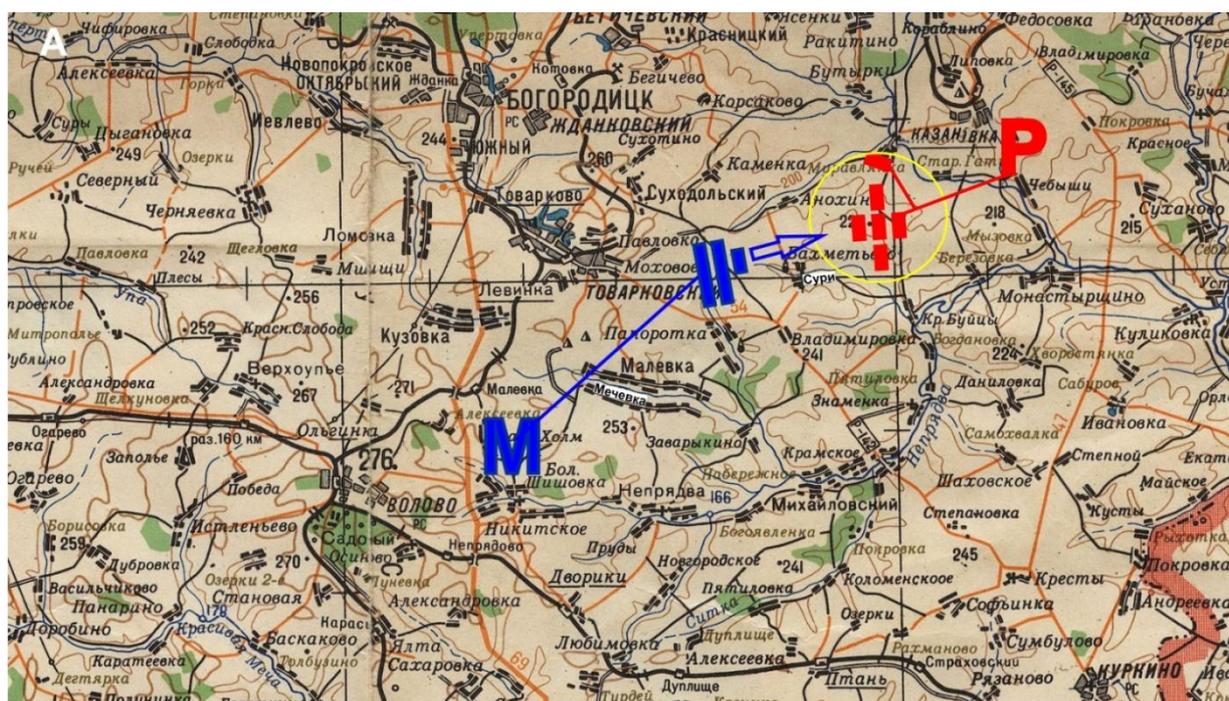

Рис. 2. Куликовская битва. Начало (синие – силы Мамаю, красные – русских, желтым очерчена примерная территория поля битвы). Использованы карты: а) Тульской области [13]; б) планы Генерального межевания уездов Тульской губернии, 1790 г.; в) военно-топографическая Тульской губернии, Ф. Ф. Шуберт, 1846-1863 гг.

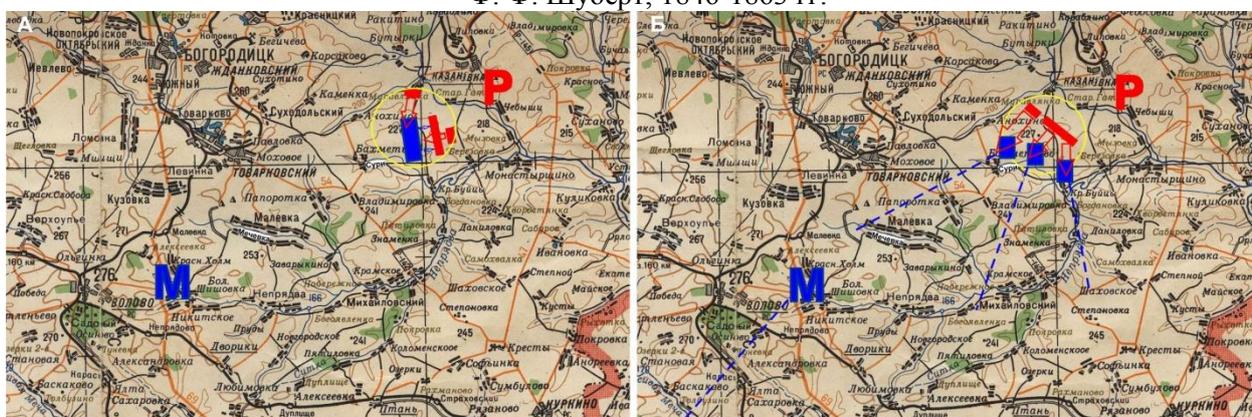

Рис. 3. Куликовская битва: а) удар засадного полка и контрнаступление русских; б) бегство татар (пунктирной синей линией).

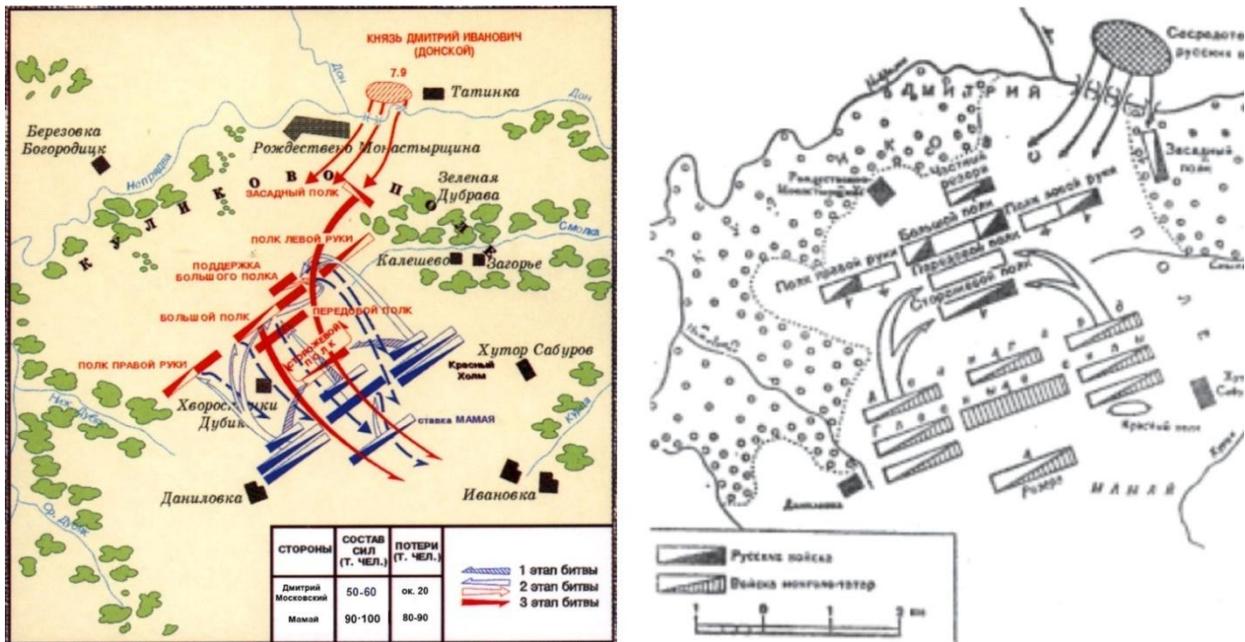

Рис. 4. «Традиционная» схема Куликовской битвы [9; 16 с. 30]

Рис. 5. «Альтернативная» схема Куликовской битвы: а) Кучкин В. А. [10, с. 51]; Петров А. Е. [16, с. 30]; в) Азбелев С. Н. [1, с. 32].

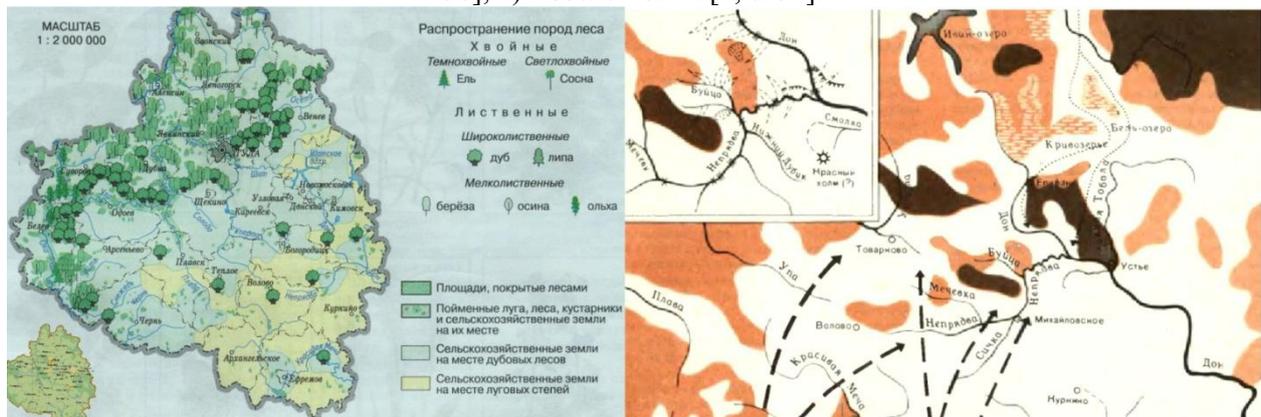

Рис. 6. Поле Куликово. Слева – карта растительности Тульской области [7], справа – почвенная карта местности (оранжевым цветом – бывшие леса, черным – лесные почвы, белым – степные почвы) [22, с. 44-45].

Н.П.Михневича. В работе «Основы стратегии» он достаточно подробно изложил военную мысль XIX в., которую с некоторыми поправками можно применить и для эпохи Куликовской битвы.

Нас будет интересовать несколько ключевых тезисов:

- «30000 человек (корпус) есть наибольшее число людей, которые могут двигаться по одной дороге» [11, с. 6],
- «корпус со всеми своими обозами вытянется по дороге почти на три перехода» [11, с. 161],
- «большинство военных писателей склонны принять на каждую версту боевого фронта 4000-5000 человек» [11, с. 164].

Это про войсковые соединения профессиональные, имеющие транспорт и коммуникации. Армия XIV века, естественно, была менее мобильна и менее управляема.

В нашем случае, по дороге Березуй – Старая Гать мы, исходя из приведенных параметров, можем отправить не более 30 тысяч воинов.

На поле Куликовом боевой фронт русских мог составлять до 2,5 верст, или около 12 тысяч бойцов. Еще до 3 тысяч могли располагаться в засадном полку (боевой фронт – менее 1 версты).

При этом, татарам из-за выше указанных препятствий пришлось применять фронтальную атаку на сосредоточенного противника. Как следствие, такой метод боя ведет к большим потерям атакующих [11, с. 188], поэтому, когда через три часа наметилась возможность ударить в левый фланг русских, Мамай вынужден был ввести резерв. В конце концов, продать удалось, но получил смертельный выпад русского засадного полка.

Таким образом, можно предположить, что русские выставили на поле Куликово около 15 тысяч бойцов (без оставшихся с обозом на левом берегу Дона). Эти же расчеты косвенно подтверждает и А. И. Кирпичников в своей работе «Великое Донское побоище». Рассуждая о численности русского воинства, автор на основе сопоставления погибших военачальников выводит общие потери 5000-8000 человек. Если провести параллели с погибшими князьями – 24 из 44 упомянутых в источниках [19, с. 303-304], то пропорционально общие потери составили около половины дружины, что примерно соответствует приведенной оценке численности русской рати. Аналогичный размер войска Дмитрия в 15-16 тысяч человек и боевой фронт до 3 километров приводит в своих расчетах В. В. Пенской, хотя в дальнейшем и сомневается в таком раскладе на поле Куликовом [15, с. 160].

Попытаемся выяснить, какие силы мог бросить в сражение Мамай. На первом этапе сражения в бой вступили около 11 тысяч русских воинов (остались 3 тысячи – в засадном полку и около 1 тысячи – в резерве). К моменту нанесения удара засадным полком и введением в бой резерва войско Дмитрия начало отступать, при этом, левый край фронта подверглась масштабному удару мамаевских сил. Если верить рассказам участников битвы, то после седьмого часа дня, «четыре татарина напали на него (Дмитрия), он же твердо бился с ними; оттого не мог я ему (Дмитрию) помочь, что преследовали меня три татарина» [19, с. 191-192]. Т. е. можно предположить, что татары, бросив в бой все остатки войска, получили трехкратное превосходство на левом крыле. Русских ко времени выступления засадного полка могло остаться около 5 тысяч (11 тысяч начавших битву – около 6 тысяч выбывших к тому моменту), или по 1,5 тысячи в полках правой и левой руки, 2 тысячи – в большом полку. Тогда татар, теснивших воинов Дмитрия, могло быть около 9,5 тысяч (3 тысячи атаковавших центр русских, 2 тысячи – на правом фланге и 4,5 тысяч (трехкратное превосходство) – на левом). Потери ордынцев, наверняка, были сопоставимы и даже более русских из-за вынужденной фронтальной атаки – можно оценить до 8 тысяч. Таким образом, первоначально войско Мамай составляло около 18 тысяч человек. Видимо, поэтому Мамай и не торопился на Москву, поджидая присоединения своих союзников, хотя и утверждал, что помощь Ягайло и Олега Рязанского ему не очень-то и нужна [19, с. 151]. С другой стороны, после разгрома на поле Куликовом через пару месяцев он смог вновь собрать армию против Тохтамыша.

При этом, перед началом Куликовской битвы соотношение видимых сил можно оценить как 1:1,5 (12 тысяч русских против 18 тысяч татар), в момент атаки засадного полка и резерва разница в численности противоборствующих сторон стала незначительной – 9 тысяч русских (5 тысячи оставшихся бойцов, 3 тысячи – засадный полк, 1 тысяча – резерв) на 9,5 тысяч татар.

Итак, можно подвести итог: русские выставили на битву около 15 тысяч человек (12 тысяч – на поле и 3 тысячи – в засадном полку), Мамай бросил в сражение около 18 тысяч бойцов, фронт составил до 2,5 верст.

В целом, мое предположение укладывается в рамки аналогичных средневековых крупных сражений:

1346 год, битва при Креси, англичане – 8-12 тысяч воинов, французов – до 25 тысяч, фронт – до 2000 ярдов (почти 2 км);

1389 год, Косовская битва, сербо-боснийское войско – 16-20 тысяч, турки – 25-30 тысяч, фронт – 3 км;

1410 год, Грюнвальдская битва, тевтоны – 11 тысяч, литовско-польское войско – 16-17 тысяч, фронт – до 2,5 км.

Нельзя обойти вниманием и происхождение названия «поле Куликово». Топоним примечателен тем, что отсутствует в первоначальных древнерусских свидетельствах о битве и появляется на страницах источников в конце XV века и является результатом литературной традиции [8, с. 21].

Народная этимология связывает термин «Куликово» с названием птицы – кулик. Известный ученый Д.С. Лихачев предложил в качестве версии происхождения от слова «кулички» - удаленное место [16, с. 22]. Специалист в области русской ономастики Е. С. Отин предполагает, что в основе лежит антропоним Кулик [14, с. 259]. Большинство исследователей склоняются к этимологии от слова «кулига» - клин земли, ровное место, расчищенный от леса участок и т. п. [16, с. 22]. Однако такой вариант вызывает некоторые сомнения, поскольку «кулига» изменяется на прилагательное кулижный или кулиговатый, что влечет оборот «кулижное поле» [26, т. 1 с. 409; 3, с. 279].

Характерно, что в средневековых исторических документах битва имела, как и все иные сражения, сугубо гидронимическое (или топонимическое, антропонимическое) определение, связанное с Доном или с именем Мамай. Можно согласиться с мнением историка О.Ю.Кузнецова, что «происхождение топонима Куликово поле имеет не военно - исторический, а исключительно социально-экономический контекст» [8, с. 28], можно даже сказать, - общественно-политический. Поскольку, как было выше отмечено, термин появился в литературно-эпической традиции и не имеет отношения к реальной топонимии, то его значение должно создавать определенный образ, связанный с минувшим событием и отражающим суть произошедшего. В случае с фразой «поле Куликово» мы имеем дело с эпитетом, который выразительно подчеркивает в объекте изображения что-то такое, что присуще лишь ему одному.

Тогда можно предположить, что слово «куликово» имеет в основе два компонента – *кул-* и *-ков*. Первый элемент можно сопоставить с корнем **kul-*, который находит выражение в славянских **kuliti* и **kul'ati* с общим значением калечить, укорачивать, (об)резать, скатывать [27, вып. 13, с. 97-99]. Вторая составляющая представлена **kovъ* – злой умысел, козни, путы (оковы) [27, вып. 12, с. 14-15]. Таким образом, поле Куликово, как литературный эпитет, есть поле, на котором пресечено злоумышление, разбиты оковы (разорваны путы).

В рассматриваемом контексте интересным выглядит еще один момент. В «Задонщине» наряду со словосочетанием «поле Куликово» встречаем упоминание «Калатская рати»: «От

Калатская рать до Мамаева побоища лет 160» [19, с. 8]. Здесь мы сталкиваемся со славянским **kolti*, в том числе, с имперфективом на -ati (с продлением вокализма о – а) **kalati*, имеющими в совокупности значение (за)колоть, убивать, рассекать [27, вып. 9, с. 119; вып. 10, с. 154-155]. С учетом семантики, например, используемого в религиозных текстах глагола *закалати* (заклание жертвы), можно определить оборот Калатская рать, как убийственная, пораженческая битва, в религиозном понимании – попущение Божье, наказание за грехи, поэтому «от Калатская рать до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи» [19, с. 7].

Очевидно, что в «Задонщине» мы видим использование традиционного литературно-эпического приема - от негативного к положительному – от унижительного поражения к славной победе, от порабощения к освобождению, от попущения Божьего к помилованию. И если в первом случае отражением является «Слово о погибели Русской земли», то славная часть выражена как раз в тексте «Сказание Софония иерея рязанца. Похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу».

Таким образом, в современном политическом аспекте эпитет «поле Куликово» можно понимать как «поле Освобождения», «поле Независимости». Именно этот день – 8 сентября – фактически провозглашен летописцами еще в XV веке Днем независимости земли русской.

Библиографический список

1. *Азбелев С.Н.* Место сражения на Куликовом поле по летописным данным // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 17-32.
2. Вокруг поля. Гусин брод. // Музей-заповедник «Куликово поле» URL: <https://plus.google.com/+МузейзаповедникКуликовополе/posts/hjWY5ryPBoE>
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. - СПб.-М.: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1905. - Том второй. – 1017 с.
4. *Долгова С.Р.* История Куликова поля в документах XI—XVII вв. // Природа. 1984. № 8 – с. 54-55.
5. *Журавель А.В.* В. Н. Татищев о Куликовской битве // Астраханские Петровские чтения. Материалы I Всероссийской научной конференции, приуроченной к 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева. - Издательский дом «Астраханский университет», 2017. - с. 68-76
6. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. - Тамбов, 1887-1918. - Вып. XLIV [2 февр., 1899] - 1901. – 186 с.
7. Карта растительности Тульской области URL: <https://infourok.ru/prezentaciya-po-geografii-tematicheskie-karti-tul'skoy-oblasti-267610.html>
8. *Кузнецов О. Ю.* Локализация ареала топонима «Куликово поле» по русским позднесредневековым письменным источникам // Тульская старина: историко-краеведческий альманах: Сб. науч. трудов и публикаций. Кн. I / Под общ. науч. ред. к.и.н. О.Ю.Кузнецова. - Тула: Антара, 2017. С.14-28. - 228 с.
9. Куликовская битва. 1380 г. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12055282%40cmsArticle>
10. *Кучкин В. А.* О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8 – с. 47-53.
11. *Михневич Н. П.* Основы стратегии. – СПб: Типография Тренке и Фюсно, 1913 – 251 с.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с.
13. Общегеографическая карта Тульской области. Ред. И.М. Пенкин. Московское аэрогеодезическое предприятие ГУГК СССР. 1990. URL: http://www.etomesto.ru/map-tula_obl-topokarta-5km-1990/
14. *Отин Е. С.* Топонимия поля Куликова // Избранные работы. - Донецк: "Донеччина". - 1997. – с. 253-266. - 470 с.

15. *Пенской В. В.* О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. с.157-161
16. *Петров А. Е.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2003. — № 3 (13). — С. 22—30.
17. ПСРЛ, том 42, Новгородская карамзинская летопись. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2002 – 224 с.
18. *Рудаков В. Н.* Монголо–татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. – М.: Квадрига, 2009. – 248 с.
19. Сказания и повести о Куликовской битве // Издание подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Под ред. Д. С. Лихачев. — Л.: Наука, 1982. – 422 с.
20. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. - СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. - 4 тома.
21. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. - М.: Императорский Московский Университет, 1768-1843 – 5 томов.
22. Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8 – с. 41-47.
23. Хотинский Н. А. Ковыль-трава на Куликовом поле. - М.: Мысль, 1988 – 173 с.
24. Центр европейской части РСФСР. Физическая карта. URL: <http://geography.su/atlas/item/f00/s00/z0000000/map178.shtml>
25. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЭ) Ф.А.Брокгауз - И.А.Ефрон, 1890-1907. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0>
26. Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. — М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910-1914. – в 3 томах.
27. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Под редакцией О. Н.Трубачева, А. Ф. Журавлева. – М: Наука, 1987–2012. – 37 выпусков.

Сведения об авторах

Федченко Олег Дмитриевич, историк, г. Брянск, e-mail: vukby@yandex.ru

История повседневности

УДК 94(420)"1837/1901"+364.264.2

Д. Ф. Смагина

СКРЫТЬ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ: ВИКТОРИАНСКИЕ ПРИЮТЫ ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности викторианских учреждений, осуществлявших реабилитацию и лечение лиц с психическими расстройствами. Дается обзор основных типов планировки приютов, характерных для этой эпохи; перечисляются основные виды применявшейся терапии; социальный состав пациентов и причины, по которым они могли попасть в приют. Отмечается, что в условиях, когда в обществе царила специфическая викторианская мораль, а психиатрия находилась в зачаточном состоянии, специализированные приюты становились местом изоляции для тех, кого общество не желало видеть рядом с собой.

Ключевые слова: викторианские приюты, приют для душевнобольных, Англия.

Smagina D. F. To hide an undesirable: victorian asylums for the mentally ill

Abstract: The article examines the peculiarities of Victorian institutions that carried out rehabilitation and treatment of people with mental disorders. The article contains an overview of the main types of Victorian asylum planning; the main types of therapy that have been used; the social composition of patients and the reasons why they could get into the asylum. It is noted that in conditions when the society was dominated by a specific Victorian morality, and psychiatry was in its infancy, asylums became a place of isolation for those whom society did not want to see.

Keywords: Victorian asylums, asylum, England.

Реалии повседневной жизни, быта, «мира вещей» за последнее время несколько не утратили своей популярности у читателей. Напротив, «очеловечивание» истории находит отклик у широких масс, поскольку способствует более эмоциональному восприятию, делает историческую действительность более близкой и понятной. При этом, «повседневная история» - это не просто описание быта и образа жизни, а скорее анализ структур и явлений, их породивших.

Викторианская эпоха для Англии – период интенсивного развития практически во всех сферах жизни общества. Одной из особенностей этой эпохи было наличие строгого кодекса поведения, малейшие отступления от которого служили поводом для порицания. Всё, не соответствующее общепринятым нормам, замалчивалось либо скрывалось. Тогдашняя система здравоохранения также испытала на себе влияние викторианской морали, что выразилось в стремлении отделить, скрыть от общества всех «неудобных». При этом, в разного рода закрытых учреждениях оказывались не только люди, действительно имеющие психические отклонения. Зачастую от общества изолировались те, кто страдал от депрессии, обладал буйным характером или просто был чересчур эксцентричен.

Развитие экономики и рост благосостояния вели к появлению новых профессий, прежде всего в сфере обслуживания. Состоятельные семьи могли позволить себе нанять сиделку для присмотра за душевнобольным родственником, содержа его в отдельном помещении либо передать в пансион, который, по сути, являлся тем же приютом, только не на общественных началах. Так, викторианский писатель и драматург Герман Чарльз Меривель*, прямо называет ме-

* Меривель Герман Чарльз (1839-1906), английский прозаик, драматург и поэт, племянник историка Чарльза Меривеля. Страдал от депрессии и суицидальных настроений, около 3-х лет провел в частном приюте для душевнобольных Тайсхерст, в Сассексе. В 1879 г. издал книгу «My Experiences in a Lunatic Asylum», где описывал свое пребывание там в качестве пациента.

сто своего пребывания частным ('private') [9, p.8] приютом, отмечая, что тот находился, «в одном из прекраснейших мест Англии, которое я буду ненавидеть до конца моих дней» [9, p.9].

Дома-изоляторы, которые принято было именовать «общие госпитали» (на самом деле мало что имевшие общего с медицинскими учреждениями), стали появляться в Европе примерно с XVII в. Наряду с безумными, там содержались бродяги, люди, имевшие физические отклонения, страдающие венерическими заболеваниями, разного рода вольнодумцы, развратники и другие люди, нежелательные на улицах [6]. Какого-либо общего плана планировки для них не существовало, однако Ю. Каннабих отмечал, что массивные здания тюремного образца были характерны именно для Англии [2].

Большие викторианские приюты ('asylums') рассматривались, прежде всего, как убежища для наиболее уязвимых членов общества. До создания таких приютов, «безумцы», которых не могли или не хотели содержать дома их родственники, как правило, оставались на улице. В редких случаях их могли взять под присмотр монахи одного из монастырей. Печально известный лондонский Бедлам долгое время относился именно к такого рода христианским учреждениям, и примерно до 1620-х годов содержал не более двух десятков обитателей.

Лондонский Бедлам имеет давнюю историю. При церкви Сент-Мэри-Бетлем (Св. Марии Вифлеемской) душевнобольных помещали в лечебницу ещё в XIV веке [1, с. 698], но подлинный её «расцвет» приходится именно на викторианскую эпоху. Методы лечения больных долгое время включали в себя, прежде всего, физическое обуздание (П. Акройд упоминает о пациенте, который «пролежал в цепях четырнадцать лет» [1, с. 702]). Только после ряда инспекций в такие заведения положение дел стало меняться – режим содержания начали смягчать, больным дали возможность заниматься ручным трудом, им стали назначать медикаменты.

Воспоминания о посещении в 1790 году Бедлама оставил Н. М. Карамзин, описав его в своих «Письмах русского путешественника». Вот, что он пишет о своем визите: «Предлинные галереи разделены железною решёткою: на одной стороне – женщины, на другой – мужчины. В коридоре окружили нас первые, рассматривали с великим вниманием, начинали говорить между собою сперва тихо, потом громче и громче и, наконец, так закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучок, третья хотела сдуть пудру с головы моей – и не было конца их ласкам. Между тем некоторые сидели в глубокой задумчивости... Многие из мужчин заставили нас смеяться. Иной воображает себя пушкою и беспрестанно палит ртом своим; другой ревет медведем и ходит на четвереньках. Бешеные сидят особливо; иные прикованы к стене. Один из них беспрестанно смеётся и зовёт к себе людей, говоря: "Я счастлив! Подите ко мне; я вдохну в вас блаженство!" Но кто подойдёт, того укусит. – Порядок в доме, чистота, услуга и присмотр за несчастными достойны удивления. Между комнатами сделаны бани, тёплые и холодные, которыми медики лечат их. Многие выздоравливают, и при выпуске каждый получает безденежно нужные лекарства для укрепления души и тела...» [3, с. 342-343].

Как следует из заметки (и что подтверждает в своей книге П. Акройд), обновленный (он был перестроен) Бедлам изначально предполагался для посещения публикой, чем и объяснялась его внутренняя планировка – вышеупомянутые «галереи, разделенные железной решеткой». Можно тут найти свидетельства и о популярных тогда физических методах воздействия: приковывании к стене цепями, гидротерапии. Посетителей допускали в Бедлам по праздникам, за умеренную плату. По-видимому, подобные условия содержания были и в других английских домах для умалишенных [2].

Психиатрия той эпохи находилась ещё в зачаточном состоянии, а алиенисты (так тогда называли психиатров) подчас использовали методы, которые в нашем обществе сочтут пыт-

ками. Так, женскую истерию лечили постельным режимом и полной изоляцией, запретом на умственную деятельность, включая запрет на чтение книг. Нетрудно представить, какое воздействие имела на человека, страдающего, к примеру, депрессией, полная отрезанность от окружающего мира, запрет даже на чтение и какое-либо творчество. Героиня рассказа Шарлотты Перкинс Гилман «Желтые обои» [8], страдающая послеродовой депрессией, после помещения в изоляцию действительно сходит с ума.

П. Акройд отмечает, что методы лечения пациентов долгое время оставались суровыми и «часто основывались на физическом обуздании» [1, с. 702] – смиренных рубашках (о них упоминал в своих воспоминаниях и Меривель), а также заковывании в кандалы, обливания холодной водой или воздействию электрошоком. Агрессивные пациенты, равно как и пациенты с тягой к суициду, изолировались. Помимо смиренных рубашек использовались своеобразные «варежки» без отделений для пальцев, как мера воздействия на тех, кто мог причинить вред самому себе либо другим пациентам.

Более гуманный подход к терапии стал применяться только со второй половины XIX века, во многом из-за череды проверок, вскрывших ужасающие условия, в которых содержались пациенты. После волны критики, психиатрические лечебницы начинают переходить на новые методы содержания, включающие в себя трудотерапию (или хотя бы просто позволение пациентам чем-нибудь заниматься), а также применение медикаментов. Среди используемых лекарств, впрочем, указываются хлорал и наперстянка [1, с. 703].

И к началу XIX века условия содержания пациентов оставались плачевными. Грязь и сырость, переполненные палаты, практика приковывания больных для удобства персонала по-прежнему не были чем-то из ряда вон выходящим. Активные преобразования в этой сфере связаны с именами Р. Гилля, Э. Чарльсворта и Дж. Коннолли. Так, директор приюта в Ханвелле Дж. Конолли провозгласил принцип по restraint (никаких стеснений), что было для тех времен несомненным новшеством. Здесь уже не было места кандалам и цепям, а в качестве серьезной меры теперь применялось помещение пациентов в изоляторы, порой обитые матрацами.

Шотландский психиатр, квакер Б. Тьюк во второй половине XIX в. пошел ещё дальше, введя систему «открытых дверей» и разрешив пациентам свободно входить и выходить из учреждения. Его стиль можно было охарактеризовать как «семейный», где заведующий отделением выступал в качестве отцовской фигуры, а у каждого из пациентов были свои обязанности, ежедневный режим работы и досуга. Если пациенты вели себя хорошо, они поощрялись, если же нет – для них вводились ограничения.

Стоит отметить, что современное исследование Национальной службы здравоохранения Великобритании показало [12], что люди, страдающие психическими заболеваниями, более восприимчивы к терапии когда находятся в безопасной обстановке и занимаются трудом, чем когда они предоставлены сами себе.

Однако переполненность и недостаток финансирования приводили к тому, что далеко не все заведения следовали новым веяниям. Государственные общественные лечебницы не могли позволить себе больших расходов, что приводило к быстрому преобразованию их в учреждения закрытого типа. Отличительной особенностью таких приютов оставались длительная госпитализация и изоляция пациентов. При всем вышесказанном, С. Ловцов ещё в 1874 г. отмечал, что английские санитарные учреждения, хотя и не были образцовыми и безупречными, находились на ступень выше аналогичных учреждений других стран, поскольку в них отмечался «постоянный прогресс и стремление к совершенству» [5].

Зарубежные исследователи называют отсутствие централизованного государственного регулирования одной из причин появления в тот период всё новых и новых домов для душевнобольных, как общественных, так и частных. Общественные психиатрические учрежде-

ния были созданы в Великобритании после принятия Закона об убежищах 1808 г. (County Asylums Act 1808). По нему, магистраты должны были создавать общественные приюты в каждом округе, для содержания «нищих умалишенных» ('pauper lunatics'). Первый общественный приют был открыт в 1811 г. в Ноттингемшире [11]. Также создавались парламентские комитеты для расследования нарушений в сумасшедших домах – прежде всего, печально известном Бедламе.

Несомненно, важной вехой было принятие в 1845г. Закона о душевнобольных (Lunacy/Lunatics Act 1845) и очередного Закона о приютах (County Asylums Act 1845). Специальная комиссия должна была проводить инспекции, контролировать состояние приютов и условия содержания и лечения. Статус людей, страдающих психическими расстройствами, менялся – теперь они рассматривались как пациенты, которым надлежало оказывать помощь. Проводился, в том числе, поиск пациентов в работных домах и тюрьмах, для направления на терапию в надлежащие заведения.

Под надзором могли оказаться не только те, кто действительно нуждался в помощи психиатров. В группе риска оказывались дети (как имеющие особенности развития, так и просто чересчур дерзкие и гиперактивные), и женщины. Яркой особенностью эпохи была «второстепенность» женщины, и зачастую мужчины помещали жен в сумасшедший дом, если те были недостаточно покорны мужу, или же добиваясь единоличной опеки над детьми. Примером такого удаления «неудобных» членов семьи в закрытый приют с попустительства врачей, в литературе является роман У. Коллинза «Женщина в белом».

Вторая половина XIX века стала временем активного больничного строительства. В Британии для этих целей отдавали предпочтение квадратным зданиям с небольшим количеством этажей, позднее был осуществлен переход к павильонной системе планировки.

Среди относительно комфортных для пребывания пациентов заведений можно назвать прежде всего лондонский госпиталь Св. Луки, второе по старшинству (после Бедлама) общественное заведение для лиц, страдающих психическими расстройствами. Доктор Уильям Батти, ставший первым главой госпиталя Св. Луки, считал, что пациентов не стоит выставлять на общее обозрение [7]. Также в госпитале старались избегать излишне жестоких мер содержания (хотя кандалы все же иногда применялись), что выгодно отличало его от того же Бедлама.

Исследователи, изучающие планировку викторианских приютов для душевнобольных, обычно выделяют несколько отдельных типов [10], характерных для архитектуры этой эпохи, которые могли воплощаться в жизнь с некоторыми вариациями:

- **Лучевой** план предполагал наличие центрального административного строения, крылья от которого расходились в виде «лучей». Такая планировка была типична для тюрем того времени, и уже тогда подвергалась критике за отсутствие достаточного количества света и свежего воздуха. Существует только два приюта такого типа: больница Св. Лоуренса в Бодмине (Hospital of St Lawrence, Bodmin) (рис. 1) и Девонский окружной приют для душевнобольных (Devon County Lunatic Asylum) (рис. 2).
- **коридорного типа.** Некоторое сходство с предыдущим типом планировки имеет коридорный план строительства, весьма популярный на протяжении всей викторианской эпохи. Административный блок в этом случае также находился в центре, но помещения для содержания располагались по обе стороны от него. Это позволяло добиться устройства отделений для разных полов, а также в целом облегчало доступ к ним для персонала. К примеру, Стоунхаус в Кенте (Stone House Hospital, бывш. City of London Lunatic Asylum) (рис. 3) представляет собой типичный образец приюта коридорного типа, где можно четко выделить центральный блок и два крыла, но другие

приюты могли уже не придерживаться такого четкого деления, как, например, больница Литтлмор (Littlemore Hospital, бывш. Oxford County Pauper Lunatic Asylum) (рис. 4).

Рис.1. Больница Св. Лоуренса в Бодмине

Рис.2. Девонский окружной приют для душевнобольных

Рис.3. Больница Стоунхаус

Рис.4. Больница Литтлмор

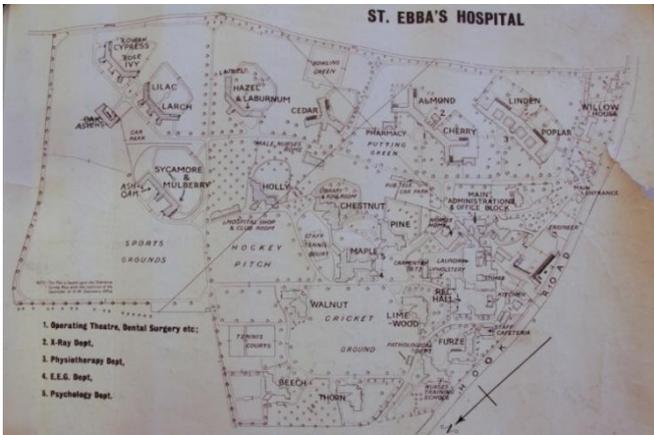

Рис.6. Больница Хай Родс

Рис.5. План больницы Св. Эббы

- **павильонный.** В приютах павильонного типа строения не были соединены между собой коридорами. Блоки были разбросаны по территории, однако, административные постройки все же традиционно находились в центре комплекса. Как пример можно привести больницу Св. Эббы (St Ebba's Hospital) недалеко от Эпсому. Комплекс представляет собой несколько отдельных villas и административных зданий (рис.5), и долгое время использовался для содержания пациентов, страдающих эпилепсией. Подобный тип планировки обычно не применялся для крупных приютов
- **ступенчатый** тип планировки заменил собой павильонный примерно в 1880-е. По сути, отличие его от предыдущего пункта состояло в том, что павильоны здесь были соединены коридорами. Длинные коридоры соединяли между собой административные

блоки и строения, позволяя персоналу быстро перемещаться по комплексу. Примером может служить больница Хай Ройдс (High Royds Hospital, (рис. 6).

У некоторых приютов были даже собственные железнодорожные станции. Группа из пяти психиатрических лечебниц, известных как Эпсомское скопление (Epsom Cluster) имела собственное ответвление железной дороги, по которому им поставлялся уголь и некоторые продукты. Часто на территории приютов располагалось собственное кладбище.

Что можно сказать о пациентах? Наиболее заметным условием пребывания в приюте было разделение полов. Пациенты жили на территории больничного комплекса и их личная неприкосновенность была минимальной. Ежедневный режим строго регламентировался, а персонал приюта имел огромную власть над своими подопечными.

Руководство отдельных приютов продвигало идею о полезности трудотерапии. Пациенты привлекались для помощи местным ремесленникам, производя товары, доходы с продажи которых шли на финансирование приюта [12]. Большим подспорьем были собственные фермы и огороды. Работали на них в основном пациенты мужского пола, что позволяло обеспечивать приют продовольствием, либо выставлять продукты на продажу. Ещё одним источником занятости была кухня, куда привлекались в основном пациенты-женщины, они же участвовали в распределении готовых обедов, работали в прачечной и библиотеке. Немощные, а также излишне нервные и буйные пациенты находились под особым наблюдением, если возможности приюта позволяли, их могли помещать в отдельные комнаты. Встречаются упоминания [12], что к концу XIX века отселение в отдельную комнату могло использоваться и как своего рода вознаграждение, позволяя пациенту иметь личное пространство.

Если руководство лечебницы стремилось шагать в ногу со временем, пациентам позволялось заниматься спортом. Распространение спорта приводило к формированию собственных спортивных команд. Так, известно, что больница Северолс (Severalls Hospital) имела собственную мужскую команду по крикету. Поощрялись долгие прогулки на природе, занятия танцами, музыкой, рисование, поскольку это считалось полезным и способствующим излечению.

Современными исследователями приводится во внимание факт, что мужское крыло в приютах для умалишенных обычно было меньше женского [12]. Поводом для помещения мужчины в приют мог служить, в том числе, и алкоголизм; в целом, побег из мужских отделений случались чаще. Как и женщины, мужчины-пациенты имели свой ежедневный график, работая на ферме и в пекарне, участвуя в уборке палат. Мужчины могли присоединиться к спортивной команде приюта, участвовать в инженерных работах или заниматься ремеслом. Женщины в основном помещались в сумасшедший дом на короткий срок - причинами могли быть депрессия или эмоциональная нестабильность. Стоит принять во внимание и викторианские идеалы женственности, из-за которых деятельность женщин обычно была сосредоточена во внутренних помещениях, а доступ во внешний мир был более ограничен по сравнению с пациентами-мужчинами.

Женские психические расстройства, включая послеродовую депрессию, в XIX в. именовали термином «истерия». Британская писательница и журналистка Венди Уоллес приводит результаты своего исследования [13], касающегося женщин, которые по тем или иным причинам оказались в сумасшедшем доме. Среди них – мать, страдающая эпилепсией и обвиненная в убийстве собственного ребенка; служанка, причиной безумия которой было названо переутомление (она была единственной прислугой в доме с 20 комнатами); женщина с послеродовой депрессией. Постоянной опасностью для женщин-пациенток, наравне с истерией, была эротомания (гиперсексуальность). Методы лечения для обоих диагнозов тогда были схожи: холодные ванны, обливания ледяной водой, кровопускание.

В лечебницу могли попасть лица с абсолютно разным поведением: от беспомощных, в вегетативном состоянии, до опасных и буйных. Не редкостью были и малолетние пациенты, поскольку закон 1845 не делал ограничений по возрасту для лиц, содержащихся в приютах для душевнобольных. При этом, многие из таких детей могли не иметь настоящего психического расстройства – достаточным основанием были чрезмерная агрессивность или наоборот, апатичность, гиперактивность, даже то, что сейчас бы назвали «трудностями в обучении».

Но причиной, по которой детей могли поместить в приют, могли быть не только агрессия или девиантное поведение. Исследователями отмечается [4], что многие из таких малолетних пациентов вовсе не проявляли никаких дурных наклонностей либо психических отклонений. Представление ребенка опасным для общества, и последующее помещение его в приют могло использоваться родственниками для того, чтобы избавиться от обузы, лишнего рта в многодетной семье, либо наоборот – попыткой поместить под наблюдение квалифицированных врачей, если семья не могла позволить себе расходов на доктора.

Как и взрослые пациенты, малолетние приютах не были однородной группой. Вместе с теми, кто представлял физическую угрозу для окружающих, были и те, кого надлежало изолировать по причинам морального толка. В эту группу входили те, кто не соответствовал викторианским понятиям о детской невинности – например, выказывающие «неблагоприятное поведение».

Стоит упомянуть о социальном составе пациентов. Высокородные особы (либо те, кто обладал достаточным капиталом), не пожелавшие содержать душевнобольного родственника под наблюдением домашнего доктора, могли направить его в так называемый «пансион», на деле являвшийся тем же приютом, с персоналом и методами лечения, мало отличавшимися от тех, что применялись в больницах для бедных. Даже высокий статус пациента не служил гарантией комфортного пребывания: так, Меривель жаловался на обилие слуг, которые имели обыкновение ночевать в его комнате, порой по трое за раз. Однако, различия все же были, и тот же Меривель признает, что ему «нечего написать о темных комнатах, смиренных рубашках или бичевании» [9, р. 7] и прочих атрибутах историй про психиатрические лечебницы тех лет. Место своего пребывания он называет «приятным» ('pleasant'), однако тут же отмечая, что, несмотря на живописную местность, прекрасные виды из окна и разнообразие слуг, персонал даже в таком «пансионе» был невежественным и без малейшей квалификации. С горечью он замечает, что даже в приюте, который считался одним из лучших, пациенты находились в полной зависимости от персонала, распоряжавшегося там, как им вздумается.

Подводя итог, стоит заметить, что при всех недостатках, викторианская эпоха стала значительной вехой в том числе и для психиатрии. Среди несомненных достижений викторианства можно назвать: требование учета лиц, страдающих психическими отклонениями, и контроля по уходу за ними, равно как и организацию специализированных приютов на законодательном уровне. Даже переполненные лечебницы и часто жестокие условия содержания в итоге привели общество к осознанию, что должны быть другие, более гуманные пути решения проблем такого рода.

Наиболее точным определением викторианского приюта для душевнобольных может служить цитата уже упомянутого П. Акройда. В главе, посвященной лондонскому Бедламу, он называет его «замкнутым малым миром внутри большого» [1, с. 703]. Так во многом и было: в условиях, когда психиатрия только начинала развиваться, основной задачей подобных заведений было скорее создание таких условий, при которых «нежелательные элементы» отделялись от общества и скрывались от него. При практически полном отсутствии по-настоящему действенных методов лечения психических расстройств, люди, страдающие подобными заболеваниями могли, в лучшем случае, рассчитывать если не на терапию, то хотя

бы на относительно мирное существование вдали от внешних раздражителей. Окончательное осознание того, что пациентов не стоит выставлять на всеобщее обозрение, удовлетворяя любопытство толпы, а изоляция и процедуры, зачастую граничащие с истязанием, не способствуют выздоровлению, придёт позже, уже в другую эпоху.

Библиографический список:

1. *Акрюйд П.* Лондон. Биография. М., 2009.
2. *Каннабих Ю.* История психиатрии. Л., 1928. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/kanny01/> (дата обращения: 30.04.2018).
3. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
4. *Карпов М.* Карающее воспитание // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/12/04/psychokids/> (дата обращения: 12.04.2018).
5. *Ловцов С.* Об оздоровлении городов // Здоровье. 1875. № 20. С. 68. Цит. по Склярова Е.К. Становление системы общественного здравоохранения в Великобритании : Конец XVIII в. " 1854 г.: автореф. дис. канд. истор. наук, Ростов-на-Дону, 2002.
6. *Фуко М.* История безумия в Классическую эпоху / Пер. с франц. И.К. Стаф. СПб., 1997.
7. *Black N.* The lost hospitals of St Luke's. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1809165/> (дата обращения: 16.04.2018).
8. *Gilman C.P.* The Yellow Wallpaper. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1952/1952-h/1952-h.htm> (дата обращения: 12.04.2018).
9. *Merivale H.C.* My Experiences in a Lunatic Asylum. London. 1879. [Электронный ресурс]. URL: <https://publicdomainreview.org/collections/my-experiences-in-a-lunatic-asylum-1879/> (дата обращения: 14.04.2018).
10. *Roberts A.* Notes on asylum architecture. [Электронный ресурс]. URL: <http://studymore.org.uk/asyarc.htm> (дата обращения: 19.04.2018).
11. *Roberts A.* Mental Health History Timeline. [Электронный ресурс]. URL: <http://studymore.org.uk/mhhtim.htm#1811> (дата обращения: 19.04.2018).
12. The history of the asylum // TheTimeChamber [Электронный ресурс]. URL: <http://thetimechamber.co.uk/beta/sites/asylums/asylum-history/the-history-of-the-asylum> (дата обращения: 20.04.2018).
13. *Wallace W.* Sent to the asylum: The Victorian women locked up because they were suffering from stress, post natal depression and anxiety // Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/you/article-2141741/Sent-asylum-The-Victorian-women-locked-suffering-stress-post-natal-depression-anxiety.html> (дата обращения: 22.04.2018).

Сведения об авторе:

Смагина Дарья Федоровна – студентка факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, s.khk@yandex.ru

УДК 929+94(438).08+94(47).084

В.К. Сильванович, В.И. Голованова

ДВЕ РОДИНЫ ЛЮДВИГА ПШИБЛО

Аннотация: Исследован жизненный путь Людвига Пшибло. Детство и юность прошли в польской деревне в Австро-Венгрии. Участие в войне освободившейся Польши с Советской Россией окончилось русским пленом в Бежицком концентрационном лагере. Он не решился возвращаться в Польшу после освобождения, остался жить и работать в Бежице. Приобрёл несколько специальностей, работал на разных предприятиях. Был в эвакуации, ремонтировал танки. Трагична ли судьба «советского поляка» Людвига Иосифовича Пшибло?

Ключевые слова: Людвиг Пшибло, военнопленный, концлагерь, советско-польская война, Бежица, эвакуация.

Silvanovich V.C., Golovanova V.I. Two motherland of Ludvig Psphiblo

Abstract: The life path of Ludwik Przybło is studied. Childhood and youth took place in a Polish village in Austria-Hungary. Participation in the war of liberated Poland with Soviet Russia ended in Russian captivity in Bezhitsk concentration camp. He did not dare to return to Poland after liberation, he remained to live and work in Bezhitsa. Acquired several specialties, worked at different enterprises. I was in evacuation, I was repairing tanks. Is the fate of the "Soviet Pole" Ludwik Iosifovich Przybło tragic?

Keywords: Ludwik Przybło, prisoner of war, concentration camp, Soviet-Polish war, Bezhitsa, evacuation.

Историки спорят: какова роль личности в истории. Велика, если личность оставила след, соотносимый со значимым событием или эпохой. А обычный человек? Никому, кроме ближайшего окружения неизвестный: жил себе спокойно, работал, воспитывал детей. Таких людей миллионы. Может быть, они не заслуживают, чтобы о них писали или даже вспоминали, выходя за рамки истории семьи? Проводя наше исследование, мы часто слышали вопрос: «А кто он такой, что сделал? Он известный человек?». «Да нет! Ничем не примечательный для всех, кроме родных и близких», - отвечали мы. «Так, зачем вы тогда о нём пишете?». Это и есть дилемма, которая привела нас к рассуждению о роли личности в истории. Есть вожди, лидеры, а есть народ. Какое обезличенное слово! А ведь именно народ творит историю. Врзможно, изучив жизнь обычного человека, мы лучше поймем прошлое.

У Людвига было в жизни три фамилии: там, где родился, он отзывался на Пжибыло, будучи в плену его записали как Пшебыло, а жизнь прожил как Пшибло. И Родины у него было две: Польша и Советский Союз. «Свой-чужой» - он был в этих двух государствах. Как примирить в душе два менталитета – польский и русский? Жить по-русски и помнить, что ты поляк? Наверное, незавидная судьба была у Людвига Иосифовича Пшибло. Мы решили рассказать о его жизни, чтобы «оживить» историю, чтобы увидеть за «народом» живого человека.

Ранее мы изучали материалы о Бежицком концентрационном лагере для польских военнопленных 1920-1921 гг. После публикации в прессе - телефонный звонок: «Мой дед, кажется, был в описанном вами концлагере». В архиве в именном списке военнопленных и заключённых Бежицкого концентрационного лагеря под номером №234 действительно оказался Пшебыло Людвиг. [12, л. 19] Так началось новое исследование, исследование жизни одного из более 250 поляков, волей судьбы заброшенного ещё в 1920-е гг. в пос. Бежица.

1. Польский период жизни Людвига Пжибыло

Первая Родина Людвига – Австро-Венгрия или Польша? Польши, как государства тогда не существовало. По разделам Речи Посполитой конца XVIII в. юго-западная часть Польши, а именно Прикарпатье, отошла Австро-Венгрии. Но родился он в польском селе Виделка в гмине Колбушово недалеко от г. Кракова в 1896 году. [10, л. 25] Село было достаточно большое. Дома строились типовые: деревянные из брёвен, обмазанные глиной, побелены мелом. Крыши хозяйственных построек крыли соломой, а крыши самих домов – драницей (щепа дерева). Юрий Пшибло в 2012 г. побывал в Польше на родине своего деда Людви-

га Иосифовича Пшибло, встретился с родственниками, узнал о жизни семьи Пжибыло в начале XX века. В этнографическом музее города Колбушово Адам Пржибыло (сын родного брата Людвиг - Павла) указал на дом, который был очень похож на их родовой (Рис.1).

Рис.1. Этнографический музей г. Колбашово (Польша). Фото Ю.С.Пшибло лето 2012 г.

Так мы можем представить себе жильё Людвиг на родине в Польше в начале XX в. и утварь, характерную для польских крестьянских домов того времени. Она несколько отличается от русской, но назначение её сходное: чернолощенные глиняные горшки для приготовления пищи, деревянные бочки разного типа, орудия крестьянского труда, лавка, которая служила днём для сидения, а ночью как спальное место, кровать деревянная с периной и перьевыми подушками. В крестьянской усадьбе, кроме дома, находились помещения для хлеба, для скота, навесы и сараи для телег. В небольших хозяйствах постройки для инвентаря нередко были расположены под одной крышей с домом.

Юрию показали и место, где находился дом, в котором более двух десятков лет прожил Людвиг. Родовое гнездо не сохранилось – ударила молния, дом сгорел. На этом месте так ничего и не строили. А рядом брат Людвиг Анджей (Рис.2) построил дом, который неоднократно перестраивался, и в котором сегодня живут Пжибыло.

Отец Людвиг – Юзеф, (Рис.2) мать – Катажина. В семье было 8 детей:

Мария, Павел, Агнешка, Аниэла, Анджей, Ядвига, Хенрик [23]. Людвиг был самый старший. Семья была крестьянская. Как и все пахали землю, выращивали зерновые, пасли скот, производили продукты животноводства. Людвиг был старшим сыном в семье, значит и главным помощником в хозяйстве. В его трудовой книжке отмечена ступень образования – начальное – по-видимому, он окончил сельскую школу в Виделке. В СССР научился читать по-русски, и любовь к книгам пронёс через всю жизнь.

Юрий Пшибло поддерживает связь со своими родственниками в Польше. Из письма Адама Пжибыло Юрию Пшибло: «Когда Людвигу было 17 лет, его взяли в армию. А позже он был направлен на польско-русский фронт. Попал в русский плен и был отправлен в Сибирь, не знаем, сколько он там пробыл, на обратном пути встретил девушку, которая стала его женой» [23]. Юрий, внук Людвиг, связался с родственниками в Польше уже после смерти деда. Откуда у них информация о Сибири, в которой Людвиг никогда не был, стоит только гадать. «В Польше в семье Пжибыло считали и до сих пор считают, что он был отправлен

в Сибирь, а как попал в Брянск, не знали», - делится с нами Юрий Пшибло. [24] Он сообщил, что его дед не участвовал в Первой мировой войне: 17 лет Людвигу исполнилось в 1913 г., а мобилизация в австро-венгерской армии была с 21 года. А вот то, что старший сын семьи крестьянина Юзефа Пжибыло воевал с Красной Армией – факт. Таким образом, семья Пжибыло в Польше не знала всей правды о своём близком родственнике Людвиге.

Рис.2. Слева Юзеф Пжибыло – отец Людвига Иосифовича Пшибло.
Справа Анджей Пжибыло – брат Людвига.
Семейный архив Адама Пжибыло

Когда же Людвиг был мобилизован в армию Польши? Новейшая история независимой Польши началась после поражения Германии, Австро - Венгрии и союзников в Первой мировой войне осенью 1918 г. Польская армия начала формироваться в ноябре, после возвращения Юзефа Пилсудского из немецкого плена. Пилсудский не просто хотел возродить польскую государственность, а восстановить страну в границах Речи Посполитой конца XVIII в. Воспользовавшись гражданской войной в России начал наступление.

Мы проанализировали регистрационные карточки военнопленных польской армии. В них был вопрос: «Когда и где был мобилизован?». [13, л.14] Все польские военнопленные Бежицкого концентрационного лагеря были мобилизованы в ноябре 1918 - марте 1919. Первый принудительный призыв в армию юношей, родившихся в 1899 г. был объявлен 15 января 1919. В марте 1919 г. Сейм утвердил положение о всеобщей воинской повинности, объявив призыв пяти возрастов (1896–1901 гг. рождения) [18]. Людвиг Пжибыло был 1896 г. рождения, возможно, именно по этому призыву он и был мобилизован.

Следующий вопрос регистрационной карточки военнопленного даёт нам представление об обучении новобранцев. Около 6 месяцев в различных частях и подразделениях они проходили подготовку, и только после этого отправлялись на фронт [7]. Вооружение польской армии было разного происхождения – австрийского, немецкого, французского, русского, американского. Весной 1920 г. винтовок и пулеметов в польской армии было достаточно. Помогли поставки оружия из-за границы. Иная ситуация была относительно обеспечения обмундированием. А.П.Грицевич в книге «Западный фронт РСФСР 1918-1920. Борьба между Россией и Польшей» приводит слова премьер-министра Витоса, посетившего в августе 1920 г. фронт под Варшавой: «Мы встретили по дороге значительные военные отряды, которые шли прямо на фронт. Я пригляделся к ним. Только у небольшой части солдат было более или менее пристойное обмундирование. У некоторых были разодранные мундиры, а половина из них шла без обуви, ступая босыми, израненными ногами по острой ржаной стерне. Большинство из них совсем не имела плащей, а на некоторых были только остатки штанов и белья. Но все они несли винтовки и патроны, а разговоры свидетельствовали об уверенности в себе и вере в победу» [18].

Вернёмся к регистрационным карточкам. Мы отобрали несколько из них, принадлежащих военнопленным, мобилизованным из Кракова. Вот пример двоих: Лис Викентий Янович и Педро Казимир Иосифович. [13, л.15, 18] Их истории типичны. Вероятно, такая же была и у Людвиг Пжибыло, чья регистрационная карточка не сохранилась.

Они служили в 3-м пехотном полку польской армии. Были мобилизованы в Кракове в ноябре 1918. Перед мобилизацией прошли 6-месячное обучение в 25-м запасном батальоне. В плен попали во время боя под Мельником на р.Буг 1 августа 1920: были окружены. Большая часть польских военнопленных Бежицкого концентрационного лагеря попали в плен 28 июля – 1 августа 1920 г. [7]. Командующий Западным фронтом Красной армии М.Н.Тухачевский спланировал и реализовал наступление на Варшаву. 1 августа, неожиданно для находящейся в процессе переформирования польской армии, началось наступление на Брест. Это было начало Варшавской операции. 1 августа Брест был взят красноармейцами, а польские солдаты беспорядочно отступали [18]. Город Мельник находится в 64 км от Бреста по прямой дороге на Варшаву. Именно здесь была окружена и пленена большая группировка польских солдат. Армия Тухачевского была сокрушена на Висле две недели спустя.

2. В Бежицком концентрационном лагере

Попавших в плен польских солдат направили из г. Могилев в г. Ярославль. Там находился крупнейший лагерь для военнопленных поляков, численность которых достигала 4500 человек в 1920-1923 гг. [20] По каким-то причинам маршрут был изменен, и часть военнопленных привезли в Брянск. Список военнопленных состоял из 181 человека. Под номером 115 значился Пшебыло Людвиг [8, л. 218]. В пути пленные были обеспечены продовольствием. В аттестате, выданном 8 августа 1920 г. Могилевским управлением по эвакуации населения, говорилось о том, что «военнопленные были удовлетворены горячей пищей по 7-ое августа включительно, и по 9-ое августа сухим пайком (хлебом и сахаром)» [8, л. 220]. Следующее довольствие им выдали 14 августа в Смоленском железнодорожном продовольственном пункте, а далее – 16 августа в Рославльском военном ж/д продпункте. Продукты в Рославле достались с трудом. Перед приездом польских военнопленных начальник станции Рославль получил письмо, в котором его просили «принять к скорейшей перевозке Польских легионеров до станции Брянск, направляющихся Смоленским Губэваком, т.к. таковых задерживать не предоставлялось возможным в виду отсутствия продовольствия для их питания, каковое будет выдано только в Брянске» [8, л.219]. И все же военнопленным был предоставлен обед [8, л.225]. Следующей точкой их пути стал Брянск. 17 августа 1920 г. заведующий подотделом принудительных работ Новиков, помощник коменданта Брянского губернского концентрационного лагеря Кайтурович в присутствии сопровождающего эшелона военнопленных тов. Ефима Шик и старшего конвоира Смирнова Василия произвели прием военнопленных. Как оказалось, до Брянска добрались лишь 158 человек из 181. По словам эвакуированных и сопровождающего, на вопрос, где остальные 23 человека, заявили, что часть из них оставлены арестованными и в госпитале, на что имеются документы, а остальные в числе 15 человек сбежали. [8, л.226]

В сыром и болотистом месте рядом с поймой реки Болва по ул. Мальцевской, расположился Бежицкий концентрационный лагерь. (Рис.3). В трех бараках по 4 казармы в каждом жили и работали польские военнопленные. В разные периоды их насчитывалось от 200 до 300. [5, л.1] Среди них был Людвиг Пшебыло (именно так его записали в лагере). Условия жизни в лагере были неудовлетворительными. Спать приходилось на двойных нарах без подушек и одеял в тесных неотопливаемых казармах. [6, л.46] «...В отношении санитарного состояния, то лагерь находился в самом антисанитарном состоянии», - докладывал комендант Н.Платонов. [6, л.12] Дезинфекция в казармах почти не проводилась, что приводило к распространению

тифа, дизентерии, чесотки (причем много чесоточников было не изолировано). Помощи ждать было неоткуда, так как ни доктор, ни фельдшер лагерь не посещали [5, л.1]. Комендант лагеря Платонов приложил все усилия, чтобы это исправить. При повторной проверке было установлено, что все помещения за исключением кухни были в порядке [6, л.51].

Рис.3. Схема расположения Бежицкого концентрационного лагеря в 1920-1921 гг.

(составлена В. Сильванович, названия улиц - современные)

го не было, а если и встречалось, то грязное и рваное, так что брезентовый костюм надевался на голое тело. Кроме того, некоторые военнопленные заявили, что они, желая сохранить на зиму свою кожаную обувь, не ходили в ней, а ходили в самодельных лаптях. Комендант лагеря просил о реквизиции (безвозмездном изъятии) лаптей на базаре г. Брянска, необходимых для заключённых и военнопленных. [5, л.1]

Для того чтобы исправить тяжелое положение, в начале 1921 г. была организована сапожная мастерская, где и работал Людвиг Пшебыло. В мастерской в разное время работали от 6 до 11 человек, вполне обеспечивая обувью всех военнопленных, и выполняя заказ Брянского завода на брезентовые ботинки с деревянной подошвой, которых ежедневно выпускалось до 20 пар [11, л.5]. У заключенных, как и у обычных рабочих, был введен 8-часовой рабочий день (с 8 утра до 6.30 ч. вечера). За свой труд получали вознаграждение, которое производилось по ставкам профсоюза. Но на руки удавалось получить лишь 25% заработанного, а 75% отсылалось в Брянский губернский лагерь. Из этих отчислений создавался фонд на продовольствие для военнопленных. Весь заработок заключенных записывался в трудовую книжку. Накопленные средства выдавались им на руки лишь при освобождении. [14, л.7]

К лету 1921 г. все польские военнопленные были освобождены и получили возможность вернуться на родину. Но были и те, кто не пожелал возвращаться. Их насчитывалось 25 человек. В их числе был Людвиг Пшебыло. [15, л.186]

3. Новая Родина Людвиг Пшибло

Начался новый период жизни Людвиг Пшибло. Именно под такой фамилией он был записан во всех советских документах. Почему он остался в России? «Всегда говорил: «Меня там расстреляют». Возможно, были веские причины для невозвращения. Но он боялся и советских органов безопасности». [24] Теперь нам, к сожалению, не узнать подлинных причин смены Родины. Так или иначе, для Людвиг началась новая жизнь.

Рис.4. Людвиг и Пелагея Пшибло с детьми Антониной и Виктором. 1927 г.

Фото из семейного архива Ю.С. Пшибло

23 ноября 1922 г. бывший польский военнопленный, бывший заключённый Бежицкого концентрационного лагеря Людвиг Иосифович Пшибло женился на Проничевой Пелагее Ивановне. (Приложение 5) Кто она? По свидетельству о браке Пелагея родилась 5 мая 1904 года, место рождения не указано. [25] В архиве Бежицкого ЗАГСа мы нашли регистрационную карточку о смерти Пелагеи Ивановны Пшибло. Она умерла 24 декабря 1993 г. В этой карточке в графе «место рождения» записано – с. Быковичи Жирятинского района. Как же она попала в Бежицу? Просмотрели сохранившиеся метрические книги церкви Преображения Господня в Бежице с 1909 по 1917 год. [2] Мы рассуждали следующим образом: должны же нам встретиться родственники Пелагеи с фамилией Проничевы, может быть, в последующие годы у неё родился брат или сестра, или её родители были приемниками у кого-то из родственников или друзей. И действительно, мы находим несколько человек с фамилией Проничев: Марк Иванович, Дмитрий Маркович, Алексей Маркович. Определённо, это

одна семья, да и место рождения у них было одно – село Быковичи Княвической волости Брянского уезда. Мог ли Марк Иванович быть её братом? Скорее всего, нет. В 1909 году у него умирает жена Варвара Дормидонтовна, 47 лет, от аполексического удара [2, д.20, л.91]. Значит, и ему в 1909 г. было около 47-50 лет. Слишком большая разница с Пелагеей, которой в 1909 году было всего 5 лет. А вот племянницей быть могла. Мы просмотрели все метрические книги церкви Успения Пресвятой Богородицы с. Быковичи [1]. Увы, нет метрической книги 1904 г., сохранились только с 1912, 1914-1916 гг. Выписали всех Проничевых с отчеством и именем Иван (отец Пелагеи). У Марка Ивановича было четыре брата: Евстафий, Иван, Семён, Еремей. Возможно, Пелагея – дочь Ивана Ивановича Проничева? Других подходящих по возрасту Иванов Проничевых в селе Быковичи в этот период не проживало.

В селе Быковичи в 1895 году была открыта церковно-приходская школа, в которой видимо училась Пелагея [21]. По воспоминаниям Юрия, бабушка была малограмотной, писала очень плохо, делала большое количество ошибок. В регистрационной карточке о смерти было указано её образование: начальное. В графе род занятий – рабочая. У Пелагеи и Людвиг родилось трое детей: Антонина, Виктор и Станислав (отец Юрия).

Трудовая книжка Людвиг была передана нам Юрием Пшибло, в ней отразился весь профессиональный путь его деда. Первая запись гласит: «Общий стаж работы с 1920 г. (восемнадцать лет - подтвержден документами)». [25] Именно в 20-е годы Людвиг Пшибло попал в концлагерь, там и началась его трудовая деятельность. «Где дед работал с 1922 по 1938 год – неизвестно», - рассказывал Юрий Пшибло. [24] Логично предположить, что он работал после освобождения на заводе «Красный Профинтерн». Мы проверили списки рабочих завода с 1922 по 1927 год, сохранившиеся в архиве. [4] Рабочего с фамилией Пшибло не было. Кстати, на заводе трудились около сотни пленных немцев, почти два десятка иностранцев другой национальности, в том числе и поляки. Но ни одной фамилии бывших польских военнопленных из Бежицкого концлагеря в данных списках мы не встретили. [3] И только с 15 августа 1938 года Людвиг Иосифович пошел работать на завод «Красный Профинтерн» города Орджоникидзеград (так была переименована Бежица) Орловской области в вагоноколесный цех слесарем. Следующая пометка в трудовой книжке сделана 26 сентября 1939 года. Именно тогда он перешел в инструментальный цех и стал слесарем третьего разряда. Там он проработал по день эвакуации. [25]

Лето 1934-го. Началась война. Немцы подступали к Брянску, и над городом нависло тревожное слово «эвакуация». По свидетельствам жителей Бежицы и Брянска эвакуироваться по железной дороге тогда можно было только с заводом. Вагонов и паровозов не хватало, их отдали под вывоз оборудования и рабочих, которые будут налаживать производство на новом месте. Неработающие жители эвакуировались своим ходом, чаще пешком или на повозке, запряжённой лошастью, на восток. Завод «Красный Профинтерн», где работал Людвиг Пшибло, был эвакуирован в Красноярск [17, с.112-113]. Людвиг с семьёй эвакуировался с Ремонтной базой №6, расположенной в посёлке Урицком, в г. Богородск Горьковской области. Возможно, он эвакуировался вместе с родственниками по месту их работы (такие случаи тоже были). «Богородск находится в 50 км от Горького. Город небольшой и грязный. Люди здесь жадные, нахальные, эгоисты (бывшие собственники, кулаки и прочее)». Так писал своей жене и дочери о г. Богородске М.А. Ржевский, один из рабочих Ремонтной базы № 6. [16, л.5] Похожие отзывы о городе можно найти и в воспоминаниях И.Л. Мининзона – человека, чье детство и юность прошло в г. Богородске: его отец – Мининзон Лев Яковлевич, эвакуированный из Брянска, также работал в Ремонтной базе №6.[19].

«Овощи, яйца, мясо и молоко они продавали по огромным ценам эвакуированным, или обменивали у них на ценные вещи».

Картофель - 25 р., капуста-18 р., баранина - 300 р., молоко - 60-70 р., валенки - от 3000 до 4000 р., хлеб -80-90 рублей. Оклад мастера М.А. Ржевского составлял 700 руб., - читаем мы в письмах М.А.Ржевского [16, л.6]. «Эвакуированные брянские рабочие сложили присловье: «Бей немецких оккупантов и богородских спекулянтов!». В то же время, по словам Л.Я. Мининзона, «вместе с эвакуированными заводами в Богородск попало немало полууголовных элементов; начались взломы домов, сараев, кража домашней птицы и скота. Коренные богородчане вообще считали, что обычай запирасть на прочные замки дома и сараи распространился в городе лишь с приездом эвакуированных». [19] Условия жизни рабочих были нелегкими. Рабочим часто приходилось мерзнуть. Обмундирование было изношенным и ветхим. «В 1942 году ему выдали новое. С питанием стало немного получше, после того, как рабочие завода

стали в свои выходные ремонтировать немудреную сельхозтехнику богородских колхозов, получая приварок к столовскому пайку» [19]. Одежду стирать не было возможности, так как мыла не было, донимали насекомые, постоянная пыль и грязь делали свое дело. Но рабочие трудились из последних сил, перевыполняли планы, работали круглые сутки только бы приблизить заветное слово «победа». «Зато отец уважал мастеров. В те времена мастер управлял не одной, а двумя сменами, которые длились по 9-10 часов. Один из мастеров, когда было невмоготу, и сон одолевал его, забирался в свой шкафчик с одеждой, стоявший прямо у станков и спал там. Если подходило начальство и спрашивало мастера, отвечали, что он отлучился по надобности, а потом, когда начальство отвернется, мастера будили, и он вылезал из шкафчика». [19] Позднее Ремонтная база №6 переросла в Богородский механический завод. В военные годы ремзавод дал фронту 3500 боевых машин и много другой продукции. На средства рабочих были выпущены два бронепоезда «Правда» и «Звезда» [22].

По окончании войны Людвиг Пшибло устроился в управление трамваями в г. Горький сапожником, опыт работы в этой должности он получил еще в концентрационном лагере. Этот навык ему пригодился и в повседневной жизни – он шил обувь для своих родных. «Помню, что отец ходил в обуви, которую шил дед», - вспоминалось Юрию Пшибло [24]. Сапожником Людвиг проработал около двух лет (с 3 марта 1946 до 21 февраля 1948), а после уволился по собственному желанию. Вскоре он вернулся в Брянск и продолжал свою трудовую деятельность уже в Брянске.

«Проработал всю войну и вернулся в 1949 году. Ещё в 1946 году приехал из эвакуации Виктор (старший сын Людвиг), старый дом был разрушен, поэтому он ходатайствовал о выделении земельного участка под строительство нового дома. Как только получил, сразу начал строить дом. В нём мы живём и сегодня», - так рассказывал Юрий Пшибло, - «Перед эвакуацией семья Пшибло закопала в огороде всё самое ценное, что не могли увезти. Людвиг Иосифович часто вспоминал о спрятанных в бочку и закопанных книгах. По возвращению в Брянск закопанного добра не нашли, мародёры во время оккупации и после неё, зная, что уезжающие закапывали ценные и просто бытовые вещи, перекапывали брошенные дворы и искали схоронки. «Дед всегда жалел книги» [24].

По возвращении в Брянск Людвиг устроился компрессорщиком в Бежицкий гормолзавод. 22 апреля 1955 года был переведен на производство кочегаром. На этом заводе Пшибло проработал до 27 сентября 1956 года, после чего был освобожден от работы по собственному желанию. Далее следует большой перерыв в работе. Людвиг Пшибло ушел на заслуженный отдых. Однако через некоторое время вновь вернулся к работе. Следующая пометка в трудовой книжке сделана 22 июня 1968 года [25]. В это время Людвиг устроился временно сроком на 2 месяца на Брянскую маслобазу машинистом холодильных установок 3 разряда. С 4 августа 1969 года он начал работу сторожа в комбинате коммунальных предприятий. Там проработал Людвиг Пшибло до 3 января 1972 г. На этом пометки в трудовой книжке Людвиг Пшибло заканчиваются. В последующие годы он посвятил себя семье. (Рис.5) «До конца жизни дед занимался хозяйством, работал на огороде, разводил кроликов. Бабушка Пелагея была домохозяйкой, иногда приторговывала выращенным на огороде» [24].

Умер Людвиг Иосифович Пшибло в последний день 1975 года, не дожив до 80-летия. Он потерял связь со своей первой Родиной – Польшей, но никогда о ней не забывал. «Он прекрасно играл на скрипке. Видимо, это умение он приобрёл на родине в Польше. После его смерти скрипка пропала». Он часто вспоминал Польшу и родной язык. Он мог забыться и говорить по-польски, а потом вспохватывался, и продолжал по-русски. На улице жил поляк, так он ходил к нему специально поговорить на родном языке», - вспоминал Юрий Пшибло. В нём умещались два менталитета – расчётливый, основательный поляк и душевный, радуш-

ный русский. Только вот страх никогда не покидал его. Боялся преследований со стороны и старой, и новой родины [24].

Рис.5. Слева - Людвиг Иосифович и Пелагея Ивановна Пшибло с внуком. 1960-е гг. Справа - Людвиг Иосифович Пшибло. 1970-е гг. Фото из семейного архива Ю.С. Пшибло

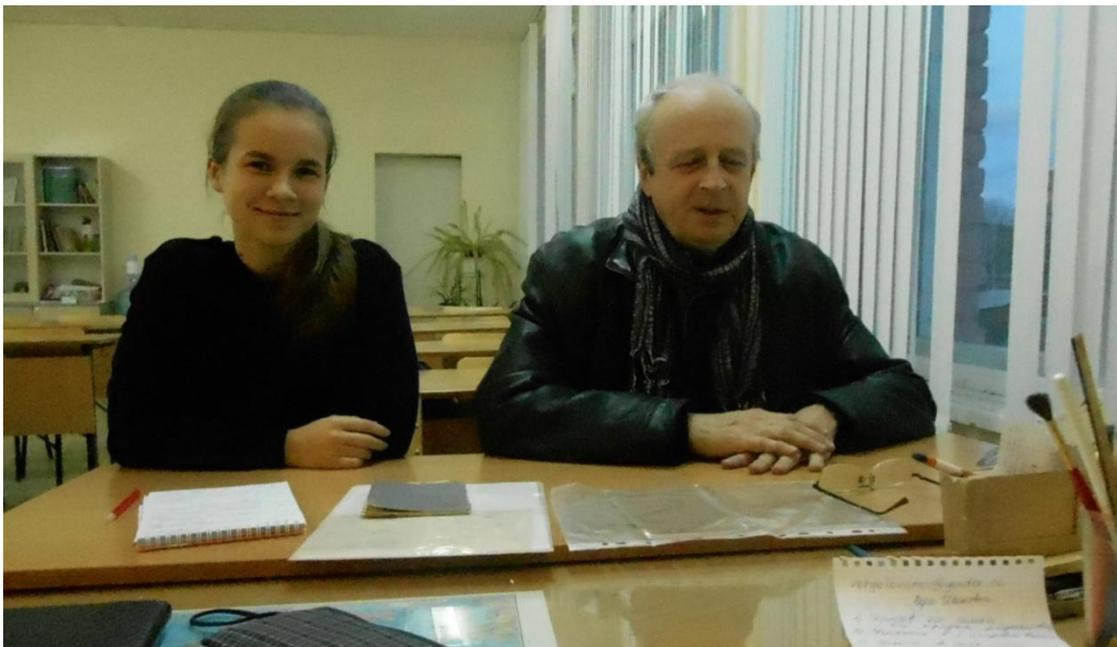

Рис.6. Виктория Сильванович (справа) и Юрий Станиславович Пшибло (слева).
Фото В.И. Головановой 16.11.2017 г.

Заключение

Можем ли мы считать трагичной судьбу «советского поляка» Людвиг Иосифовича Пшибло, прошедшего через войну, плен, эвакуацию? Человек может привыкнуть ко многим тяготам и не считать их невыносимыми. «Могло быть хуже», - говорят оптимисты. Людвиг сумел приспособиться к новым условиям, нашёл свою любовь, воспитал детей. Стал ли своим в Советской России? Наверное, да. Но он никогда не забывал своё село, и грустная мелодия прикарпатских напевов его скрипки была свидетелем памяти о первой Родине – Польше.

Библиографический список

1. Государственный архив Брянской области, далее - ГАБО. Ф.543. Оп.1. д.109-110 Метрическая книга Успенской церкви села Быковичи. 1912, 1914-1916 гг.
2. ГАБО. Ф.543. Оп.1. дд. 20-24. Метрическая книга церкви Преображения Господне Брянского завода 1909, 1911, 1914-1915, 1916-1917 гг.
3. ГАБО. Ф.650. Оп.1. д.462 Анкеты и списки рабочих-иностранцев
4. ГАБО. Ф.650. Оп. спр. дд. 475, 561, 574, 693 Списки рабочих и служащих Брянского завода. 1922-1927 гг.
5. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. Д. 2 Акт Рабоче-крестьянской инспекции по итогам проверки Бежицкого лагеря принудительных работ.
6. ГАБО. Ф.2376. Оп.1. д.8 Рапорты и доклады коменданта Бежицкого концентрационного лагеря.
7. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. д.20 Регистрационные карточки военнопленных.
8. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. д.20 Списки польских легионеров, отправляемых из г. Могилёва в г. Ярославль...
9. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. Д. 27 Список заключенных концентрационного лагеря
10. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. Д. 40 Приказы по Бежицкому лагерю принудительных работ на 1921 г.
11. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. Д. 67 Доклад Коменданта Бежицкого концлагеря Платонова
12. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. д.114 Списки польских военнопленных Бежицкого концлагеря
13. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. д.118. Регистрационная анкета военнопленных и перебежчиков...
14. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. д.16. Ведомости на выдачу вознаграждений за работы военнопленным
15. ГАБО. Ф.2376. Оп. 1. д.109. Отправка военнопленных по амнистии.
16. ГАБО. Ф.2996 Оп.1 д.30 Письма М.А.Ржевского, адресованные жене Клавдии и дочери Алле, о работе на эвакуированной из г.Брянска в г.Богородск Горьковской области рембазе №6, преобразованной в ремонтно-танковый завод
17. *Волохов В.* Брянский машиностроительный завод. – Приокское книжное издательство. 1966
18. *Грицкевич А. П.* Западный фронт РСФСР 1918-1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию // <https://litmir.me/br/?b=549263&p=1>
19. *Мининзон И.Л.* Мои воспоминания из жизни в городе Богородске Горьковской (Нижегородской) области в 1947-1965 гг.// <http://www.opentextn.ru/history/familisarchives/memoirs/?id=6605>
20. *Кузнецова О.В.* Роль архивных документов в выявлении сведений о проживавших в Ярославской губернии (области) представителях национальных меньшинств, на примере граждан польской национальности (конец XVIII - середина XX вв.) // <http://www.yar-genealogy.ru/0296.php>
21. Быковичи // <http://www.kray32.ru/gukovskiy038.html>
22. Эвакуация «Красного Профинтерна» и других предприятий Брянщины URL: www.puteshestvie32.ru/content/evakuaciya
23. Письмо от А. Пжибыло к Ю.С. Пшибло (2012 г.)
24. Воспоминания Ю.С. Пшибло (записаны Викторией Сильванович 16.11.2017).
25. Семейный архив Ю.С.Пшибло

Сведения об авторах:

Сильванович Виктория Константиновна – выпускница средней школы №52 г.Брянска, лауреат XVIII и XIX всероссийских конкурсов «Человек в истории. Россия XX век» Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». okno0626@gmail.com

Голованова Вера Ивановна – учитель истории и обществознания средней школы №52 г.Брянска, vergolovanov@yandex.ru

Историография, источниковедение

УДК 004(093)

А. Г. Кунаев

СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ ОЦИФРОВКИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация: в статье рассматриваются основные современные стандарты и тенденции электронных публикаций письменных исторических источников. Дается общая характеристика современным тенденциям электронных публикаций письменных источников, в чем именно заключаются данные стандарты и тенденции письменных источников.

Ключевые слова: современные стандарты и тенденции, электронные публикации, письменные исторические источники

A. G. Kunaev Modern standards and trends of digitization of writing sources

Summary: The article considers the main modern standards and trends of electronic publications of written historical sources. The General characteristic of the modern trends of electronic publishing of written sources, what are the standards and trends of the written sources.

Keywords: modern standards and trends, electronic publications, written historical sources

В современную эпоху цифровых технологий, все большее значение приобретает оцифровка и электронные публикации письменных исторических источников. Говоря о цифровых публикациях письменных источников, нужно учитывать последние современные тенденции данного процесса. Тем более, что этот вопрос пока не получил своего полного освещения в отечественной историографии и литературе. Рассматривая основные современные тенденции электронных публикаций письменных исторических источников в нашей стране, нужно акцентировать внимание, на том, как идет процесс оцифровки фондов крупнейших ведущих библиотек и федеральных архивов России и книжных фондов крупнейших национальных библиотек нашей страны. В данной статье остановимся на работе Президентской библиотеки.

В последнее время, наряду с оцифровкой и обеспечением открытого доступа уже оцифрованных материалов – направления работы, ставшее уже традиционным, в деятельности библиотеки, стали проследиваться новые тенденции. В последнее время Президентская библиотека стала больше уделять внимание созданию различных тематических коллекций цифровых публикаций исторических источников. Так, например, за последнее время на сайте Президентской библиотеки появились следующие тематические коллекции:

Максим Горький (1868–1936). В коллекцию, приуроченную к 150-летию со дня рождения советского русского писателя, драматурга и общественного деятеля Максима Горького (А.М.Пешкова), включены цифровые копии книг, периодических изданий, архивных документов и изобразительных материалов, посвященных его жизни и деятельности, а также содержащих тексты его собственных художественных произведений, статей и воспоминаний [1].

К.Э.Циолковский (1857–1935). В данную коллекцию, посвященную видному представителю русского космизма, основоположнику теоретической космонавтики Константину Эдуардовичу Циолковскому, вошли издания, знакомящие с жизнью и творчеством ученого, его труды по теории воздухо- и звездоплавания, ракетостроению, астрономии, физике, биологии, а также философские и научно-фантастические произведения [2].

«1918 год». В коллекции отражены ключевые события 1918 года: от созыва и разгона Учредительного собрания до захвата власти А. В. Колчаком в Омске, аннулирования Брест-Литовского мирного договора после начала революции в Германии и подписания Компьен-

ского перемирия, которое прекратило боевые действия в Первой мировой войне. Материал представлен в тематических разделах, расположенных в хронологическом порядке. В лекцию включены архивные материалы, научные исследования, источники личного происхождения, фотографии, открытки и кинохроника [3].

Также за последнее время (май 2018 г.) в Президентской библиотеке были оцифрованы материалы, посвященные великому русскому художнику Михаилу Александровичу Врубелю.

Оцифровку последних материалов в Президентской библиотеке можно отслеживать в разделе новые поступления [4]. Важную информацию о деятельности Президентской библиотеки также можно почерпнуть из ежегодных отчетов самой библиотеки [5].

В последнее время, в связи все большим объемом оцифровки и цифровых публикаций письменных исторических источников, все чаще поднимается и ставится вопрос о проблемах стандартизации оцифровки исторических источников в архивах и библиотеках. На сегодняшний день уже разрабатываются и ведомственные стандарты для оцифровки фондов федеральных архивов и ведущих библиотек, в частности Федеральным архивным агентством, Российской Национальной библиотекой – РНБ и Президентской библиотекой.

Бурное развитие современных цифровых и компьютерных технологий позволили начать оцифровку ценнейших рукописных фондов ведущих библиотек России. Это является еще одной современной тенденцией оцифровки и электронных публикаций письменных исторических источников. Поскольку проанализировать хотя бы вкратце оцифровку всех рукописных фондов ведущих российских библиотек, в рамках небольшой статьи не представляется возможным, то остановлюсь здесь только на оцифровке фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки, на применении современных компьютерных и цифровых технологий в кодикологической лаборатории ОР РНБ [6].

Лаборатория кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов была создана в 1994 году как специализированное подразделение Отдела рукописей РНБ. С помощью специально разработанных методов исследования и современных технических средств здесь проводятся все виды экспертизы рукописного документа: комплексный технологический анализ материалов письма, историко-почерковедческая экспертиза, изучение графики письма, исследование технологических особенностей бумаги, оптико-электронное исследование палимпсестов, прочтение затухшего текста и пр.

Современная эпоха Интернет-технологий выдвигает на первый план задачу внедрения новых методов информационного раскрытия богатейших рукописных фондов. Новым инструментом информационно-библиографической, научной и публикационной деятельности Отдела рукописей стала информационно-поисковая система «Депозитарий», созданная специалистами Российской национальной библиотеки и успешно внедряемая в практику работы Отдела. С помощью ИПС «Депозитарий» формируется электронная база данных и электронный каталог Отдела рукописей, создаются комплексные ресурсы по электронному представлению рукописных памятников в Интернете.

Рукописное наследие – интеллектуальное и духовное сокровище человечества – должно занять значимое место в Российском интернет-пространстве, стать действенным фактором формирования социо-культурной среды. Интернет-портал Отдела рукописей нацелен на решение этой задачи [7].

Проект «Русские автографы. Памятники русского письма в собраниях Российской национальной библиотеки», призван в доступной форме, представить материалы, описывающие богатство и многообразие русского кириллического письма, процесс его исторического развития [8].

В электронной библиотеке РНБ выложена большая коллекция оцифрованных изданий, хранящихся в фондах РНБ. Уникальная коллекция материалов, многие из которых сущест-

вуют в единственном экземпляре не только в стране, но и в мире: рукописные и архивные документы, уникальные изографические источники, первопечатные и раскрашенные вручную карты, редкие книги и другие печатные материалы [9].

Другой пример, применение и использование современных компьютерных технологий и программ для оцифровки и работы с архивными документами Санкт-Петербургского института истории Российской Академии Наук [10]. Комплекс программного обеспечения для исследования письменных памятников Vestigium – совместный проект Научно- исторического архива СПб ИИ РАН и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, осуществленный при поддержке гранта РГНФ № 13-01-12010в.

Программный комплекс создан для обслуживания нужд историко-документной экспертизы, основными задачами которой являются: максимально точная датировка и локализация рукописного памятника и его отдельных элементов; установление его подлинности; идентификация создателей памятника в целом и отдельных его элементов; реконструкция процесса производства и бытования памятника.

Происходит также создание тематических сайтов и Интернет-ресурсов по оцифрованным фондам федеральных архивов России. Среди цифровых проектов, реализуемых Федеральным архивным агентством РФ можно назвать создание цифровых тематических Интернет-выставок оцифрованных документов в федеральных архивах России [11]. Осуществляется оцифровка ведомственных и негосударственных архивов. Архив Министерства обороны России [12]. Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге [13].

На сайте «Документы Советской эпохи» в настоящий момент выложены следующие материалы:

Электронные копии документов, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории:

- более 300 тысяч электронных копий документов из фондов Политбюро (1919–1932 гг.) и фонда И.В.Сталина (1866-1996 гг.),

- «Электронный архив Коминтерна» содержит 240 тысяч записей в базе данных и 1 миллион 600 тысяч электронных копий документов из фондов «Архива Коминтерна», осуществляющийся под эгидой Международного совета архивов и Совета Европы. Доступ к этой базе данных и коллекции оцифрованных образов всеобщий и бесплатный;

- около 242 тысяч электронных копий документов из фонда Государственного комитета обороны (ГКО) периода Великой Отечественной войны [14].

В электронной библиотеке на сайте «Документы Советской эпохи» выложены также архивные справочники и сборники исторических документов [15].

Генерал Власов: история предательства, сборники документов в двух томах. Открытый архив – 3: Справочник исторических документов, опубликованных в отечественной журнальной периодике в 1900–2000 гг.

Справочник представляет собой указатель архивных и историко-документальных публикаций, увидевших свет на страницах отечественной журнальной периодики за 100 лет (1900–2000 гг.). Здесь сведена воедино информация о разбросанных по отечественным журналам публикациях архивных документов, воспоминаний, а также фото и других исторических материалов. Справочник снабжен научно-справочным аппаратом (именным, предметным, хронологическим, географическим и другими указателями), облегчающими поиск опубликованных документальных первоисточников по теме, предмету, историческому лицу или хронологическому периоду исследования.

Документы Президиума ЦК КПСС. 1954-1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления.

Опубликованы рассекреченные документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории и Архива Президента Российской Федерации о деятельности высшего партийно-государственного органа СССР – Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1959-1964 гг. Третий и завершающий том является документальным дополнением к первому тому, где были опубликованы черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, которые вел заведующий Общим отделом ЦК КПСС В.Н.Малин, и стенограммы его заседаний. В настоящем томе публикуются постановления Президиума ЦК КПСС по беловым протоколам заседаний этого органа и другие документы, обсуждение которых нашло отражение в черновых и стенографических записях. Публикуемые документы – ценный исторический источник для изучения важного периода в истории СССР, эпохи глубоких реформ в различных областях жизни советского общества, связанных с именем Н.С. Хрущева.

Второй том является документальным дополнением к первому и включает в себя документы Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1954-1958 гг. Здесь опубликованы черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, постановления Президиума ЦК КПСС и другие документы.

Также в электронной библиотеке Федерального архивного агентства на портале Архивы России выложена переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654-1764 гг.: сборник документов. Сборник посвящен истории русско-украинских отношений в период от вхождения Украины в состав Московского государства, до ликвидации института гетманства в правление императрицы Екатерины II. Первый выпуск серии посвящен гетманству Б.М. Хмельницкого после Переяславской рады 1654 г. Публикуемые документы отражают сложный комплекс взаимодействий между российской властью и верхушкой Войска Запорожского, другими слоями украинского общества середины XVII века на фоне внешнеполитической ситуации в Восточной и Юго-Восточной Европе. Часть документов сборника публикуется впервые, многие переизданы заново, спустя более столетия после их последней публикации, в соответствии с требованиями современной археографии [16].

Значительный интерес представляет Справочник исторических документов, опубликованных в отечественной журнальной периодике в 1900–2000 гг. В нем сведена воедино информация о разбросанных по отечественным журналам публикациях архивных документов, воспоминаний, а также фото и других исторических материалов. Справочник снабжен научно-справочным аппаратом (именным, предметным, хронологическим, географическим и другими указателями), облегчающими поиск опубликованных документальных первоисточников по теме, предмету, историческому лицу или хронологическому периоду исследования [17].

Подводя итоги рассмотрению основных современных тенденций цифровых публикаций письменных исторических источников, можно отметить следующее:

- в настоящее время идет процесс оцифровки фондов крупнейших федеральных и ведущих библиотек России;
- начато создание цифрового фонда Национальной электронной библиотеки (НЭБ);
- активно оцифровываются рукописные фонды (отделы рукописей) ведущих национальных библиотек России;
- создаются тематические сайты и Интернет-страницы на основе уже оцифрованных фондов письменных исторических источников;
- разрабатываются и создаются базы и банки данных письменных источников в архивах и библиотеках;
- предпринимаются попытки разработать единые или общие стандарты оцифровки исторических источников, но этот вопрос находится пока в стадии обсуждения и разработки проектов в научном сообществе историков, архивистов и библиотекарей.

Если говорить об особенностях оцифровки письменных исторических источников, то тут нужно отметить, что на сегодняшний день преобладают документы, посвященные Великой Отечественной войне и революции 1917 года.

Таким образом, все программы и проекты по оцифровке письменных источников носят ведомственный характер, так как осуществляются отдельными научными, научно - просветительскими и культурными учреждениями нашей страны. В научной литературе и в историографии данная тема и направление научных исследований еще ждет своего полного освещения, обобщения и изучения, это дело ближайшего будущего. В настоящий момент в лучшем случае рассматриваются отдельные аспекты или сюжеты, посвященные современным тенденциям цифровых публикаций письменных источников.

Библиографический список

1. Максим Горький (1868–1936) // Коллекции Президентской библиотеки URL: <https://www.prilib.ru/collections/761714> (дата обращения 06.05.2018).
2. К.Э.Циолковский (1857–1935) // Коллекции Президентской библиотеки URL: <https://www.prilib.ru/collections/1040826> (дата обращения 06.05.2018).
3. «1918 год» // Коллекции Президентской библиотеки URL: <https://www.prilib.ru/collections/761615> (дата обращения 06.05.2018).
4. Президентская библиотека / Новые поступления URL: <https://www.prilib.ru/recent> (дата обращения 06.05.2018).
5. Ежегодные отчеты // Издания Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина URL: https://www.prilib.ru/publication_reports (дата обращения 06.05.2018).
6. Лаборатория кодикологических исследований Отдела рукописей РНБ URL: <http://nlr.ru/manuscripts/ob-otdele/laboratoriya> (дата обращения 06.05.2018).
7. XXI век: рукописное наследие и новые информационные технологии/Отдел рукописей РНБ URL: <http://nlr.ru/manuscripts/ob-otdele/istoriya-otdela/2-article/10300-xxi-vek-rukopisnoe-nasledie-i-novye-informatsionnye-tehnologii> (дата обращения 06.05.2018).
8. «Русские автографы» / Отдел рукописей РНБ URL: <http://expositions.nlr.ru/rusautograph/> (дата обращения 06.05. 2018).
9. Электронная библиотека Российской Национальной Библиотеки. URL: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do?menuitem=2&catalog=true (дата обращения 06.05. 2018).
10. Комплекс программного обеспечения для исследования письменных памятников Vestigium/СПБИИ РАН URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/vestigium/> (дата обращения 06.05. 2018).
11. Перечень тематических выставок на портале Архивы России /Федеральное архивное агентство РФ URL: <http://rusarchives.ru/vystavki/perechen-vystavok> (дата обращения 06.05. 2018).
12. Центральный Архив Министерства обороны РФ URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/history.htm (дата обращения 06.05. 2018).
13. Открытый электронный архив Европейского университета в Санкт-Петербурге URL: <http://arch.eu.spb.ru/> (дата обращения 06.05. 2018).
14. «Документы советской эпохи» URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#main> (дата обращения 06.05.2018).
15. Электронная библиотека на сайте «Документы Советской эпохи». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#elib> (дата обращения 06.05.2018).
16. Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654–1764 гг.: URL: <http://archives.ru/library/getmany-1/files/assets/basic-html/page-I.html#> (дата обращения 06.05.2018).
17. Справочник исторических документов, опубликованных в отечественной журнальной периодике в 1900–2000 гг. URL: <http://www.rusarchives.ru/sites/default/files/library/open-archives-3/files/assets/basic-html/index.html#1> (дата обращения 06.05.2018).

Сведения об авторе:

Кунаев Александр Геннадьевич – аспирант Института истории СПбГУ, aleksandr.kunaev@gmail.com

УДК 929.55+903

А.А. Чубур, В.Н. Гурьянов

**ПОСВЯТИВШИЙ ЖИЗНЬ КАМНЮ...
ПАМЯТИ АРХЕОЛОГА БОРИСА ВЯЧЕСЛАВОВИЧА ГРУДИНКИНА
(15.10.1955 - 19.04.2018)**

***Аннотация:** После тяжелой болезни ушел в вечность исследователь каменного века Верхнего Поочья и Подесенья, научный сотрудник Калужского областного краеведческого музея, начальник Окско-Деснинской экспедиции, выпускник кафедры археологии Ленинградского университета Борис Вячеславович Грудинкин. Статья посвящена его биографии и вкладу в историческую науку. Приведена библиография трудов ученого.*

***Ключевые слова:** Грудинкин Борис Вячеславович, Верхнее Поочье, Подесенье, археология, каменный век, некролог, библиография*

Chubur A.A., Guryanov V.N. The Life to Dedicated of Stone... (For memory of archaeologist Boris Vyacheslavovich Grudinkin [10.15.1955 - 04.19.2018])

***Abstract:** Boris Vyacheslavovich Grudinkin a graduate of the Department of Archeology of the University of Leningrad, researcher of the Stone Age and Upper Poochye and Podesenye, a researcher at the Kaluga regional museum, the chief of the Oka-Desna expedition. The article is devoted to his biography and contribution to the historical science. The bibliography of the works of the scientist is given.*

***Keywords:** Grudinkin Boris Vyacheslavovich, Upper Pookje, Podesene, Stone Age, archaeology, obituary, bibliography*

«Никогда не бойтесь совершить то, что не будет вознаграждено. Руководствуйтесь значимостью!»

А.Д. Столяр

Все мы родом из детства. А когда ты родился в таком старинном городе, как Калуга... Да еще живешь на Салтыковке, почти у самой Оки... Да еще неподалеку от старой торговой пристани, где то в реке, то в промоине можно запросто найти старинную монету, медный крестик или перстень, которому уже лет двести-триста, бронзовую пуговку с эмалью или кусок какого-то древнего горшка... Когда история лежит прямо под ногами у мальчишки со светлой во всех смыслах головой, невозможно не отдаться ей. Так и случилось с нашим старым другом, потомком, как сам он говаривал, известного купеческого рода, историком и археологом Борисом Вячеславовичем Грудинкиным. Он ушел от нас в вечность 19 апреля 2018 года, после того как целых четыре года нежданно навалившийся недуг пытался то штурмом, то мучительной осадой сокрушить цитадель его плоти, но так и сломил живший в ней разум и дух, влюбленный в дело всей жизни.

Еще в детстве Боря собрал коллекцию старинных предметов на берегах Оки, по старым подвалам и в поисках таинственного подземного хода, о котором судачили все пацаны, но которого сам, естественно, никто не видел [14]. В коллекцию попадали и предметы из камня, явно оббитые человеческой рукой – и они стали для Бори главной загадкой. Он понял, научиться «читать» древние камни непросто, этому надо серьезно учиться.

В конце 1970-х Борис поступил на подготовительное отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета имени А.А.Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). Почему не сразу на первый курс? Следует напомнить, что в советские времена исторические факультеты считались элитными и попасть на них, было непросто. Это сейчас история непопулярна – все рвутся в менеджеры и чиновники. А тогда конкурс был невероятный, десять и более человек на место, при этом учитывалось наличие у абитуриента рекомендаций партийных органов или структур, отвечавших за идеологическую и иную безопасность. Борису такие рекомендации не светили – не был он ни идейным «комсомольским вожаком», ни «блатным со связями», ни записным «стукачом».

В столичные вузы поступить было еще сложнее, в особенности человеку из провинции. Но шансы резко увеличивались у тех, кто готов был год предварительно отдать обучению на подготовительном отделении. А чтобы попасть туда, нужно было отслужить в армии, проработать хотя бы полгода на рабочей специальности (так «без ущерба для производства» соблюдалось идеологическое требование привлекать в высшую школу определенный партией процент учащихся, набранных из рабочей среды). Впрочем, не одаренным абитуриентам не помогло бы никакое подготовительное отделение. Конкурс был высок, а требовательность приемных комиссий жесткой, если не жестокой. Борис поступил. Был в этом стройном, улыбчивом светловолосом парне дар, искра, была любовь к научному поиску – и это заметили.

Вместе с Борисом на одном курсе учились Майя Тарасовна Кашуба (ныне – старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН), Алексей Анатольевич Ковалев (ставший не только археологом, но и Питерским градозащитником и политическим деятелем), Александр Николаевич Никитюк (сейчас главный археолог г.Нарва, Эстония), Сергей Юрьевич Каргапольцев (теперь – доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета) и другие будущие звезды отечественной и мировой науки, и Борис уже тогда слыл далеко не последним в этой плеяде. Однокурсники помнят его веселым, но не шумным и – многие это подчеркивают - никогда не расстающимся с книгами. Да, Борис всегда читал много и дотошно, на его рабочем столе лежали стопы книг вперемешку с нуклеусами и отщепами, что, как и тщательное рисование каменных орудий, быстро наградило его классическим «совиным атрибутом учёности» - очками с огромными линзами.

Специализироваться Борис Вячеславович стал по кафедре археологии, которой заведовал яркий и неординарный ученый, исследователь каменного века и первобытного искусства д.и.н. Абрам Давыдович Столяр. Его насыщенные драматизмом, образные, яркие лекции запоминались студентам: грустный взгляд с кафедры в аудиторию, и – с легкой меланхолией: «А помните... Два с половиной миллиона лет назад...». И аудитория верила: он – точно помнит. Именно благодаря Абраму Давыдовичу многие влюбились в «науку в науке» - археологию каменного века, где куча костей и расколотого камня прячется порой под многометровым песчаным или суглинистым «балластом». Где маленькое еле заметное пятнышко в культурном слое может скрывать очередной ответ, непостижимый даже для других археологов,

**Борис Вячеславович Грудинкин
(1955-2018)**

(фото Романа Беспалова, 2010 г.)

снимающих слой лопатой, а не ножом, совком и кистью. Где только-только первобытный гений придумал керамику, но никто еще понятия не имел о металле. Где нет никакой письменности, эпичной истории князей и королей, городов и замков...

Ленинградские истфаковцы помнят, как мудрый, но озорной Абаня (так любя называли А.Д. Столяра меж собой студенты), увлекая за собой в доисторическое прошлое, потрясал на лекции ашельским ручным рубилом, словно заправский ранний палеоантроп. Именно такие рубила вместе с архаичными клэктонскими отщепами Борис Грудинкин спустя два десятилетия найдет в осыпях на территории своей родной Калуги, почти в самом ее центре. Найдет их там впервые в истории [6; 9]. И неожиданно столкнется с неверием и непониманием многих коллег по археологическому цеху. Часто людям, вне зависимости от ученых степеней и их социального статуса, проще бывает рубануть с ходу «Так не бывает!», чем попытаться вникнуть в проблему. Так уже бывало с открывателем питекантропа доктором Эженом Дюбуа, так было и с Марселино де Саутуолой, вместе с дочкой увидевшим нарисованных быков на сводах пещеры Альтамира... Бори уже нет. Дискуссия продолжается [18]. Но рубила – вот они, в первой витрине зала археологии Калужского краеведческого музея. След тех безымянных пращуров, кто их сделал когда-то. И след того, кто их нашел, возвратив человечеству из небытия. Но все по порядку.

С мамой. Ленинград, 1979 г.

Первые раскопки – на практике после первого курса, в составе академической экспедиции под руководством сотрудницы ЛОИА АН СССР, кандидата исторических наук Антонины Владимировны Давыдовой – летом 1981 года. Поселение хунну Дурёны в далёкой Бурятии. Это была и возможность повидать страну, проехав по ней с запада на восток и обратно, и освоить методику раскопок, и проверить себя. Боевое крещение во всех смыслах. Самым страшным испытанием оказались, не степное солнце, не физические нагрузки, а...

Музейная практика в Киеве, 1982 г.

комары. В лагере и на раскопе их были тучи, к укусам этих местных насекомых организм не у всех смог адаптироваться (не забудем – это было в нескольких тысячах километров от дома, в другой части света, а слова «аллергия» в те годы медицина еще практически не знала). Уже к середине экспедиции на теле и даже на лице, на месте нечаянно расчесанных укусов образовались незаживающие болезненные язвы. Для кого-то романтика полевых иссле-

дований на этом свидании с комарами и закончилась бы. Но не для Бориса. Он стоически перенес испытание, но страсти своей не изменил, оставшись верным полевой археологии до последнего вздоха и даже после смерти (согласно завещанию Бориса, прах его был развеян родными и друзьями над Окой и Люботским городищем, где он последние годы искал следы древнейших наших родичей по эволюционному древу гоминид).

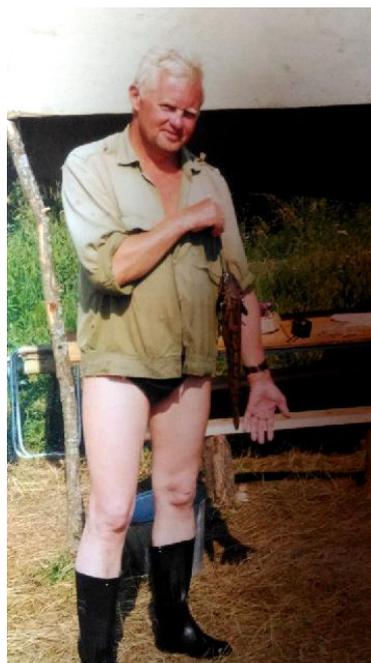
Первая экспедиция. Дурёны, Бурятия, 1981 г. (фото А.Н. Никитюка)

Более того, может быть именно эта история с комарами помогла Борису преодолеть себя и приучить организм обходиться в полевых условиях минимумом удобств, которому позавидовали бы и спартанцы. Он, словно сумел найти ту гармонию с миром, в которой тысячами жила изучаемые им далекие предки. Научился дружить с природой и уметь принимать её помощь в любых непростых ситуациях. Этому отношению к миру он учил и тех, кто волею судьбы и расписания учебных полевых практик принимал участие в его экспедициях. Пил ледяную ключевую воду и с удовольствием совершал в ней омовения, тогда как у других зубы сводило от одной этой картины (а зимой любил купаться в снегу или в ледяной проруби). Разбирался в ягодах, грибах, лекарственных растениях – и в полевых условиях, не доверяя фармахиму, успешно лечил подопечных то настоями на водке, то отварами. На раскопе следил, чтоб под тщательно заточенные «под нож» лопаты (получалась идеальная зачистка, земля читалась как раскрытая книга) не попадала живность. Даже дождевые черви и «противные» личинки жуков не были исключением: «они живые, а жизнь можно отнимать только при необходимости, а не ради развлечения». Ловя в Оке руками налимов и раков, он отпускал обратно в реку всех самок, чтоб продолжали «плодиться и размножаться». Так, по его мнению, жили тысячи лет назад изучаемые им люди неолита и мезолита – иначе выжить у них просто не было бы шансов. В поле он стал настоящим «робинзоном», первопроходцем, но вовсе не монахом. Никогда не курил, но мог себе позволить выпить вечером с друзьями на научной конференции или в экспедиции за обсуждением итогов дня. Интеллигентно, без nepотpeбствa, разве что котa в закусочной по соседству с музеем мог тайком попотчевать валерьянкой со словами: «А что ж, нам можно, а ему – нельзя?»

Мы уже говорили, что, несмотря на знакомство в первой экспедиции с древностями хунну (и это был соблазн – уйти в азиатскую степную античность: яркие находки и памятники, быстрая карьера), Борис не сменил цель, выбрав в археологической науке иную стезю, идти по которой решались немногие – каменный век. При этом ему удивительным образом удавалось оставаться энциклопедистом: фраза Козьмы Пруткова о том, что «специалист по-

добен флюсу – полнота его односторонняя» явно не про Бориса. Зная камень, Грудинкин прекрасно разбирался и в керамике разных эпох, в античной и средневековой истории и археологии, мнение его о вещах ценили даже опытные нумизматы, фалеристы, бонисты, коллекционеры металлопластики и антиквары. Недаром уже в начале 2000-х гг., Борис вместе с одним из авторов статьи вошел в список аттестованных экспертов «Росохранкультуры».

Окончил истфак ЛГУ Б.В. Грудинкин летом 1985 года. Мог поступить в аспирантуру и продолжить карьеру в городе, оспаривавшем лавры культурной и научной столицы у Москвы. Однако, как и мечтал, вернулся в Калугу, где при меньших возможностях для академической карьеры, было на порядок больше шансов сказать свое слово в полевых исследованиях.

Зимой и летом - в гармонии с миром...

(из архива Р.А. Беспалова и из семейного архива)

До первой половины 90-х он преподавал студентам - историкам археологию и историю древнего Востока, а летом на базе своей экспедиции вел полевые археологические практики. Однако главным местом работы Бориса стал Калужский областной краеведческий музей. Приезжая в Калугу на очередную конференцию мы, часто, первым делом заходили не в главный корпус, а во флигель, и по скрипучей крутой деревянной лестнице поднимались на второй этаж, где среди стеллажей, у светлого окошка стоял рабочий стол Бориса...

Первые самостоятельные археологические разведки Борис провел еще студентом, на четвертом курсе (1984 г.) получив свой первый Открытый лист на поиски каменного века в Калуге и окрест. Во время этих весьма результативных разведок были открыты несколько неолитических стоянок (Зеленый Крутец, Желыбино, Некрасово, Сивково, Боровая, Квань, Ромодановские Дворики, Висляево и др.) и ставшая гордостью Бориса мезолитическая мастерская Калуга, раскапывавшаяся потом в течение нескольких последующих лет (вскрыто 128 кв.м., что для памятника каменного века немало). С этого года – и на всю дальнейшую жизнь – и любимая с детства торговая пристань стала для Бориса объектом уже вполне научных исследований и наблюдений и нередко упоминается в его отчетах и публикациях.

Неолитический отряд Калужской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (начальник – Б.В. Грудинкин) начал поиски каменного века в «белом пятне», лежащем прямо у региональной столицы – в Калужско-Алексинском каньоне. Этот суженный

Борис искренне любил малую родину, и еще поступая в вуз, рассчитывал вернуться, чтобы уже как специалист изучать калужские древности. Впереди было изучение каменного века верхнего Потоцья, на тот момент представлявшего собой, в значительной степени, белое пятно на археологической карте первобытной эпохи.

Специалисты, да ещё и столь редкой профессии, как археолог, да еще с дипломом второго по статусу в СССР Ленинградского университета считались «штучной продукцией», а уж вернувшиеся в родные пенаты... Борис Грудинкин стал ассистентом кафедры истории Калужского госпединститута им. К.Э.Циолковского.

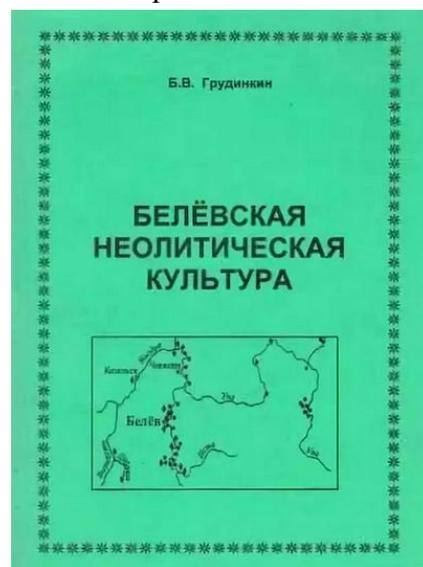
глубокий участок долины Оки, прорезанный в толще известняков, длиной 53 км между Калугой и Алексиным, сформировался около 200.000 лет назад в результате прорыва талых ледниковых вод [11]. До 1989 г. отряд в лице Бориса и его учеников и соратников тщательно изучал каньон, продвигаясь вниз по течению Оки. Удалось выявить десятки памятников не только мезолитического и неолитического, но и более позднего времени – от эпохи бронзы до средневековья. Несколько пунктов имели явно палеолитический облик.

Именно в результате исследований в каньоне Борис пришел к мысли, что выделенная некогда для Верхнего Поочья археологом А.Я. Брюсовым Белёвская неолитическая культура [4] зародилась как раз на этом отрезке течения Оки. Поскольку в эти самые годы Белёвская культура была категорично упразднена московскими археологами [15], Б.В. Грудинкин поначалу хотел назвать выявленные им верхнеокские материалы неолита Калужско-Алексинской археологической культурой. Но в итоге решил (отчасти и в пику москвичам – будучи воспитанником Ленинградской школы) сохранить историческую преемственность и окрестил калужский неолит по-прежнему, по-Брюсовски – Белёвской культурой, наполнив термин новым содержанием. Некоторые исследователи решили демонстративно не замечать публикаций Грудинкина, некоторые восприняли новую-старую культуру в штыки. Были и те, что заинтересовались. Но лишь близкие друзья понимали, какой титанический труд стоит за дискуссионными выводами калужского археолога.

Можно много спорить насчет бытия-небытия Белёвской культуры, тем более определение и содержание самого понятия «археологическая культура» поныне служит предметом нескончаемых дискуссий. Однако следует признать: верхнеокские материалы не идентичны деснинским, хотя и близки, особенно ромбоямочным орнаментом на горшках. Так что проблема тут не в выделении особых черт (что не просто, особенно при отсутствии полных форм сосудов и некачественном кремневом сырье верхней Оки в сопоставлении с прекрасным деснинским меловым кремнем), а в том, где граница дефиниций самостоятельных культур и локальных вариантов одной культуры. Вернувшего из небытия в

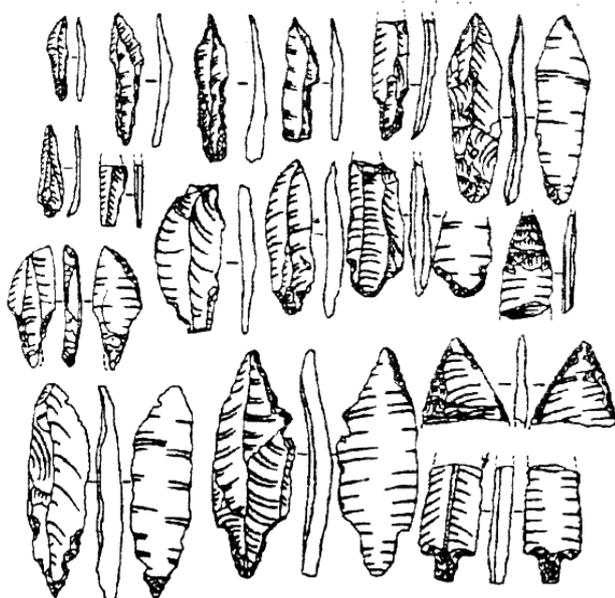
зону научных дискуссий белевскую культуру Бориса Грудинкина теперь нет с нами, а споры о ней, благодаря археологу, долгие годы отстаивавшему свой взгляд на верхнеокский неолит, продолжатся. Сам Борис частенько говаривал: «За Белёвскую неолитическую культуру меня везде бьют, и только в Белёве меня за нее любят». В Белёве и встретился уроженец этого старого города академик В.Д. Никишов, который заинтересовался темой и помог издать первую и единственную авторскую монографию Б.В. Грудинкина [7]. Книга увидела свет в издательстве Московского государственного университета леса в 2004 г. и стала подведением итогов 20-летних исследований по неолитическому направлению. Даже для тех ученых, кто полагает белёвскую культуру симулякром, книга служит великолепным сводом памятников Калужского и Тульского неолита, местами даже более подробным, чем столичная серия «Археологическая карта России» [12], которую, кстати, дотошный Борис не раз жестко критиковал за неполноту данных и ошибки.

С 1990 г. при продолжении планомерных разведок в каньоне, основной акцент исследований переносится на запад Калужской области, в верховья крупного притока Десны – р. Болва. Тогда же отряд Грудинкина получает окончательное название: Окско-Деснинская экспедиция Калужского областного краеведческого музея (КОКМ). В сотрудничестве с ди-

ректором Кировского историко-краеведческого музея А.А.Бауэром и археологом Г.В. Кропачевым в течение 1990-1995 гг. Борис организовал разведки и стационарные раскопки в Кировском районе Калужской области. В процессе работ он выявил 20 новых памятников (Прудки 1-5, Нагорное 1 и 2 и др.), датирующихся периодом от финального палеолита до эпохи бронзы включительно [5]. Параллельно с раскопками под Кировом ежегодно шли разведки в Суворовском районе Тульской области (Лихвин), под Калугой и в иных точках. Так, в 1995 г. поиски у Чертова городища принесли следы верхнего палеолита.

Особо привлекло внимание Бориса Вячеславовича поселение Нагорное 1, где раскопками за три года было изучено 306 кв.м. культурного слоя. Материал оказался смешанным, но основная масса находок (многие образовывали тонкий, но ясный горизонт обитания, размытый кверху процессами натурации) была закономерно отнесена Борисом к песочноровской мезолитической культуре, характерной для Деснинского региона. По прошествии времени можно по-новому оценить материалы Нагорного 1, к которым Борис не раз возвращался в статьях. Памятники типа Песочный Ров теперь считаются финальнопалеолитическими и влились в аренбургскую археологическую культуру [16].

Кремнёвые наконечники стрел с поселения Нагорное 1. Рисунок Бориса Грудинкина

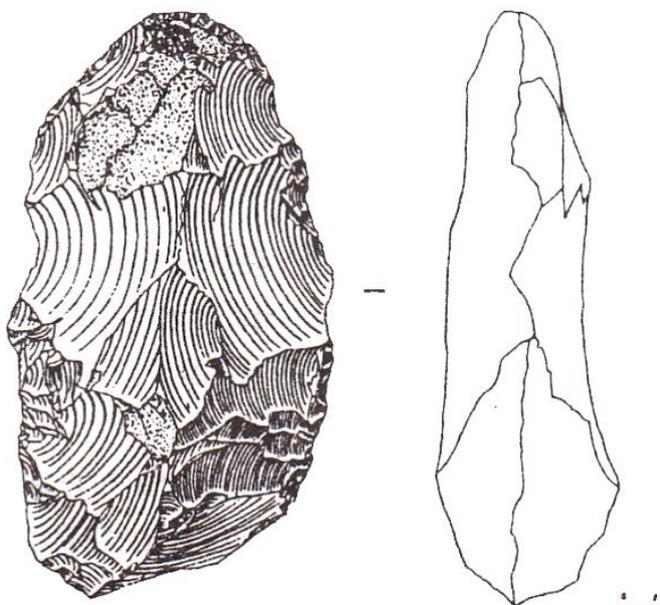
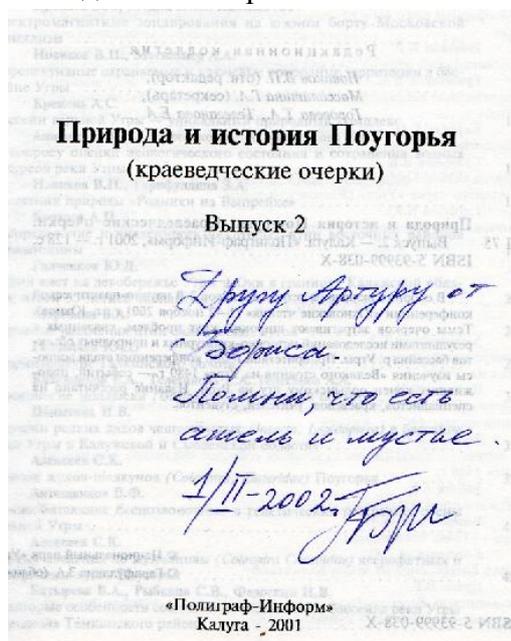
Есть в находках и действительно мезолитическая фракция – изделия на хорошо огранных пластинах, в том числе черешковые наконечники стрел с подправкой с брюшка: это культура, названная А.Н. Сорокиным заднепильевской (взамен упраздненной им же бутовской) [16]. Были раскопаны также стоянки Прудки 3 (вскрыто 55 кв.м.), Прудки 4 (вскрыто 225 кв.м.) и поселение Прудки (вскрыто 20 кв.м.), также отнесенные Б.В. Грудинкиным к мезолиту. Невзирая на смешанность материала, Нагорное 1 поныне – наиболее исследованный памятник финального палеолита и мезолита в бассейне верхней Десны. Он нуждается в развернутой публикации, в которую вошли бы в совокупности статьи, выводы, оценки Бориса Вячеславовича, а также материалы его отчетов и архива, в совокупности с современным восприятием материала. Остальные памятники каменного века верховьев Болвы тоже заслуживают полноценного введения в научный оборот.

Почему так получилось с публикацией? Зная не только Бориса, но и каждого из нас, представителей археологического цеха, можно утверждать: не хватало времени – оно уходило на обширные полевые исследования и составление научных отчетов в Институт археологии по их результатам. Не сдашь отчет – не получишь Открытый лист. Бег по кругу. Когда требуется тщательно прорисовать кремль (а рисунки педанта и аккуратиста Грудинкина отличались отменной скрупулезностью и точностью), становится некогда думать о солидных публикациях – всё откладывается на потом. Коллеги приехали на конференцию – надо гостеприимно встретить (а Борис иначе и не мог, и поутру перед заседанием успевал еще раз забежать в гостиницу с презентом – бутылочкой холодной минералки или тоника), обязательно пообщаться о проблемах, идеях, достижениях (иначе «скиснешь в собственном соку» как ученый). А еще ведь есть семья, и ей тоже нужна толика внимания: ситуация, когда жена ревнует не к студенткам, а к каменюкам и чертежам на столе – типовая проблема в семьях археологов.

В течение последующих трех лет Борис Вячеславович участвовал в раскопках Троицкого городища в Любутске под руководством своего младшего коллеги по музею, специалиста по средневековой керамике Игоря Вячеславовича Болдина, отрабатывая собственную методику поисков палеолита под культурным слоем городища. Он рассчитывал выйти на не переотложенный природными процессами раннепалеолитический слой. День за днем долбил лопатой засыхающий суглинок на изнуряющей жаре, но... Отщепы и невыразительные изделия попадались, а культурного слоя не было. Еще один «подход к снаряду» Борис предпринял в последние годы. Считал, что нашел ашельские изделия (и, похоже, это так), но культурный слой вновь ускользнул. Рано или поздно он будет найден – и пусть нашедший, кем бы он ни оказался, вспомнит тогда имя первоходца, скромного и трудолюбивого провинциального археолога, на плечах которого он поднялся к открытию.

Участники конференции 2006 г. Спасо - Преображенский Воротынский монастырь. Слева направо: А.А.Чубур, Б.В.Грудинкин, А.В.Кашкин

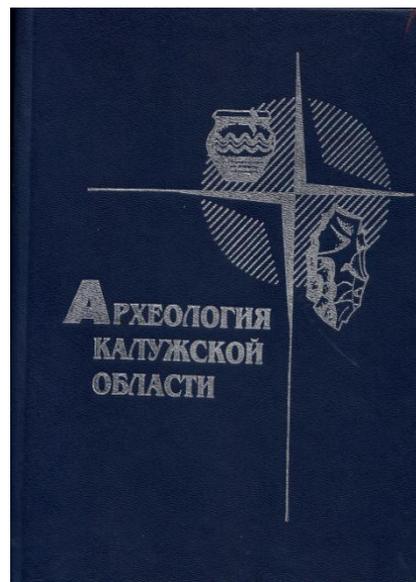

Ашельское рубило с территории Калуги (рисунок Б.В.Грудинкина)
Дарственная надпись Б.В.Грудинкина на титульном листе научного сборника.

В конце 1990-х Борис Вячеславович, в силу самодостаточности не стремившийся к титулам, степеням и званиям, под давлением друзей (включая авторов), начал работу над кандидатской диссертацией, прикрепившись к Отделу палеолита (Институт истории материаль-

ной культуры РАН, Санкт-Петербург). В работе планировалось впервые охарактеризовать каменный век Верхней Оки. Фрагменты первой версии диссертации Борис включил в коллективную монографию «Археология Калужской области» в виде 2-х ее глав (порядка сотни страниц) [3]. Научным руководителем стал новый зав.отделом палеолита ИИМК Владимир Иванович Тимофеев, сам завершавший работу над докторской.

Однако в Питере текст стали громить: «Откуда у вас на верхней Оке палеолит? Там его никто не находил!» «Архаичный облик отщепов ничего не доказывает!» «Какая еще Белёвская неолитическая культура? Этот термин принадлежит истории!» «Это не артефакты, а щебень!» Выяснилось, что результаты многолетних разведок Грудинкина малоизвестны – сказался наметившийся разрыв между академической и провинциальной археологией. Больше всего претензий вызвала глава о палеолите. Причина была проста: Грудинкин знал материал, поскольку сам собирал его в каньоне, под Тарусой, на Жиздре, оппоненты же кремня не видели, а когда Борис привозил артефакты на суд коллег, внятных заключений не следовало, поскольку вместе с явными изделиями он прихватывал в качестве контекста кучу сомнительных кремней. Изделия были палеолитические, просто из некачественного местного кремня. Но дьявол крылся в ином: все открытые Борисом местонахождения были пока нестратифицированные, то есть переотложенные, без культурного слоя, который можно датировать естественнонаучными методами. Последствия бурной геологической истории региона. А к таким памятникам палеолитоведы нынче относятся с большой долей скепсиса, поскольку не раз и не два обжигались на формально-типологической датировке. Поддерживали Бориса его научный руководитель и пожилой, но неутомимый искатель следов неандертальцев д.и.н. Николай Кузьмич Анисюткин (его поговорка: «Покажите мне ваш регион – и я найду вам мустье»). Последний счел аргументы диссертанта столь убедительными, что отправился с ним на поиски среднего палеолита в Тульскую область.

С дочкой у врат музея (семейный архив)

Друзья, включая и нас, и В.И.Тимофеева, пытались уговорить Бориса убрать из диссертации спорный раздел о палеолите, действовавший на некоторых палеолитоведов как красная тряпка на быка, и смело выходить на защиту. Белёвская культура была обоснована типологически, выделялась далеко не по одному-двум памятникам, чем порой грешат палеолитоведы, и серьезной помехой не стала бы. Но надо было знать характер Бориса. Мягкий и добродушный Боря в случае давления на него превращался сначала в «резиновый мячик» (чем сильнее жмешь – тем сильнее пружинит), а затем – в каменную плиту, которая скорее разлетится вдребезги от удара, чем прогнется. Вот как пишет о нем наш общий друг и его ученик – археолог, историк и талантливый журналист, а ныне – главный редактор калужской областной газеты

«Вести» Юрий Расторгуев: «Борис Вячеславович и в науке, и на работе в краеведческом музее, и по жизни был человеком неуступчивым. Слово «компромисс» - это не про него. Он упорно отстаивал свою точку зрения, считая ее единственно верной, не мог промолчать, даже когда от этого многое для него зависело. Может быть, именно поэтому он так и не защитил кандидатскую диссертацию, имел непростые отношения с коллегами и очень сложные с Институтом археологии РАН. А кому-то из начальственных особ Грудинкин однажды даже послал письмо с вызовом на дуэль» [13].

А 8 августа 2004 года случилось непоправимое: трагически погиб, сбитый прямо у дома лихим автомобилем, Владимир Тимофеев. Отдел палеолита лишился руководителя и перспективного яркого ученого, Борис потерял научного руководителя и близкого друга. С тех пор предстоящая защита диссертации самим Борисом упоминалась чем дальше – тем реже, а для нас, его дружеского окружения, тема по молчаливой договоренности стала закрытой, первыми её старались не затрагивать. А ведь до сих пор досадно и обидно: работа была научной, а не наукообразной, написанной на базе собственных многолетних исследований – полная противоположность многим «диссерам» (особенно чиновной братии), защита которых ныне поставлена ушлыми менеджерами от науки на поток. Впрочем, спустя поколение про регалии забудут, останется значимое.

Раскопки на Вашане, 2001 г.

Вернемся к неандертальцам. Пять лет (1999-2003) Н.К.Анисюткин (ИИМК РАН) и Б.В.Грудинкин (КОКМ) вели совместные исследования в Алексинском районе Тульской области. Как обычно во время разведок Бориса, было открыто много памятников мезолита и неолита и даже несколько местонахождений предположительно верхнепалеолитического кремня – последние прямо на пашне возле д. Абрютино и Ботня на р.Вашана. Однако основные работы сосредоточились вблизи д. Соломасово на возвышенности, именуемой аборигенами «Лысой горой» (огромный массив известняка, прорезанный оврагами и карстом). На эту местность дал наводку алексинский уфолог С.В.Зверев, искавший среди осыпей и карста одному ему понятные следы палеоконтактов и стоянок залётных НЛО, а нашедший в результате древние кремневые отщепы и фрагмент настоящего ручного рубила. Заложённые шурфы и раскопы показали наличие двух памятников. Первого, получившего название «Вашана», перекрытого тремя метрами грунта позднепалеолитического – с каменными орудиями и костями бизона и северного оленя [2]. И второго – «Лысая гора» – среднепалеолитического, с выраженными ашельскими чертами, переотложенного, по типологии изделий – с возрастом сто, а то и двести тысяч лет [1]. Выходит-таки прав был Борис насчет древности и наличия верхнеокского палеолита, а столичный «консилиум мудрецов» перестраховался?

Коль мы вспомнили про алексинского уфолога, то следует поведать еще об одной стороне деятельности Бориса Вячеславовича. Он стойчески терпел поток сознания про спрятанные в пещерах летающие тарелки, про наскальные рисунки, поднимающие мужскую потенцию, про слои кремня на орудиях, якобы сплавленные особой высокотемпературной сваркой. Но когда на раскоп зачастили ведуны, неоязычники и экстрасенсы, а в СМИ появились интервью уфолога, компрометирующие экспедицию (то, якобы «УАЗик» у них телепортировался, то выяснялось, что ученые ищут след контакта с инопланетянами и ждут рождения

василиска), случился скандал. Обращение Бориса в «Российскую газету» в защиту науки – крик души, мы тоже его подписали. А вскоре его резкая, злая, но честная и наполненная аргументированной критикой статья появилась на страницах калужской областной газеты.

Борис ненавидел лженауку во всех проявлениях. Он не мог молчать, видя, как псевдонаучные фантазии проползают, благодаря сколь малообразованным, столь и амбициозным авторам, на страницы краеведческих изданий, число которых растет не по дням, а по часам, множа ложь и профанацию вместо знания. Многие наполненные беспочвенными фантазиями краеведческие опусы получили от него жесткие и бескомпромиссные научно выверенные рецензии в прессе. Это был методически грамотный подход: газеты население до сих пор читает, а значит и мнение ученого, и антиреклама диффамации научного знания имеет шанс дойти до населения. Доставалось и фантазиям о злом граде Козельске, и мифам об исцеляющих святых камнях, и фантазиям о цивилизации вятичей. Борис не требовал от авторов невозможного: всего лишь научной достоверности и уважения к фактам [8;10].

Интересно, что настоящие краеведы, любящие историю малой родины, а не себя в этой истории, мнение Бориса уважали и им дорожили. Спокойной рассудительностью, эрудицией и педантичностью он был способен даже примирить разбушевавшуюся «краеведческую общественность» и некоторых археологов, не сумевших внятно донести до оной общественности свою точку зрения. «Совсем другое дело - работы калужского учёного Бориса Грудинкина. В них «всё разложено по полочкам», всё научно обосновано и нет ничего от лукавого» - писал, к примеру, провинциальный краевед и журналист Валерий Цветков [17]. Не часто, но писал Борис и просветительские научно-популярные материалы в газеты – о правовых нормах охраны культурного наследия, об истории исследований калужской археологии, о новейших открытиях в этой области и просто о былых временах.

Слева: Историки Б.В.Грудинкин, И.Н.Некрасов и Р.А.Беспалов. г.Белёв, 2004.Справа: На археологических разведках в Белёвском р-не Тульской обл., Новая Гастунь, 2005. (из архива Р.А. Беспалова)

С 2004 по 2010 гг. наступает «Белёвский» период исследований. Б.В.Грудинкин участвовал в четырех Белёвских чтениях памяти протоиерея М.Ф.Бурцева, каждое лето приезжал на разведки. Среди его давних связей в «Белёвском культурном гнезде» были историки-

краеведы И.И.Некрасов (ныне тоже покойный), Е.Р.Барбашов, Р.А.Беспалов; директор Белёвского краеведческого музея и писатель В.Я.Греков; художник В.А.Гришин.

Весной 2006 г. приезжал Борис и в Брянск – поучаствовать с авторами в рекогносцировочных разведках и посетить Юдиновскую палеолитическую стоянку, знаменитую жилищами из костей мамонта. А весной 2008-го, собравшись дома у одного из авторов, несколько дней вычитывали, правили и попутно рецензировали новую Борину книжку «Древнейшее прошлое Белёвского края», к сожалению так пока и не увидевшую свет.

На разведках в Погарском районе Брянской обл. (слева В.Н.Гурьянов, справа Б.В.Грудинкин) и в Брянском краеведческом музее у композитного скелета мамонта (из архива авторов)

С 2011-го и вплоть до первого удара недуга, Грудинкин продолжал работы не только на Люботском городище (где продолжал искать «главное рубило» своей жизни), но и в других точках Калужской и Тульской области, в частности в Лихвине и на р. Угра, открывая и нанося на археологическую карту все новые поселения каменного века.

Да, Борис немало смог сделать, но многое о чем мечтал – не успел. Это, на самом деле, грозит всем без исключения творческим людям. Слишком много хотим от жизни, которая всегда коротка. Не получилось найти хорошо сохранившуюся стоянку, а на ней палеолитическую Венеру и бивень мамонта с гравировкой. Но его след и в науке, и в жизни и без того ярок и неповторим: интересные открытия, включая самый древний палеолит Среднерусской возвышенности, почти сотня интересных, содержательных, достойных публикаций, три десятка отчетов на вечном хранении в научном архиве Института археологии РАН. Наконец, Боре в заслуги вменяется и замечательная дочь Настенька (очень любимая папой, становившимся так непривычно, так трогательно сентиментальным, когда говорил о ней), пошедшая по стопам отца на истфак и уже получившая диплом историка... А еще Борис оставил нам всем много тепла, доброты и участия, которые непрерывно исходили от него исподволь, даже когда он бурчал в чью-то сторону своё привычное и загадочное: «А, опять чеховские персонажи...» - и трудно было понять, кроется в этом бурчании сарказм или, наоборот, скрытая похвала, а может быть и то, и другое в одном ему известных пропорциях.

Со временем понимаешь: главная беда человека вовсе не в отсутствии личного бессмертия. Собственная смерть досадна, но не страшна: как говорил античный философ Эпикур «Пока я есть – ее нет, а когда она придет – меня уже не будет». Куда хуже неожиданное осознание того, что вовсе не вечны твои близкие и друзья. И с их уходом окружающий мир вдруг начинает становиться дырявым, и дыры эти, оказывается, в принципе ничем заполнить невозможно. И их с годами не становится меньше. Прощай, Борис. Мы будем вспоминать твои шутки и улыбаться, брать с полки твои работы и морщить лоб, пытаюсь доделать то, что ты не успел... И при этом старательно, очень старательно думать, что ты всё еще неподалёку, просто именно сейчас очень занят, и только потому не звонишь, не пишешь и не выходишь встретить приехавших гостей, поднимающихся по скрипучей лестнице...

* * *

Авторы искренне благодарят за помощь в работе над библиографией и за фотоматериалы Анастасию Волкову (Грудинкину), Романа Беспалова, Юрия Расторгуева, Александра Никитюка.

Список опубликованных трудов Бориса Вячеславовича Грудинкина

1. Грудинкин Б.В. Памятники каменного века в г. Калуге и окрестностях // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 1-й Калужской историко-археологической конференции. - Калуга, 1986. С. 11-12.
2. Грудинкин Б.В. Исследования памятников неолита в Калужской области // Археологические открытия 1985 года. - М.: Наука, 1987. С.64.
3. Грудинкин Б.В. Раскопки кремнеобрабатывающей мастерской в г. Калуге // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 2-й историко-археологической конференции. - Калуга, 1987. С.19-20.
4. Фролов А.С., Грудинкин Б.В., Прошкин О.Л., Станюкович А.К. Работы Калужской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. - М.: Наука, 1988. С.96-97.
5. Грудинкин Б.В. Стоянки каменного века Калужско-Алексинского каньона // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 3-й историко-археологической конференции. - Калуга, 1989. С. 17-19.
6. Грудинкин Б.В. Памятники эпохи камня в бассейне р. Неручь // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 4-й историко-археологической конференции в Калуге. - Калуга, 1991. С. 9-10.
7. Грудинкин Б.В. Геоморфология Калужско-Алексинского каньона и памятники археологии // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 5-й историко-археологической конференции. - Калуга: Типограф, 1993. С.13-16.
8. Грудинкин Б.В. Мезолитические памятники близ деревень Бакеевка и Прудки Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.1 - Киров, 1993. С. 6-7.
9. Грудинкин Б.В. Эпоха камня на Верхней Оке // Бюллетень РНИА «Верхнее Поочье». №1. - Калуга, 1993. С.8-10.
10. Грудинкин Б.В. Работы Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 1993 года. - М., 1994. С.88-89.
11. Грудинкин Б.В. Новые данные о каменном веке в бассейне Верхней Оки // Историко-культурное наследие, памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (Материалы научной конференции). - Рязань, 1994. С.74-76.
12. Грудинкин Б.В. Каменные топоры и кремневые орудия в окрестностях Воротынска // Древний Воротынск и его окрестности. - Калуга, 1995. С.3-7.
13. Грудинкин Б.В. Стоянка и селище близ д. Слеведовка // Древний Воротынск и его окрестности. - Калуга, 1995. С.8-12.
14. Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 1994 года. - М., 1995. С.88.
15. Грудинкин Б.В. Культурная адаптация в эпоху камня на Верхней Оке // Материалы краеведческих чтений к 75-летию Тульского областного краеведческого музея. - Тула: РАРУС, 1995. С.28-30.
16. Грудинкин Б.В. Поселения каменного века на левых притоках Верхней Десны // Деснинские древности: Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. - Брянск, 1995. С.33-35.
17. Грудинкин Б.В. Культурное своеобразие в бассейне Болвы в эпоху камня и бронзы (по материалам Окско-Деснинской экспедиции) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч. 2. - Киров, 1995. С.6-8.
18. Грудинкин Б.В. Орнаментация керамики неолита бассейна Верхней Оки // Родная старина: Материалы 1-й научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области (Калуга, 18-19 ноября 1994 г.). - Калуга, 1995. С.12-16.

19. Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 1995 года. – М.: ИА РАН, 1996. С.122-123.
20. Грудинкин Б.В. Древнейшие археологические памятники на территории г. Калуги // Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги. – Калуга, 1997. С.21-23.
21. Грудинкин Б.В. Сезонное функционирование поселения Нагорное в Кировском районе//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 1. – Киров, 1997. С.27-29.
22. Грудинкин Б.В., Чубур А.А., Буланкин В.М. Сведения о находках верхнеплейстоценовой фауны на территории Орловской, Тульской, Калужской и Рязанской областей России // Труды Рязанского исторического общества. Вып 1. –Рязань, 1997. С.10-26.
23. Грудинкин Б.В. Заселение бассейна Верхней Оки в эпоху камня//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции 17-18 апреля 1997 г. – Калуга: Гриф, 1998. С.5-7.
24. Грудинкин Б.В. Керамическое производство на Верхней Оке // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: Материалы VI научной конференции. 21-22 апреля 1998. – Липецк: ЛГПИ, 1998. С.7-10.
25. Грудинкин Б.В. Находки предметов металлопластики в Калуге // Сквозь века. – Калуга, 1999 . С. 67-68
26. Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. – Калуга: Гриф, 1999. – 376 с.
27. Грудинкин Б.В. Ашельское местонахождение в г. Калуге // Калуга в шести веках. Материалы 3-й гор. краевед. конф. – Калуга: Полиграф-Информ, 2000. С. 22-26.
28. Грудинкин Б.В., Ткаченко В.А. Монетные находки с торговой пристани г. Калуги // Калуга в шести веках: Материалы 3-й гор.краевед.конф. – Калуга: Полиграф-Информ, 2000. С.27-37.
29. Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 2000 года. – М.: ИА РАН, 2001. С.61-62.
30. Грудинкин Б.В. Памятники палеолита на притоках реки Угры // Природа и история Поугорья. Краеведческие очерки. Вып.2. – Калуга: Полиграф-Информ, 2001 С.110-111.
31. Грудинкин Б.В. Каменные орудия с городища Маламахово // Боровск: страницы истории. № 3. – Боровск, 2001. С.64-65.
32. Грудинкин Б.В. Назначение орнамента неолитических сосудов//Родная старина: Материалы II и III научно-практических конференций по проблемам сохранения и развития фольклора. – Калуга: Фридгельм, 2001. С.76-82.
33. Грудинкин Б.В. Посуда и орнамент эпохи неолита // Родная старина: Материалы II и III научно-практических конференций по проблемам сохранения и развития фольклора. – Калуга: Фридгельм, 2001. С.83-89.
34. Грудинкин Б.В. Стоянки каменного века Козельского района Калужской области // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края: Козельские краеведческие чтения. Вып. 3-4. – Калуга: Полиграф-информ, 2001. С.3-11.
35. Грудинкин Б.В. Фигурный камень с городища Троицкое 1 (Любутск) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной научной конференции 17-19 марта 1999 г. – Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой. 2001. С.24-26.
36. Грудинкин Б.В. Проблемы и перспективы изучения палеолита Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21-23 марта 2001 г. Ч.I. – Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С. 90-103.

37. Грудинкин Б.В. Новые местонахождения и стоянки каменного века в бассейне р. Болвы // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4, ч. 1. – Киров, 2002. С.34-36.
38. Грудинкин Б.В. Новые материалы со старой торговой пристани в Калуге // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4, ч. 1. Киров, 2002. С.37-38.
39. Грудинкин Б.В. Памятники верхнего палеолита в бассейне Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции 25-27 марта 2003 г. – Калуга: Гриф, 2003. С. 89-102.
40. Грудинкин Б.В. Новые памятники палеолита на территории г. Калуги // Калуга в шести веках: Материалы 4-й городской краеведческой конференции. – Калуга, 2003.
41. Грудинкин Б.В. Изучение каменного века на притоках верхней Угры // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Вып. 3. – Калуга, 2003. С.79-81.
42. Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки в Калужской и Тульской областях // Археологические открытия 2002 года. – М.: ИА РАН, 2003. С.113-114.
43. Грудинкин Б.В. Скрепки поселения Нагорное-1 // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 5. – Киров, 2004. С.6-12.
44. Грудинкин Б.В. Проблемы изучения белевской неолитической культуры // Белевские чтения. Вып.4. – М.: МГУЛ, 2004. С.63-79.
45. Грудинкин Б.В. Белёвская неолитическая культура. М.: МГУЛ, 2004. – 130 с.
46. Грудинкин Б.В. Торговая пристань г. Калуги // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы VI научной конференции 28 февраля-3 марта 1995 года. – Калуга: Изд-во Н.Ф. Бочкаревой, 2004. С. 17-23.
47. Грудинкин Б.В. Поселение ранней бронзы на озере Ленивое // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5-7 апреля 2005 г. – Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С. 34-38.
48. Грудинкин Б.В. Проблемы в изучении неолита Верхнего Поочья // Белёвские чтения. Вып.5. – М.: МГУЛ, 2005. С.187-191.
49. Грудинкин Б.В. Изучение белёвской неолитической культуры // Клио. 2005. №3(30). – СПб. С.91-99.
50. Грудинкин Б.В. Новые памятники археологии Козельского района Калужской области // История. Культура. Духовность: 5-6-е Козельские краеведческие чтения. – Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С.11-18.
51. Грудинкин Б.В. Разведки в Калужской и Тульской областях // Археологические открытия 2004 года. – М.: ИА РАН, 2005. С.122-123.
52. Грудинкин Б.В. Памятники каменного века близ деревни Захарьино Мосальского района // Природа и история Поугорья. Вып. 4. – Калуга, 2006. С.172-175.
53. Грудинкин Б.В. Новые материалы с памятников на протоках Верхней Оки // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 года). – Липецк, 2006. С.296-298.
54. Грудинкин Б.В. Исследования в Калужской и Тульской областях // Археологические открытия 2005 года. – М.: ИА РАН, 2007. С.133-134.
55. Грудинкин Б.В. Палеолитическое местонахождение около д. Некрасово // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всероссийской научной конференции 3-5 апреля 2007 г. – Калуга: Полиграф-Информ, 2008. С. 88-91.
56. Грудинкин Б.В. Оборона Козельска: мифы и реальность // Песоченский историко-археологический сборник. – Киров, 2008. Вып.6. С.5-13

57. Грудинкин Б.В. Новые материалы по эпохе камня и бронзы долины Жиздры // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края: 7-е Козельские краеведческие чтения. – Козельск, 2008. С.3-8.
58. Грудинкин Б.В. Поселение Хрящ // Бурцевские чтения. Вып.1. Материалы конференции «VI Белёвские чтения» 2 декабря 2006 г., г.Белёв. – Тула: Гриф и К, 2008. С.8-13.
59. Грудинкин Б.В. Поселения около д. Болобоново Дзержинского района // Природа и история Поугорья. Вып. 5. – Калуга, 2009. С. 156-161.
60. Грудинкин Б. В. Новые материалы с памятников археологии Белёвского района Тульской области // Бурцевские чтения. Вып.2. Материалы конференции «VII Белёвские чтения» 20 декабря 2008 г., г.Белёв. – Москва: Маска, 2010. С.113-119.
61. Грудинкин Б.В. Неолитические стоянки г. Калуги // Калуга в шести веках : материалы 8-й городской краеведческой конференции. – Калуга: Полиграф-Информ, 2011. С.193-198.
62. Грудинкин Б.В.Разведки и раскопки Окско-Деснинской экспедиции в бассейне Верхней Оки // Археологические открытия 2008 года. – М.: ИА РАН, 2011. С. 131-132.
63. Грудинкин Б.В.Разведки Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 2009 г. – М.: ИА РАН, 2013. С.92-93.
64. Грудинкин Б.В. Комплекс поселений около д. Воронино // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XV Всерос. науч. конф., посвященной 400-летию Дома Романовых и 250-летию адмирала Д. Н. Сенявина. – Калуга : Фридгельм, 2013. - С.11-15.
65. Грудинкин Б.В. Новые материалы стоянки Турынинские Дворики // Калуга в шести веках : материалы 10-й гор. краевед. конф. – Калуга: Эйдос, 2015. С.187-196.
66. Грудинкин Б.В. Комплекс поселений близ д. Желыбино // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XVI Всерос. науч. конф., посвященной 535-летию Великого Стояния на Угре и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Калуга, 5-7 апр. 2015 г. – Калуга, 2015. С.86-96.
67. Грудинкин Б.В.Разведки и раскопки в Калужской и Тульской областях в 2011-2012 гг. // Археологические открытия 2010-2013 гг. – М.: ИА РАН, 2015. С.168-169.
68. Грудинкин Б.В., Нестерова Л.А. Первые результаты радиоуглеродного датирования глиняной посуды Белёвской археологической культуры // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тысячелетия до н.э / Государственный Эрмитаж; Институт истории материальной культуры РАН; Самарский государственный социально-педагогический университет. – Смоленск, 2016. С.203-204.
69. Грудинкин Б.В. Геоморфология долины р. Угры и памятники каменного века на её берегах // Природа и история Поугорья, Вып.8. – Калуга, 2016.
70. Грудинкин Б.В. Изучение палеолита на р. Угра // От села Кондырево до города Кондрово / Материалы 3-й районной краеведческой конференции 6-7 ноября 2014 г. – Калуга, 2016. С.6-10.

Некоторые публикации Б.В. Грудинкина в периодической печати (в т.ч. рецензии)

1. Грудинкин, Б. И не сотри следы былых времен... // Весть. 1995. - 18 янв
2. Грудинкин, Б. Новые памятники археологии Козельского района // Козельск. 2003. - 2 дек.
3. Грудинкин, Б. Мифы нашего времени // Весть. 2007. - 29 марта. С.10. [Рецензия на книгу хвастовичского краеведа В.Гусарова "Вятичи - мои предки", Калуга: "Гриф", 2007].
4. Грудинкин, Б. Клады: кто ищет, тот найдет? // Знамя в семье. 2007. - №22. С. 4, 12.
5. Грудинкин, Б. Козельск: продолжение мифа // Весть. 2008. - 31 янв. С.25. [Рецензия на книгу В.Пухова "Древнерусские малые города"].

6. Грудинкин, Б. "И бысть брань люта зело" // Калужские губернские ведомости. 2008. - 10 апр. (№4). С.17
7. Грудинкин, Б. В плену фантазий // Калужские губернские ведомости. 2009. - 19 марта. С.17. [Отзыв на книгу Веденина В.Л. Трагедия "Злого города": Козелеск, Козельск, Лихвин? - Калуга: Золотая аллея, 2008].
8. Грудинкин, Б. Чем фантазии отличаются от гипотез // Весть. 2011. - 10 февр. С 18еремышльской засеки. Козельск - ловушка для Батыя? Неужели "крада великая"?
9. Грудинкин Б.В. Калуге 350 тысяч лет? // Калужская неделя. 2011. - 30 июня, №25. С.25.
10. Грудинкин, Б. Сказки Киплинга на угодский лад // Весть. 2011. - 25 авг. - С. 9, 24 / [Рецензия на книгу Александра Ульянова "История Угодского края". Отмечены многие примеры отсутствия научной достоверности].
11. Грудинкин Б. Каменный юбилей // Весть. 2014. - 25 сент. - С. 12.
12. Грудинкин Б.В. Краеведение? Крайнее неведение // Весть. 2014. - 23 окт. - С. 11.
13. Грудинкин Б.В. Еще раз о законе // Правовой курьер – Калуга. № 8. 2016. - 17 марта. С.16.
14. Грудинкин Б. Найдены у деревни Некрасово // Весть. 2017. - 13 янв. С.27.
15. Грудинкин Б. А могла бы называться калужско-алексинской... К 70-летию изучения белёвской неолитической культуры // Весть. 2017. - 8 дек. С.27.
16. Грудинкин Б. Калужане эпохи камня // Калужские губернские ведомости. 2018. - 26 янв. С.27.
17. Грудинкин Б. Судьбоносный комок глины // Калужские губернские ведомости. 2018. - 22 февр. С.15.
18. Грудинкин Б.В. Достижения каменного века // Калужские губернские ведомости. 2018. - 30 марта. С.26.

Соавторы публикаций Б.В. Грудинкина (имена и география)

Болдин И.В. (Калуга), Буланкин В.М. (Рязань), Ефимов А.Е. (Тула), Массалитина Г.А. (Калуга), Нестерова Л.А. (Санкт-Петербург), Прошкин О.Л. (Калуга-Москва), Станюкович А.К. (Звенигород), Ткаченко В.А. (Калуга), Фролов А.С. (Москва), Хохлова Т.М. (Калуга), Чубур А.А. (Брянск).

Библиографический список

1. Анисюткин Н.К. Новые данные к проблеме первоначального заселения человеком территории "лесной зоны" в центре Русской равнины // Археологические вести №17, 2011. С.20-32.
2. Анисюткин Н.К., Лисицын С.Н. Стоянка Вашана - памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене - раннем голоцене. отв.ред. М.Г.Жилин. – М., 2007. С.134-148.
3. Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. – Калуга: Гриф, 1999. – 376 с.
4. Брюсов А.Я. Белевская неолитическая культура // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып.16. – М.-Л.: АН СССР, 1947.
5. Грудинкин Б.В. Поселения каменного века на левых притоках Верхней Десны // Деснинские древности: Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск, 1995. С.33-35.
6. Грудинкин Б.В. Ашельское местонахождение в г. Калуге // Калуга в шести веках. Материалы 3 гор. краевед. конф. – Калуга: Полиграф-Информ, 2000. С. 22-26.
7. Грудинкин Б.В. Белёвская неолитическая культура. – М: МГУЛ, 2004.
8. Грудинкин Б.В. Чем фантазии отличаются от гипотез // Весть. - 2011. - 10 февр. - С. 18
9. Грудинкин Б.В. Калуге 350 тысяч лет? // Калужская неделя. - 2011. - 30 июня, №25. - С. 25
10. Грудинкин Б.В. Краеведение? Крайнее неведение // Весть. - 2014. - 23 окт. - С. 11

11. *Есипов В.П.* Калужско-Алексинский каньон р. Оки. Геология и экология // Бюллетень РНИА «Верхнее Поочье». – Калуга, 1993. – С. 6-8
12. *Кашкин А.В., Краснов Ю.А., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Фролов А.С.* Археологическая карта России. Калужская область. – М: ИА РАН., 2006. - 310 с.
13. *Расторгуев Ю.* Прощание с матерым. Памяти Бориса Вячеславовича Грудинкина // Калужские губернские ведомости. 2018. - 4 мая. - С. 26
14. *Слободяник Е.* Охота пуще неволи // Весть. 2005. - 22 апр. - С. 12
15. *Смирнов А.С.* Неолит верхней и средней Десны. - М., 1991. – 144 с.
16. *Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. – М.: Гриф и К, 2008. – 327 с.
17. *Цветков В.* История Козельска не прекращает будоражить умы // Наш город (Козельская городская газета). – 2015. – 23 июня.
18. *Чубур А.А.* Первоначальное заселение человеком Среднерусской возвышенности: к постановке проблемы // Успехи современного естествознания. 2007. № 7. С. 7-11.

Сведения об авторах:

Гурьянов Валерий Николаевич – начальник отдела научных исследований Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, Начальник курганного отряда Брянской древнерусской экспедиции gurian032@yandex.ru

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

Рецензии

УДК 943.085.2

С.В. Артамошин

РЕЦ. НА КН.: БАРИНОВ И.И. АЛЬФРЕД РОЗЕНБЕРГ. ЖИЗНЬ КАК МИФ. – М., 2017. – 376 с., илл.

Аннотация: Статья посвящена анализу биографии Альфреда Розенберга, написанной И.Бариновым.

Ключевые слова: И. Баринов, А. Розенберг, национал-социализм

Artamoshin S.V. Book review: Barinov II Alfred Rosenberg. Life is like a myth. - M., 2017. - 376 p., Ill.

Annotation: The article is devoted to the analysis of the biography of Alfred Rosenberg, written by I.Barinov.

Key words: I. Barinov, A. Rosenberg, National Socialism

История национал-социализма в Германии – это отдельная история истории, которая является предметом интереса огромной массы исследователей. Конечно, можно сказать, что предмет научного интереса оказал мировое воздействие на все человечество, его можно уподобить черной чуме, которая поражала человеческое тело в разных частях света. Однако целенаправленное стремление части исследователей к демонизации политического явления, которое уже на протяжении многих лет находится во владениях Клио, во многом объясняется политической конъюнктурой, которой выгодно сохранять несохраненное. Тень нацизма уже давно пересекла Стикс. Мировая историография основательно погрузилась в глубины данного политического феномена XX века, чтобы ответить на вопросы об его возникновении, целях, средствах и итогах. История политического движения – это всегда история людей, которые реализуют на практике политические установки, являются исполнителями политических целей. Ведь именно человеческий фактор предаёт написанным чернилами идеям реальность свершившегося события. Человек может, как усиливать, так и уменьшать степень исполнения политических установок режима, чему история национал-социализма в Германии может представить много примеров. Герой рецензируемой монографии не входит в их число. Скорее можно говорить о нем, как о теоретическом мифологе, но ничтожнейшем, с точки зрения функционализма, практике, книжном теоретике, стремящемся к практической деятельности, но не способном сохранить свои властные функции в конкурентной борьбе с другими ведомствами и их руководителями. В отличие от руководящего состава нацистского государства Альфред Розенберг, также как и его противник Йоахим фон Риббентроп, не избалованы вниманием исследователей, хотя Розенбергу повезло больше. К его биографии исследователи в Великобритании, Финляндии, США и Германии достаточно обстоятельно обращались, стремясь рассмотреть его вклад в формирование нацистской идеологии, так и практическую деятельность в области внешней политики и руководства Министерством по восточным оккупированным территориям. Выход в свет монографии кандидата исторических наук Игоря Баринова позволяет проследить некоторые новые аспекты жизненного пути Альфреда Розенберга.

И. Баринов уделил большое внимание изучению родословной Альфреда Розенберга, в микродеталях стараясь уточнить родственные связи, местопроживание своего героя в Риге в

период обучения, переезд и завершение обучения в Москве. Действительно, данные аспекты оказывались эпизодически упомянутыми в других исследованиях, что позволило автору восполнить пробел в ранней биографии Розенберга. Автор подчеркивает цель своего исследования, которую можно назвать «перезагрузкой» биографии Розенберга: «отталкиваясь как от достижений моих предшественников, так и от значительной массы сохранившихся документов, в попытаюсь «пересобрать» и «переоткрыть» одного из отцов-основателей национал-социализма, шаг за шагом структурируя его личность с учётом тех обстоятельств, в которых он находился, при этом не отрываясь от них»[2. 19]. Исследователь стремился представить книгу «не как простое жизнеописание, а как документальный фильм на бумаге, в основе которого будет лежать реконструкция жизни и деятельности Розенберга» [2. 20]. Следует указать, что автор уделил огромное внимание именно раннему периоду жизни нацистского идеолога, так как представления о нем у предшествующих биографов была достаточно поверхностным. Обращение автора к различным архивным фондам Латвии, Эстонии, Германии, Бельгии и России позволили ему детально реконструировать ранний период жизни Розенберга, его студенчество, а также рассмотреть родственные связи. Этому посвящена треть книги (глава 1). Баринов И. детально рассматривает места проживания Розенберга в Латвии и Москве, периоды его перемещений, родословную фамилии и родственные связи, знакомства и первый брак. Это действительно ново и оригинально.

На страницах книги А. Розенберг предстает разносторонним человеком, увлекавшейся не только философской литературой, но и серьезно интересовавшимся живописью и домашними животными. Это сближало его с Гитлером, который также был художником и рядом с которым всегда были собаки[2. 55,57]. Автор отмечает замкнутость его как человека, стремление к наблюдению со стороны за политическими процессами, чем участвовать в них, его склонность к поддержанию семейных связей и помощь родственникам[2.46]. Большое внимание автор уделяет национальной идентификации Розенберга, делая вывод о том, что его следует понимать как балтийца, имевшего в своем роду корни различных народов, но идентифицировавшего себя в германской культурной среде[2. 45,52]. Эта тенденция к конструированию германской отчизны, по мнению автора, была характерной чертой чужаков и сближала Гитлера и Розенберга в их стремлении стать германцем в Германии[2. 69].

Баринов И. стремится постичь духовный мир А. Розенберга для понимания того, насколько интеллектуальное влияние книжной среды способствовало оформлению его мировоззрения, а что оказалось под воздействием политических событий, в которые он оказался вовлечен. Автор полагает, что Первая мировая война и русская революция послужили отправной точкой негативного восприятия России[2. 68]. Причем автор успешно опровергает утверждение о раннем антисемитизме Розенберга, усиленным русской революцией и ролью евреев в большевистском аппарате, особенно в карательном органе террора ВЧК. Это отражается в первых публикациях будущего идеолога[2. 85]. Также автор считает недостоверными утверждения о большевистских симпатиях раннего Розенберга[2.104].

В своей книге автор обосновывает утверждение о том, что роль А. Розенберга в истории национал-социализма выражается в идеологическом обосновании нацистской политики, являясь сторонником и защитником нацистской идеи [2. 12, 13]. И. Баринов утверждает, что «на примере Розенберга мы можем видеть не только то, к чему может привести одержимость идеей. В его биографии, как в капле воды, отразились все перипетии и характерные черты того времени, в котором он оказался – времени перехода к «тотальным государствам» и принципиально новой, глобализованной реальности. В каком-то смысле для Розенберга национал-социализм, который он считал «ответом на вопрос нашего столетия», на самом деле

стал отчаянной попыткой зацепиться за прошлое, где мир, как казалось, был прост и понятен» [2. 344-345].

И. Баринов убедительно показывает стремление Розенберга к расширению своих властных полномочий по различным вопросам, в которых он считал себя более компетентным, чем другие члены партии. Так, он изначально представлял себя экспертом по России и Восточной Европе, русской революции 1917 г. и большевизму, а также по идеологическим вопросам и внешнеполитической концепции партии [2. 193]. Однако по мере укрепления нацистской партии и усиления ее роли в Веймарской республике, а особенно после прихода к власти, розенбергские претензии были решительно оспорены другими руководителями нацистского движения. Автор демонстрирует постепенное падение политической роли Розенберга в поликратическом нацистском государстве. И. Баринов представил портрет нацистского идеолога на фоне эпохи, показав, как маргинальные личности приобретают вес в условиях партийной политической системы, насколько их увлеченность мировоззренческой идеей способна послужить оружием политической борьбы, приведя к трагическим последствиям для человечества.

Знакомясь с книгой, каждый читатель надеется утолить свой интерес, как в общих, так и в частных вопросах. Личности радикальных движений вызывают желание полемизировать с отдельными утверждениями автора, возможно, указать на некоторые ошибки. обстоятельная биография А. Розенберга также не лишена определенных огрехов, на которые нам хотелось бы указать. В своем, в общем-то, оправданном стремлении уточнить белые пятна, в своей увлеченности деталями автор доходит до мельчайших уточнений, при этом упуская общую картину событий. Рассматривая «борьбу компетенций», И. Баринов пропускает сюжеты политического поражения Розенберга во всех битвах полномочий. Его склочный характер привел к тому, что у него не было политических союзников, чтобы бороться с кем-то или дружить против кого. С ним никто не хотел иметь дела, и самое грустное состояло в том, что ему даже не подчинялись его собственные подчиненные, например, Э. Кох.

Нам представляется совершенно невозможным исключить из анализа биографии нацистского идеолога главное – фундаментальный манифест нацистской философии истории «Миф XX века». И. Баринов отмечает, что его положение изложено в одной из англоязычных работ, поэтому он считает излишним повторять данный анализ в биографии. К сожалению, читатель далеко не всегда в состоянии прочесть сочинение Розенберга на немецком, готическим шрифтом, а тем более разобраться в нем, поэтому осознанное игнорирование анализа книги является, на мой взгляд, существенным недостатком. От нацистской картины мира остаются оторванные лепестки, по которым нельзя создать общего представления о нацизме как явлении. Остаются только общие клише, которые можно найти в общих работах, не отягощающих себя стремлением понять смысл.

Следует указать на ряд полемических суждений, на которых следует остановиться отдельно. Одним из важным пропагандистских толчков послевоенного антисемитизма стало появление в Германии «Протоколов сионских мудрецов», которые легки в основу концепции мирового еврейского заговора. Автор позволил себе опереться на достаточно своеобразную книгу Н. Кона и утверждать, что русская эмиграция, прежде всего, офицеры Белого движения привезли ее в Германию [2. 147-148]. При этом в тексте совершенно не упоминается имя С. Нилуса и его книга «Близ есть при дверях», где протоколы были опубликованы. Это выглядит по меньшей мере странно, как забвение имени Нилуса вообще. К тому же, Мюллер фон Гаузен издал книгу «Протоколы мудрецов Сиона» под псевдонимом «цур Беек», а созданное им еще до войны общество называлось «Обществом по борьбе с влиянием евреев», а не «Союз против еврейской заносчивости» [2. 148]. Более подробно этот сюжет изложен на-

ми[1. 75-76]. Также сюжет отношений немецких правых националистов, не только нацистов, излагается автором, опираясь на известную работу У. Лакёра. Нам представляется, что и У. Лакёр, и, вслед за ним, И. Баринов, представляют себе историю взаимоотношений немецких правых и национал-социалистов и русской эмиграции достаточно схематично, не стремясь выявить нюансировку контактов и степень их основательности, ограничиваясь громкими именами, подчеркивающимися существующее взаимодействие. В отношении концепции У. Лакёра следует иметь в виду его стремление показать четкую преемственность антисемитизма, даже игнорируя различную политическую практику Российской империи и Германии. Подход У. Лакёра прост: связать русское правомонархическое движение «Союз русского народа» с зарождением нацистского движения в Баварии, как магистральную линию движения к Холокосту. Натянутость подобного утверждения представляется достаточно явной. Контакты русской эмиграции с немецкими правыми, где нацисты были одной из маргинальных групп в начале 1920-х гг., были эпизодическими.

Полемизировать в отношении нацистской концепции достаточно сложно, в силу того, что автор, как мы уже указывали, дистанцировался от ее изложения. В этой связи могу высказать предположение, что И. Баринов склонен рассматривать нацистское мировоззрение инструментально, как часть пропагандистского ресурса, не имеющего самостоятельного значения, что представляется достаточным упрощением. Оторванные листки нацистского мировоззрения все-таки имели единую картину, понимание которой крайне важно для исследования интеллектуальной стороны вопроса.

В книге присутствуют некоторые утверждения и факты, которые требуют пояснения и уточнения. И. Баринов полагает, что изучение личности и идей А. Розенберга в отечественной историографии произошло совершенно недавно[2. 17]. Это далеко от действительности, так как автор не смог познакомиться с доступными отечественными монографическими исследованиями: екатеринбургского историка В.А. Буханова, который впервые(!!!) в 1991 г. отечественной историографии рассмотрел мировоззрение А. Розенберга, посвятив ему докторскую диссертацию [3.], написанную без коминтерновской идеологии и непродуктивного марксистского подхода. Эта книга, замеченная профессионалами-германистами, была исторической революцией в отечественной историографии национал-социализма. Также упомянем и собственную книгу, посвященную идейным истокам национал-социализма, в которой также впервые в отечественной историографии рассматривались интеллектуальные предшественники, повлиявшие на формирование нацистской идеологии[1.]. Других работ с анализом идеологии национал-социализма в отечественной германистике написано не было. Странно, что автор прошел мимо. Они могли бы помочь И. Баринову как в фактологическом отношении, так и в полемике с авторами.

Следует отметить некоторые ошибки, встречающиеся в книге. Достаточно часто встречаемая ошибка в названии нацистского концлагеря Аушвиц, который именуют по названию польского музея Освенцим[2. 11]. Все-таки исторически верно немецкое название Аушвиц. Автор полагает, что книга Розенберга оказала влияние и ее положения нашли отражение в романе П.Й. Геббельса «Михаэль», [2.12] что достичь было бы достаточно сложно, хотя бы по тому, что роман был опубликован в 1929 г., в то время как «Миф» вышел в 1930 г. Учитывая то, что Розенберг и Геббельс не имели симпатий друг к другу, невозможно предположить, что первый обсуждал свои идеи с гауляйтером Берлина. Непонятно, почему Розенберг назван спикером[2.23], в то время как председателем рейхстага в 1932 г. был Г. Гёринг. Публицист 1920-х гг., придерживавшийся левых взглядов и склонный к политическим разоблачениям, Конрад Гейден почему-то назван «немецким исследователем» [2. 163]. Его работа, вышедшая на русском в 1935 г., представляет собой политический коммунистический пам-

флет, основанный на слухах и домыслах. Совершенно не понятно, о какой ревности со стороны немецких правых к «успехам национал-социалистов» может идти речь в 1921 г.? [2. 180] Скорее следует утверждать обратное – нацисты испытывали ревность к другим правым группам, так как на фоне их деятельности они были абсолютно никому не известны и не интересны. Автор явно заблуждается о политической роли нацизма в начале 1920-х, когда тот старался включиться в правое движение, объединиться с немецкими правыми и представителями «консервативной революции», но без особого успеха. И. Баринов существенно сдвигает временные рамки, утверждая, что в 1924 г. началось сближение Веймарской республики и СССР [2. 206], в то время как договор между странами был подписан двумя годами ранее, в 1922 г. в Рапалло. Странно, почему автор полагает, что первый том книги А. Гитлера, вышедший в 1925 г., является одним из «центральных произведений политической философии нацизма» [2. 206]. В таком контексте можно говорить о втором томе, вышедшем в 1927 г., но ни коем образом о первом томе, который является квазиавтобиографией Гитлера, где политические идеи отсутствуют. Неожиданным выглядит определение расолога, антрополога и евгениста Ханса Фридриха Карла Гюнтера «ведущим расологом нацизма» [2. 214]. Он был конформистом и вписывался в расовую нордическую идею, одним из творцов которой он был, но в нацистской партии никогда не состоял, но имел в качестве учеников значимых функционеров нацизма, таких как П. Шульце-Наумбург и Р.В. Дарре. Следует отметить, что вице-канцлер коалиционного правительства Гитлера-Гугенберга Ф. фон Папен не был предшественником Гитлеру канцлером Веймарской республики [2. 238], так как с декабря 1932 г. по январь 1933 г. пост рейхсканцлера занимал К. фон Шлейхер. Также следует уточнить, что Хорст Вессель не был убит в стычке с коммунистами, а был застрелен в ходе заказного убийства у себя на квартире бывшим коммунистом-уголовником, нанятым коммунистической группой [2. 244].

Высказанные уточнения по отдельным сюжетам книги не снижают сделанной И. Бариновым огромной работы по созданию биографии А. Розенберга на фоне исторических событий. Следует отметить иллюстративный материал, который украсил книгу и содержит массу редких фотографий А. Розенберга разных лет. Можно полагать, что сочинение И.И. Баринова приглашает исследователей к серьезному, детальному рассмотрению нацистской идеологии в ее развитии.

Библиографический список

1. *Артамошин С.В.* Идеиные истоки национал-социализма. – Брянск, 2002.
2. *Баринов И.И.* Альфред Розенберг. Жизнь как миф. – М., 2017.
3. *Буханов В.А.* Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах. 1933-1945. – Екатеринбург, 2013.

Сведения об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. E-mail: artamoshinsv@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: КУРОЧКИН, СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ. РУССКОЕ СЛОВО: СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРА СВАТЪСЛАВЛА, ВНУКА ОЛЬГОВА : ИССЛЕДОВАНИЯ / Ч.1. – КЛИНЦЫ: КЛИНЦОВСКАЯ ГОР. ТИП. - 2015. – 319 с.; ISBN 978-5-88898-531-1 : 300 экз.

Аннотация: Статья посвящена анализу книги С.А. Курочкина, претендующей на статус научного исследования текста и исторического контекста «Слова о полку Игореве». Сделан вывод об антинаучности данного издания, выполненного в ключе «любительской лингвистики», подвергавшейся справедливой и аргументированной критике академиком А.А. Зализняком и другими исследователями.

Ключевые слова: Курочкин, Слово о полку Игореве, любительская лингвистика, лженаука

Chubur A.A. Book review: Kurochkin S.A. Russian word: . Alfred Rosenberg. Life is like a myth. - Klinty, 2016. - 319 p.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the book by S.A.Kurochkin, claiming the status of a scientific study of the text and the historical context of "The Lay of Igor's Campaign". A conclusion is drawn about the antiscience of this publication, performed in the key of "amateur linguistics", which was subjected to fair and reasoned criticism by Academician A.A.Zaliznyak and other researchers.

Keywords: Kurochkin, The word about Igor's regiment, amateur linguistics, pseudoscience

В библиотеку факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета неожиданно поступил довольно объемистый том, судя по заголовку на титульном листе, посвященный памятнику древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Рассылка была сделана автором и в крупнейшие научные библиотеки страны, включая РГБ. Книга сопровождалась просьбой о написании рецензии, необходимой автору для продвижения в печать продолжения своей работы. Ознакомившись с изданием, я понял, что оно действительно нуждается в рецензии, но по совершенно иной причине: работа Сергея Алексеевича Курочкина, автора книги, представляет собой, на мой взгляд, классическую версию провинциального паранаучного «фольк-хистори» с элементами «любительской лингвистики». Это тот самый тип изданий, который активно засоряет ныне в цифровых версиях Рунет, а в бумажном варианте – полки книжных лавок и библиотек, предназначенные еще недавно для нормальной научной и научно-популярной исторической литературы. Обыкновенно подобные издания специалисты откладывают в сторону, не дочитав и первой главы (а порой и первой страницы – часто этого достаточно), и их можно понять. Но книга может попасть и в руки неспециалистов, более того: предполагается ее дальнейшее разращение. Именно поэтому критический анализ содержания необходим. Автора он, конечно, вряд ли остановит, но, может быть, сохранит российским лесам некоторую толщину древесины, а читателям – деньги и, главное, бесценное время на более полезное чтение.

«Слово о полку Игореве» - гениальное произведение, которое не раз привлекало, и не раз еще привлечет внимание исследователей в самых разных областях – истории, этнологии, лингвистике, археологии, литературоведении. Название рецензируемой работы указывает, что автор книги претендует на включение её в данный круг исследований. Похвальна попытка автора изложить свою версию прочтения и компоновки текста «Слова», трактовку взаимоотношений героев поэмы. Однако методы и способы, которыми это делается, вызывают

как минимум недоумение, а результаты большей частью повергают в ступор своей анекдотичностью, часто выходящей за рамки здравого смысла.

Начнем с формальностей, но весьма значимых для любой работы, претендующей на статус исследования (а такой подзаголовок на титуле имеется) и, как следствие, на некую научность. Издание не может считаться научным, если в нем отсутствует элементарный научный аппарат – то есть точные ссылки на использованную литературу и источники в тексте, и, соответственно, список источников и научной литературы (библиография) в конце издания. Так оформляются даже курсовые и дипломные работы студентов, не говоря уже о научных статьях и монографиях. Если научного аппарата нет – издание может быть отнесено максимум к категории беллетристики, но никак не научных исследований. Ведь при отсутствии научного аппарата невозможно понять, какое положение представляет собой авторские гипотезы и соображения, а в чем автор опирается на методологию и результаты работы других исследований, что является чистой воды авторской вымыслом, а где фундаментом служат реально существующие исторические или лингвистические источники. Ничего этого в работе нет, если не считать редких случайных упоминаний каких-то авторов или материалов прямо в тексте.

О стиле изложения тоже есть что сказать. Недопустимыми представляются в научных текстах и жаргонизмы, такие как «прикол», «прикалывались», «лугандон» или «культурой прёт». Ряд пассажей и вовсе оказывается на грани обценной лексики. Такая «дворовая» речь ничуть не украшает текст, и не приближает его к народу, более того – не делает текст понятней, скорее напротив. Не менее неуместны для научного исследования, посвященного событиям почти тысячелетней давности и вставленные то тут, то там почти на каждой третьей странице политические пассажи якобы «на злобу дня», выполненные в том же «дворовом» ключе. Опыт показывает, что уже спустя максимум десятилетие они станут малопонятны даже специалисту по новейшему времени. У каждой социальной страты свой вполне узнаваемый образ мыслей и, соответственно, стиль их изложения: у воровского мира – свой, у подростков в школьном дворе – свой, у научных работников в статьях и монографиях – свой. Их легко отличить. Смещение оных в текстовый винегрет – лишь признак низкой культуры автора и его неуважения к читателю, а значит, занятие контрпродуктивное, ведущее скорее к потере, а не к приобретению читательской аудитории. Язык российской науки – это русская литературная речь, оснащенная соответствующей терминологией и сдержанная в плане эмоциональной нагрузки. Впрочем, подобное порождает подобное, комментируя текст С.А. Курочкина, временами крайне трудно бывает удержаться от язвительных замечаний, за что заранее прошу прощения у благосклонного читателя.

Нельзя не отметить, что порой стиль изложения страдает бессвязностью, напоминающей так называемый «поток сознания». Даже при внимательном многократном чтении таких мест бывает трудно уловить сквозь сумбур авторские логические построения (если они там, конечно, имеются). Как, например, понять следующий пассаж, пытающийся связать воедино славянскую мифологию, сказки Пушкина, иконопись и современную геральдику? (с.234-235). Оказывается, белка, которая грызет орешки в «Сказке о царе Салтане» является на самом деле ящером Яшей из народных обрядовых песен. И одновременно девушкой – потому что, вероятно, Змий-искуситель был женщиной, как и змий, пораженный копием Святого Георгия (похоже, автор неплохо разбирается во вторичных половых признаках пресмыкающихся и белок, определяя их даже по тексту и по картинкам). Но нет, сюжет еще не завершен: под видом дерева (орехового куста?), под которым белка грызет драгоценные орехи, Пушкин сокрыл, по мнению автора, гору Синай. Одновременно дерево является и собственно деревом – точнее ёлкой, изображенной на эмблеме Брянской области (автор величает ее

гербом, но изображение не утверждено российской герольд-коллегией в качестве такового). Наконец, «ядра чистый изумруд» - это, оказывается, пушечные ядра у мортиры на гербе Брянска.

Подобный стиль изложения и аргументации далеко не нов, более того: он традиционен для большинства паранаучных сочинений и характеризуется явлением, именуемым апофенией – немотивированным видением взаимосвязей, сопровождающемся характерным чувством неадекватной их важности [7].

Вторая беда рецензируемой книги – конспирология. Тема «дешифровки» некоего глубинного тайного смысла литературных произведений и исторических источников, тщательно скрываемого от «простых людей» вселенскими зловещими силами (масонами, иллюминатами, «коварным западом») – стезя лжеученых. Конспирологические версии прочтения и компоновки «Слова о полку Игореве» и сказок Пушкина ничего общего не имеют ни с литературоведением, ни с реальной историей и общеизвестными основополагающими историческими фактами и вехами. Автор пытается сочинить собственную историю, которая нравится лично ему, но для реализации такой цели стоило заняться не сочинением псевдонаучных опусов, а созданием добротной художественной литературы в жанре фэнтези – думаю, что автору с его безграничной фантазией это бы прекрасно удалось. Впрочем, даже в такое повествование не стоило бы включать рефреном повторяющиеся пассажи о проходящем сквозь века коварном заговоре выдающихся русских историков – Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Б.А. Рыбакова, Б.Д. Грекова, Д.С. Лихачева против русского народа и его «подлинной» истории (известной, понятное дело, только автору). Художественная конспирология тоже должна иметь разумные пределы и служить увлекательному сюжету, как в книгах Дэна Брауна или Михаила Успенского, иначе она быстро переходит в фазу, называемую обычно совсем иными терминами, к филологии и истории отношения не имеющими.

Конспирологическое мышление удивительным образом фиксирует в текстах «Слова» и русских летописей никому ранее не ведомые превратности восточнославянского этногенеза. Как считает С.А. Курочкин, пострадавшей стороной в этом процессе выступили истинные русские, настоящие язычники. Ими по неясной причине объявлен племенной союз радимичей, члены которого почему-то одновременно являются обитателями «языческой столицы» Чернигова (далее – цитата): «Как только не обзывали радимичей! Радимичи: песхи, пески и -письки? И даже собаки». Вот их-то, несчастных, оказывается, пришедшие крестоносцы, глумясь над светлой русской языческой верой, поделили огнем и мечом на северян, вятичей, кривичей и прочие восточнославянские племенные союзы. В описании этого события, по мнению автора, и состоит основная суть искаженного христианами и подкупленными ими историками текста «Слова о полку Игореве».

Кстати, сам «полк Игорев» по Курочкину вовсе не войско, это название территории по аналогии с «Полком Стародубским» и «Полком Нежинским». Прочитав такое откровение, ждешь переноса места действия древнерусской поэмы век так в XVI-XVII и присвоения Игорю звания атамана или хотя бы есаула, но ничего подобного не происходит: автор продолжает рассуждать о неких додревних светлых языческих временах.

Персонажам «Слова» и летописных текстов в рецензируемой книге не повезло еще больше, чем радимичам. Автор сливает их воедино или режет на кусочки по собственному усмотрению. Так, Олег Гориславич происходит от египетского бога Гора, причем, полученного египтянами от русских язычников вместе с русским же языком. Гор, по мнению автора, происходит от слова «гореть» (в реальности от древнеегипетского hr – небо, высота [6]). Следовательно, «Гориславич» означает «сияющий, светлый, солнечный князь». Болгарский царь Калоян оказывается по совместительству Иоанном Крестителем, в лучших традициях

«Новой хронологии» Фоменко. А вот половецких ханов никаких не было в помине, просто сам Игорь Святославович - это и есть половецкий хан Кончак. А Буй-Тур Всеволод, князь Трубчевский – соответственно хан Гза. Так что сюжет «Слова» заметно упрощается, но начинает отдавать инцестом: получается, что Игорь своего сына женил на собственной же дочери. Академик и автор новой хронологии Фоменко с его «четвертованным» Иваном Грозным [9] в этом месте должен заплакать от зависти.

Два главных бога загадочных «руссов» (такой этнической группы не существовало в природе, была «русь»), которая пишется согласно правилам русской грамматики с одним «с») – Сварог и Рарог. Если со Сварогом в тексте всё более-менее ясно¹, то присоседившийся к нему огненный дух Рарог [12] оказывается в версии Курочкина многоликим – он же Рюрик, и он же – Юрик, а соответственно, Святой Георгий. По мнению сочинителя книги, именно Рюрик-Юрик-Георгий завещал неким «руссам» носить на одежде опознавательный знак в виде полосатой черно-желтой ленты, отличающий их от всех остальных людей. Историки же, в силу научной методологии избегающие эзотерических гипотез и безудержной фантазии, навеваемой порой выпусками новостей, скромно, но уверенно полагают, что лента ордена Св.Георгия, введенного Екатериной II, всего лишь несет на себе основные геральдические цвета российского имперского герба (чёрный двуглавый орёл на золотом фоне), а одновременно цвета черных и золотых полос на гербах дома Асканиев (к которому принадлежала императрица) и герцогства Балленштадт – её родового гнезда [8].

Особенно не повезло касожскому князю Редее, в событиях классической версии «Слова» участия не принимавшего по причине своей смерти в бою более чем за столетие до, но упомянутого вскользь: «...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы касожьскими». Автор в своем обычае излагает параллельно несколько несовместимых меж собой (и с основами лингвистики) версий прочтения имени, считая их при этом равноценными и существовавшими в его реальности. Итак, во-первых Редедя – это Красный Едя (Red Yedy), прообраз знамени коммунистов (об этом прямо говорится в тексте книги, потому прошу не воспринимать как ёрничество рецензента). По совместительству он является князем Владимиром, только не вполне ясно которым: с одной стороны, судя по красному цвету «Рэд Еди» – тем, который Ясно Солнышко, креститель Руси. Но вскоре выясняется, что Мономах в роли Редеди автору не менее симпатичен. Злоключения Редеди на этом не прекращаются: оказывается, его имя несет в себе и таинственный календарный код: по мнению сочинителя «ред-ед-я» - это «ряд единиц (дней) в январе». Поэтому Редедя не только Владимир, но еще и Коляда. Последнее открытие, связанное с неожиданно многоликим персонажем, вовсе обескураживает: содержащееся в его имени «ед-ед» означает почему-то «фе-фе», что, по мнению автора, является двойным символом религии (смею подозревать, что взято это из концовки испанского *auto de fe* – акт веры). Все это перестает быть удивительным, когда встречаешь неоднократно в тексте уверенность автора в том, что все славянские языки, казахский язык и латынь оказывается «взаимопереходящи». Если славянская языковая группа и романо-германская хотя бы входят в одну индоевропейскую языковую семью, то казахский язык относится к тюркским, имеющим совершенно иной генезис. Известно ли об этом автору?

Не только исторические личности, но и историческая география и этнография понесли непоправимый урон на страницах рецензируемого произведения.

В этой области продолжается использование принципов разрекламированной ныне покойным сатириком Михаилом Задорновым так называемой «народной лингвистики», опи-

¹ А вот историкам и лингвистам как раз ясно не всё, так Н.И. Зубов аргументированно утверждает, что в славянском пантеоне божество по имени Сварог вообще отсутствовало, в отличие от Сварожича [4]

рающейся на созвучие или похожее написание слов в разных языках, порой даже не близкородственных. Такие построения в большинстве случаев противоречат совокупности наших научных знаний в области языкознания, но разве это мешает рецензируемому автору? В итоге мы можем узнать из текста, что Сарматия – это Царь-Мать, касоги – жители Косово, а вообще не черкесы, ну а обры (угнетатели славян-дулебов) так названы, поскольку были обритые, безбородые, безволосые. И поговорка «сгинули аки обры» означает: побрились, лик изменился – и словно пропали. Ведь всем известно, что обритый человек совсем иначе выглядит, чем волосатый. Дебри же, следуя мысли автора книги, напротив – место, которое не брито. Древний Дебрянск (нынешний Брянск), выходит, располагался именно в таком, не всегда называемом вслух, месте. Немногим более повезло городу Севску, название которого выведено из словенского «роѣвпо» – «вагинально» (как калька с обсценной версии выражения «очень хорошо»). По мнению автора, наши мудрые предки так обозначили место происхождения русского народа – по принципу «все мы оттуда».

Название «Голливуд», по мнению сочинителя, происходит от разудалого русского напева «хали-гали». Правда, спустя почти сотню страниц, выясняется, что общепринятая связь с деревом-остролистом не отмечена окончательно, поскольку помогает построить словообразовательную цепочку в стиле «испорченного телефона», указывающую, по мнению автора книги, на расположение истинного «высокодуховного» Голливуда: «Остролист – Падуб – Пан-Дуб – Стародуб». Городок Стародуб для автора книги является неким сакральным мировым центром, местом возникновения «Русского мира». Ведь его название связано, по мнению С.А. Курочкина с тем самым мировым древом, осью мира – старым дубом, вокруг коего пушкинский кот ходит по золотой цепи, символизирующей (опять же, по мнению г-на Курочкина, а не Пушкина) русское богатство, противостоящее бумажным американским долларам (которые, вероятно, тоже существовали с начала времён). На звеньях цепи автор книги смог узреть целых 108 имен славянской богини Макоши. Спустя несколько страниц после этой языковой феерии вдруг выясняется, что Голливуд – это еще и Красная Гора (которая, вообще-то, немногим более столетия назад называлась Поповой горой, но это для автора несущественно, такая досадная мелочь неспособна остановить полёт мысли).

С Киевом – столицей древней Руси – С.А. Курочкину тоже все предельно ясно, это показывает еще одна «ретроспективная» цепочка-«испорченный телефон»: Киев – Куйава – Куй ей – Её муж. Все просто, как на стене уборной районной автостанции или в известной русской народной частушке про топор и село Кукуево.

Хотя для топонимических фантазий автор использует ряд наименований населенных пунктов Брянской области, это вовсе не позволяет его произведение отнести к разряду краеведческих, поскольку предлагаемая в книге этимология региональных названий столь же надумана, сколь и другие изыски в области языкознания. Удивляют и попытки придать небольшим брянским деревням статус всемирно значимых географических пунктов.

Этимологические куражи в книге поистине бесконечны: «Вересень» из месяца массового цветения вереска в славянском календаре лёгким движением пера превратился а «месяц веры». А вот слово «католик» выведено вовсе не от латинского «catholicus» («вселенский, всеобщий» – т.е. сторонник веры, утверждённой Вселенским собором), принесенного в русский язык из польского только в XVI веке. По мнению автора, слово чисто русское и идет из глубины тысячелетий: «като лик» значит – «красивое лицо». Бород католические ксендзы не носят, лица их поэтому открыты. Правда «священных» русских блинов католикам именно поэтому не полагается. Ведь «первый блин – комам (богам-волосатикам)» (в этом месте вспоминаем про «дебри»). Анекдотичные комы (в понимании автора книги – проснувшиеся весной медведи, и по совместительству – боги-волосатики), которых почему-то нужно кор-

мить блинами на масленицу (хотелось бы мне издали посмотреть на этот якобы языческий ритуал, если, конечно, найдутся безумцы, решившие воплотить его в реальность хотя бы и ценой собственной жизни) происходят, увы, из книжки Б.А. Рыбакова, в которой академик пытался рассмотреть происхождение веселых праздников «комоедиц», но упорно не желал связывать их с греческим словом «комедия». О серьезных трениях Бориса Александровича с профессиональными лингвистами, мнения которых он часто игнорировал в своих трудах, было известно давно. Конкретно эта странная гипотеза о происхождении комоедиц была подвергнута уничтожающей критике известным археологом и историком Л.С.Клейном [5], но продолжает гулять по страницам неязыческой и псевдоисторической литературы вместе с медведями-комами. С.А.Курочкин тоже не мог пройти мимо «комов» стороной, а работ Л.С. Клейна, видимо не читал, как и многие другие исторические труды. Результат налицо.

Голословны и основанные на «народной лингвистике» и «любительской топонимике» утверждения автора о том, что русский язык якобы является самым древним, давшим основу всем другим языкам Европы, а то и мира. Даже среди славянских языков, возникших как самостоятельное явление только в первом тысячелетии нашей эры, русский язык не является самым древним, как собственно и русский народ, появлению которого предшествовали другие славянские народы и племена. Такой факт ничуть не принижает величия русского народа (как и любого другого народа на Земном шаре), как, впрочем, и длительное время существования ни один народ не делает автоматически великим. Этот путь поисков величия – ложный и, не премину заметить, опасный.

Примеров «народной лингвистики» в рецензируемом произведении еще множество, но пора и честь знать. Это направление лженауки уже было неоднократно подвергнуто развернутой, разгромной и предельно объективной критике лингвистом с мировым именем – академиком А.А. Зализняком [2, 3]. Вряд ли мне удастся добавить что-то более серьезное к сказанному и написанному им.

Немало в тексте книги и банальных фактических ошибок (часто с далеко идущими последствиями). Например, дикое, своенравное, опасное животное – тура – автор почему-то превращает в кастрированного домашнего вола. Но «вол» и «тур» никогда не были синонимами, это прекрасно знают не только лингвисты, но и биологи, и ветеринары. Явно не был кастратом и самый доблестный воин среди Ольговичей – князь Буй-Тур Всеволод, имевший сына по имени Святослав. В имени его есть, конечно, слог «вол», но присутствует он и в имени, например, «Володя», что никак не может связать всех Владимиров с кастрированным скотом.

Так называемая «Шапка Мономаха» на самом деле не имеет к Владимиру Мономаху малейшего отношения, поскольку он жил за 200 лет до ее изготовления, последующего дарения московскому князю ордынским ханом (по иной версии – императором Византии), и последующего придания ей статуса государственного символа (с созданием соответствующей легенды) [1, 11]. Русы или русь – социально-этническая группа вовсе не синонимичная славянам [13], и к тому же, как уже говорилось выше, никогда не писалась с двумя «с» - таковы правила родного языка. Куликовская битва никогда не была синонимом Косовской – даже школьники знают, что это два различных сражения совершенно разных армий, разнесенных хронологически (пусть и всего на 9 лет) и территориально (более чем на полторы тысячи километров). И это лишь отдельные примеры многочисленных случаев, мягко говоря, исторической небрежности, а может быть и некомпетентности автора. Еще одна словесная цепочка объясняет, что немцы придумали слово «ранжир» потому что знали более древнее русское слово «рыжий»: «Рыжий – оранж – ранжир – лестничное наследование». Вот так: это самое лестничное наследование, если согласиться с автором, и было, оказывается, навязано ковар-

ными немцами русским князьям (по всей видимости немецкие суперагенты влияния из еще не существующей даже в проекте Германии присутствовали непосредственно в Любече на княжеском съезде). Комично увидеть и совсем уж неожиданную ссылку на «полемику Скаутского с Энгельсом». После всего прочитанного невольно задумываешься: в первой фамилии опечатка или автор в очередной раз «так видит»?

Жирную точку в оценке рецензируемого произведения ставит даже не последняя его глава целиком, а лишь ее заголовок: «Русское Слово - послание инопланетянам». Как говорится, приехали. Или прилетели. Без комментариев.

Итак, в рецензируемом труде наличествует почти полный спектр признаков паранаучного сочинения, сформулированных и систематизированных известным популяризатором науки А.Б. Соколовым [10]:

Во-первых, автор не является квалифицированным специалистом в областях истории, лингвистики и филологии. За ним не числится ни одной публикации в рецензируемых научных изданиях, имя его фигурирует лишь на сайте «Проза.Ру», давно ставшим прибежищем параученых всех мастей. Однако уже во введении автор с претензией заявляет о том, что его работа еще послужит основой для множества докторских диссертаций.

Во-вторых, список литературы и научный аппарат отсутствуют, редкие отсылки к научным трудам в тексте носят неконкретный характер (например, ограничиваются только фамилией исследователя).

Вольность и небрежность в обращении с фактами и источниками сочетается с чрезмерностью обобщений и безапелляционностью суждений.

В тексте встречаются характерные выражения: «официальная наука», «официальная история» и их смысловые аналоги – антиподы «истинной науки», продвигаемой автором. При этом в течение всей книги не утихают претензии не к конкретным оппонентам (что является нормой для научной дискуссии), а к научному сообществу в целом («заговор учёных», укравших у русского народа подлинную историю и настоящий язык, «замалчивание», «уничтожение неудобных свидетельств» - а как вы думаете, почему подлинник «Слова» сгорел?).

Высокая эмоциональность сочетается с постоянной апелляцией к чувствам, к этническим, религиозным и политическим предпочтениям предполагаемого читателя.

Говоря сухим языком науки, представленное на рецензию произведение невозможно признать научно-исследовательской или хотя бы научно-популярной работой. Сделанные автором выводы и умозаключения не подкреплены достоверными источниками и научными фактами (а очень часто им в корне противоречат) и являются преимущественно плодом полёта неуёмной авторской фантазии, сдобренной конспирологией и пароксизмами апофении. Издавать в наше время можно почти всё, что заблагорассудится, были бы деньги, но к счастью это всё вовсе не обязательно читать. Это и есть главная рекомендация всем тем, кто ознакомился с данной рецензией.

В заключение немного позитива. Тираж рецензируемого издания ограничился всего лишь тремя экземплярами. Это означает, что данная книга не встанет на полки книжных магазинов в один ряд с примерно равноценными для читателя по содержанию и уровню научности произведениями новых хроноложцев Фоменко и Носовского, читателя русских надписей на фотосфере Солнца и потрескавшейся штукатурке Чудинова и прочих легионеров мракобесия – борцов с всеобщей и отечественной историей и с русским языком. А моя рецензия вряд ли послужит рекламой и для специалистов, и для многочисленных любителей истории и филологии, вооруженных передовым научным мировоззрением. Что тоже не может не радовать.

Библиографический список

1. *Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Шапка Мономаха – имперский символ татарского происхождения // Золотоордынская цивилизация / под ред. Миргалеева И.М. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНРТ, 2008. - Вып. 1. С.22-26
2. *Зализняк А.А.* О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь, 2009 № 1, 2. (части 1, 2).
3. *Зализняк А.А.* Из заметок о любительской лингвистике. – М.: Русский Мирь, 2010. – 240 с. (Серия: Литературная премия Александра Солженицына).
4. *Зубов Н.И.* Научные фантомы славянского Олимпа//Живая старина. М., 1995. №3(7) С.46-48.
5. *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб.: Евразия, 2004. – 460 с.
6. *Короستовец М. А.* Введение в египетскую филологию. М., 1963. – 168 с.
7. *Кэрролл Р.Т.* Апофения // Энциклопедия заблуждений: собрание невероятных фактов, удивительных открытий и опасных поверий. - М.: Диалектика, 2005. С. 35-37
8. *Медведев М.* Георгиевская ленточка: победа прихоти над культурой // Геральдика сегодня. Научно-просветительский ресурс о современном российском герботворчестве [электронный ресурс] URL: <https://sovet.geraldika.ru/print/39938> (обращение 27.06.2018).
9. *Новиков А.* Как четверговали Ивана Грозного // Знание-сила, 2009. №5 С.70-76.
10. *Соколов А.Б.* Ученые скрывают? Мифы XXI века. – СПб: «Альпина нон-фикшн», 2017. (Серия: Библиотека фонда «Эволюция»). – 370 с.
11. *Спицын А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке // Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества, т.8, ч.1 – СПб, 1908.
12. *Топоров В. Н.* Рарог // Мифологический словарь/ Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
13. *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* "Славяне" и "русы" IX - начала X вв: сравнительный контент-анализ "восточных" источников // Русский сборник Сборник научных трудов, посвященный 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. Брянск, 2002. С. 186-208.

Сведения об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, директор совместного с ИА РАН НИЦ Комплексного изучения Среднедеснинского региона. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru